ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПРЕССА: ВЫБОР МЕЖДУ ГОРДОСТЬЮ И СЫТОСТЬЮ Стр.55

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ 25 МАРТА 1997

Итоги

ВМЕСТЕ С

В прошлый раз, когда президенту понадобилось напомнить, кто в этой стране самый большой начальник, он начал войну в Чечне. А теперь — всего-навсего правительство перетряхнул

Дитя благих намерений

Стр.10-17

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ 25 марта 1997 Итоги №12 (45)

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Великое московское кадротрясение.
План радикальной реформы правительства, предложенный Анатолием Чубайсом, рассыпался. Очевидно, президенту показалось, что слишком скрупулезное исполнение раз взятых на себя обязательств может быть принято оппонентами и излишне ревнивыми наблюдателями за проявление слабости.
Стр. 10–17

Рынок старого искусства представляет собой **антикварную пирамиду.** В основании — арт-дилеры, выше — сеть мелких лавочек во всевозможных торговых заведениях, затем специализированные салоны, магазины и галереи. А на вершине этой пирамиды — ярмарки и, конечно, покупатель, ради которого возводится все строение.
Стр.30

Возвращение великого скитальца произошло спустя 4200 лет. В прошлый визит этой комете имени не дали. Теперь ее первыми заметили американцы Ален Хейл и Том Бопп. В следующий раз комету Хейла—Боппа будут наблюдать наши потомки лишь в 4397 году.
Стр.47

На обложке фото **Юрия Андреева**

Итоги

Еженедельный журнал
№ 12 (45), 25 марта 1997 года
Издатель **ЗАО «Журнал «Итоги»**
Генеральный директор Дмитрий Бирюков

Главный редактор Сергей Пархоменко
Заместитель главного редактора Маша Липман
Арт-директор Аркадий Троянкер
Консультанты (Newsweek) Рон Джаверз, Майкл Джоунз, Лиза Мичурски, Доринда Эллиотт
Секретариат Андрей Збарский **(ответственный секретарь),**
Виталий Колбасюк **(первый заместитель ответственного секретаря),**
Владимир Орлов **(заместитель ответственного секретаря),**
Ирина Фрейдлин **(выпускающий редактор)**
Отдел дизайна Алексей Афанасьев, Ирина Борисова,
Галина Грозная **(ведущий дизайнер)**, Максим Любановский, Федор Радлов
Фотослужба Олег Иванов **(директор)**, Галина Величко, Владимир Иванов, Дмитрий Иванов,
Ирина Иркина, Алиса Петрова
Отдел политики («В России»)
Сергей Авдеенко **(зав. отделом)**, Александр Гольц, Петр Журавлев, Галина Ковальская,
Дмитрий Пинскер, Никита Соколов **(редактор),** Владимир Тодрес, Дмитрий Хитаров,
Александр Щербаков **(редактор)**
Отдел международной жизни («Вокруг России»)
Дмитрий Сабов **(зав. отделом)**, Рубен Бекназар-Юзбашев **(редактор)**, Евгений Крутиков,
Евгений Пахомов, Дмитрий Погоржельский **(корпункт в Бонне)**, Сергей Строкань
Отдел экономики («Дело»)
Ирина Розенберг **(зав. отделом)**, Алексей Каменский, Елена Кузнецова, Андрей Серов,
Светлана Солодовник **(редактор)**
Отдел общества («Наука», «Общество», «Медиа»)
Татьяна Аскери **(редактор)**, Маша Гессен, Денис Драгунский,
Борис Жуков, Елена Каменская **(редактор)**, Борис Старцев
Отдел искусства («Искусство», «Художественный дневник»)
Дина Годер **(зав. отделом)**, Юрий Гладильщиков, Марианна Голубовская **(редактор)**,
Лев Рубинштейн, Ярослав Седов, Ольга Солнцева **(редактор)**
Отдел информационного обеспечения и досье Егор Быковский **(зав. отделом)**,
Наталья Косарева
Переводы с английского Александр Богдановский, Екатерина Лазарева
Служба проверки Лидия Верина, Татьяна Воронина
Корректура Наталья Александрова, Белла Бург, Лариса Долбина, Ирина Комарова,
Лия Кройтман, Александра Пряжникова
Бухгалтерия Елена Пальчевская, Светлана Родионова, Оксана Ростокина
Референты Оксана Артюкова, Ирина Костылева, Анна Лощихина, Ольга Никушкина,
Анна Старостина, Елена Черкасова
Водители Михаил Егоров, Александр Жафяров

Автор дизайн-проекта Аркадий Троянкер

Отдельные редакционные материалы публикуются на основании лицензии, выданной **Newsweek, Inc.**

Постоянный представитель в редакции Newsweek Екатерина Корсунская

Адрес редакции: 125871, Москва, Ленинградское шоссе, дом 5а
E-mail ITOGI@TOD.NEWSBOX.MSK.SU
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ
Регистрационное удостоверение № 014592 от 14.03.96
Подписной индекс 75587
Учредитель ЗАО «Издательство «Семь дней»
Исполнительный директор Артур Селищев
Финансовый директор Сергей Крупенков
Управляющий делами ЗАО «Издательство «Семь дней» Мария Дмитриева
Служба рекламы ЗАО «Издательство «Семь дней»:
Нана Цобехия **(директор),** телефоны (095) 753.4145, 753.4146, факс 753.4148
Служба маркетинга ЗАО «Издательство «Семь дней»:
Ирина Келина **(директор),** Ольга Лытаева, телефон (095) 195.9236
Служба распространения ЗАО «Издательство «Семь дней»
Александр Магатаев **(директор),** телефон/факс (095) 753.4104
Подписка вне территории Российской Федерации осуществляется:
АО «Международная книга» тел. (095) 238.4967; факс (095) 238.4634;
фирмой «East View Publications» тел. +1(612) 550.0961; факс +1(612) 559.2931
Верстка, цветоделение и компьютерное обеспечение — компьютерный центр ЗАО «Издательство «Семь дней»:
Василий Черный **(директор),**
Павел Балаченков, Роман Балашов, Ирина Бархатова, Лев Галустов, Олег Детинин,
Ольга Донецкова, Андрей Дугин, Илья Дьяков, Елена Зайцева, Анатолий Капчинский,
Андрей Корзун, Александр Мелешкин, Саша Милоградова, Зоя Морозова,
Владимир Остапцев, Валентин Писаревский, Владимир Скок, Алексей Чарский, Валерий Чиж
Номер подписан в печать 20 марта 1997 года
Отпечатано в типографии **Algraphics** (Финляндия). Тираж 62 000 экз.

О подписке

Я считал, что у меня 18 февраля 1997 года удачный день. В этот день я нашел то, что искал 2,5 месяца. Но для этого мне пришлось преодолеть почти 400 километров и вообще потратить много времени.

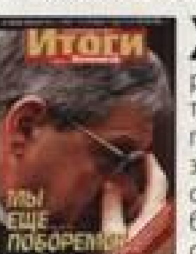
Моя находка — журнал «Итоги» №5 от 04.02.97 г.

Когда я после своей находки пришел смело в «Связьинформ» своего города и сообщил им гордым тоном: «Я желаю подписаться на «Итоги», то работница почты сообщила, что «Итоги» только для Москвы и области (разумеется, Московской). Вот так. Подобную процедуру я повторил и в г.Аше (население за 40 тысяч). Ответ тот же — для Москвы. Тогда я не вытерпел и стал спорить, что подписка — повсеместно и без ограничений. В ответ получил: или «Урал — не территория России», или «Мало ли что они там напишут».

С уважением Лаймис Баршаускас, г.Миньяр

От редакции. Подписаться на журнал «Итоги» на первое полугодие 1997 года можно в любом отделении «Связьинформ» на территории России. В «Объединенном каталоге' 97» Федеральной службы почтовой связи РФ указан индекс — 40906.

О Бажанове

Хочу отметить весьма интересную и познавательную статью Олега Шишкина «Охота за охотником», посвященную судьбе бывшего личного секретаря (помощника) И.В. Сталина и секретаря Политбюро ЦК ВКП(б) Бориса Бажанова, которая была опубликована в «Итогах» №9 от 4 марта с.г.

Это замечательно, что ваш журнал уделяет немало места для освещения малоизвестных страниц истории нашей страны. И прекрасный пример тому — упомянутая статья, которая может стать хорошим введением для тех, кто интересуется историей партии и карательных органов нашего государства того периода.

С уважением Николай Степанов, Москва

О чипсах

Как и многие представители моего поколения, я, к сожалению, вовлечен в крупнооптовую торговлю всякими потребительскими товарами, поэтому мне было особенно интересно ознакомиться со статьей Ирины Розенберг, посвященной чипсам. Честное слово, она написана настолько увлекательно и информативно, что жалеешь, что дочитал до конца.

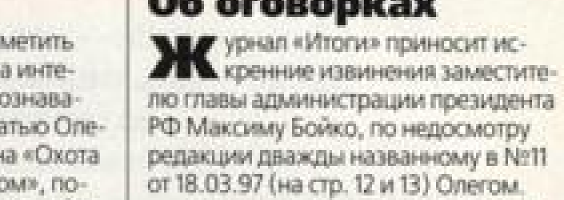
Мой друг учится в Аризоне на компьютерного монстра, и сейчас их послали в пустыню учиться стрелять из М-16, поэтому он интересуется, как я отношусь к расширению НАТО на Восток. Я ему ответил, что этим расширением не интересуюсь, а читаю в «Итогах» статьи Ирины Розенберг.

Думаю, что когда он начнет читать ее статьи, то тоже перестанет интересоваться этим расширением, тем более что чипсов в Аризоне наверняка больше, чем на просторах Западной Сибири.

Скажите, а не могла бы Ирина Розенберг написать обзорную статью о печенье? Я был бы чрезвычайно ей признателен.

Анвар

Об оговорках

Журнал «Итоги» приносит искренние извинения заместителю главы администрации президента РФ Максиму Бойко, по недосмотру редакции дважды названному в №11 от 18.03.97 (на стр. 12 и 13) Олегом.

Для сведения читателей сообщаем, что видный администратор Максим Бойко и бывший банкир Олег Бойко не только не являются одним и тем же лицом, но также не состоят ни в каком родстве и даже не приходятся друг другу однофамильцами. Сотруднику «Итогов», допустившему оговорку, строго указано, а также настоятельно рекомендовано обратиться за помощью к доктору Фрейду.

Уважаемые читатели!

Мы будем рады узнать ваше мнение о наших публикациях, облике журнала.

Адрес редакции: 125871, Москва, Ленинградское шоссе, дом 5а.
Телефон: **(095) 753-33-04**
E-mail ITOGI @TOD. NEWSBOX. MSK. SU

Напоминаем, что подписка на журнал **«Итоги»** на территории Российской Федерации принимается повсеместно без ограничений.

Наш подписной индекс 75587

Подписка вне территории Российской Федерации осуществляется:
АО «Международная книга»
тел. **(095) 238.4967;** факс **(095) 238.4634;**
фирмой **«East View Publications»**
тел. **+1(612) 550.0961;** факс **+1(612) 559.2931.**

Телефон для справок по вопросам распространения:
(095) 753-41-03.

Мартовские беды

ПЕРВЫЙ МЕСЯЦ ВЕСНЫ — НЕ САМЫЙ УДАЧНЫЙ ПЕРИОД ДЛЯ государственных деятелей всех времен и народов. Мартовские иды оказались роковыми не только для Юлия Цезаря, но и для Николая II, поставившего подпись под отречением от престола, которое фактически оказалось смертным приговором самому себе; в марте скончались Иосиф Сталин и Клемент Готвальд (простудившийся, кстати — а точнее, некстати, — на похоронах великого диктатора).

Нынешний март — увы, не исключение. «Эпидемия» несчастных случаев с сильными мира сего (к счастью, без трагических последствий) в разных уголках земного шара заставила поволноваться не только досужих журналистов, но и тех, кто готовит (и принимает) «судьбоносные» решения. 14 марта президент Израиля Эзер Вейцман, выходя из вертолета, доставившего его в Кесарию, крайне неудачно «приземлился» и тем же вертолетом был срочно переправлен в Иерусалим, где врачи констатировали у него перелом шейки бедра и запястья. В тот же день президент США Билл Клинтон споткнулся на лестнице дома своего друга Грега Нормана в Палм-Бич и через несколько часов оказался в госпитале Бетесда, том самом, где в ноябре 1963 года производилось вскрытие тела Джона Кеннеди. Диагноз — разрыв связок на правой ноге. Рекомендации на ближайшие недели — костыли или инвалидная коляска. Полное излечение — через год. И наконец, в те же дни простудился министр иностранных дел России Евгений Примаков, собравшийся в Вашингтон для подготовки российского-американского саммита. Что, впрочем, не помешало министру провести последний раунд переговоров — правда, практически шепотом, к явному недовольству переводчиков.

Помнится, в январе, когда Россия с удивлением обнаружила, что «выздоровевший» Ельцин выглядит, мягко говоря, неважно (а между тем дата саммита в Хельсинки была уже определена), наиболее циничные журналисты чуть ли не заключали пари: как именно Билл будет спасать реноме друга Бориса — «простудится», чтобы не лететь в Финляндию , или «повредит ногу» во время утренней пробежки... В марте Россия с удивлением обнаружила, что на самом деле и «у них» со здоровьем бывает не все гладко. Что и за океаном неохотно расстаются — даже на часы — с властью: Клинтону специально сделали местную, а не полную анестезию во время операции, чтобы ему не пришлось передавать президентские полномочия и ядерный чемоданчик Альберту Гору. Что ситуация кардинально изменилась, и, как выразился президент России, «в Хельсинки приедет здоровый Ельцин и больной Клинтон». Злорадства в этой фразе нет никакого, нечто похожее на торжество — есть, безусловно.

В 1945 году в Ялте встретились здоровый советский лидер — Иосиф Сталин и больной американский — Франклин Делано Рузвельт. Но не одни только инвалидные коляски американских президентов виной тому, что Хельсинки-97 ассоциируется у нас с Ялтой-45: по сути, и тогда, и теперь делили Европу.

Скорее бы апрель наступил.

С.А.

ПОСЛЕДНИМ ПИСКОМ МОДЫ СРЕДИ ЛЮБИТЕЛЕЙ ПРЫЖКОВ С ВЕРЕВОЧНОЙ ЛИАНОЙ СТАЛИ ПОЛЕТЫ С НЕБЕСНЫМ БЛЮДЦЕМ — МОТОРЧИКОМ, КОТОРЫЙ ПОЗВОЛЯЕТ ВЗМЫТЬ ВВЕРХ И ПАРИТЬ В ВОЗДУХЕ

Австрия не торопится в НАТО

В ТО ВРЕМЯ КАК СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬной и Восточной Европы устремились в НАТО, Австрия, казалось бы, имеющая гораздо больше причин и шансов на присоединение к альянсу, по-прежнему будет оставаться в стороне. Таково мнение канцлера Виктора Клима, который исключает возможность вступления в НАТО, по крайней мере до тех пор, пока в основном законе страны обозначен ее нейтралитет. «Я не знаю ни одного эксперта, кто утверждал бы, что нейтралитет и НАТО — вещи совместимые».

Морской червяк на обед

НА БОСТОНСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ярмарке морепродуктов сенсация. Впервые торговец морепродуктами Дэйв Джоунз из Шелтона предлагает гурманам отведать морского моллюска Glycineris generosa размером более 120 см. Продавец понимает, что это существо выглядит не совсем аппетитно. Однако он надеется, что со временем гурманы распробуют червяка и будут довольны блюдами из этого моллюска. В Бостон на эту грандиозную ярмарку приехали тысячи профессионалов в области добычи и переработки морепродуктов.

ШЛАГБАУМ

Немцов	↑	Знать, не зря согласился он взвиться Вверх из Нижнего в первые лица. Если сможет надолго Всех чиновников в «Волгу» Побросать. Вот народ удивится.
Лебедь	↔	С изумленьем узнала Россия, Что спасать ее прет «Третья сила» От известных морок — Дураков и дорог: «Сила есть?» А про ум не спросила.
Каспаров	↔	На доске вариантов немало, Из которых хитрó выбирал он. И не скажешь о нем: «Сделал ход он конем!» А грозит сделать мат генералом.
Булгак	↓	В «вице» выбился он не из грязи. Знай в связи с назначением в князи: Сделать эту карьеру Дали вице-премьеру Обретенные вовремя связи.

Два президента в одном стакане

КОКТЕЙЛЬ ИЗ ВОДКИ, БРЕНДИ, ПЕРСИкового сока с мякотью, лимонного, апельсинового сока и подкрашенного в синий цвет сахарного сиропа предлагают в эти дни финские бармены. Название нового напитка, как и его компоненты, говорит само за себя: «Билл и Борис». Трудно сказать, как чувствуют себя президенты после разговоров в Хельсинки, а вот посетителям баров после двух-трех стаканчиков этой смеси явно становится хорошо.

Вокруг Земли на старом самолете

В ИЮЛЕ 1937 ГОДА НА ПУТИ ОТ НОВОЙ Гвинеи до маленького тихоокеанского острова Хаулэнд пропала легендарная женщина-авиатор Амелия Эрхарт. На двухмоторном самолете «Локхид Электра 10» она вместе со штурманом Фрэдом Нунаном совершала кругосветный перелет. Этот подвиг шестьдесят лет спустя решила повторить Линда Финч на самолете той же конструкции, который пилот и ее команда восстановили с помощью известной фирмы «Пратт энд Уитни».

Кругосветка стартовала в американском городе Окленд (штат Калифорния). Самолет пересечет Северную и Южную Америку, Африку, Европу, Азию и финиширует 20 мая на том же оклендском аэродроме. Пилот Финч должна преодолеть 48 000 км с тридцатью остановками. Маршрут ее полета почти совпадает с маршрутом, по которому летела Амелия Эрхарт. Самолет последней так и не был обнаружен поисковыми экспедициями, и предположения, что она разведывала японские позиции в Тихом океане, до сих пор не подтверждены.

Лифт не туалет

В СИНГАПУРЕ ОТМЕЧАЮТ ВЫСОКУЮ эффективность нововведения, позволяющего застичь на месте зловредного деяния людей, использующих лифты в качестве бесплатного общественного туалета. С позапрошлого года в лифтах выборочно устанавливается устройство, реагирующее на продукт малой нужды человеческого организма и автоматически блокирующее двери лифта до прихода полиции. Застигнутым грозит штраф в размере 1 400 долларов. Возьми такую вещь на вооружение российские власти, государственная казна, думается, пополнилась бы весьма значительно.

Учитесь грамоте, бой-френды!

СТАРАЯ ДОБРАЯ БАРБИ ПРЕОБРАЗИлась. Стала куда умнее и современнее. Самую умную и современную Барби любители всего непростого теперь могут приобрести в комплекте с лазерным диском и миниатюрным персональным компьютером, который можно подключить к вашему большому, настоящему. Этой Барби можно открыть душу, и она вас поймет. Напечатайте несколько фраз на компьютере, расскажите, как вас зовут, когда и зачем вы родились, какой ваш любимый цвет и размер — и девичий компьютер небольших размеров «вложит» всю эту информацию в ее хорошенькую головку через посредство инфракрасного порта в ожерелье на ее хорошенькой шейке. И тут случится чудо — немая доселе Барби заговорит. С вами, не с кем-нибудь. Губы шевелятся, все такое прочее, как положено. Купите ее. Сопротивление бесполезно.

Не жалея ничего

ЧУДЕСА САМООТВЕРЖЕННОСТИ И эквилибристики проявил защитник американской баскетбольной команды «Голден Стэйт» Латрел Спрюэлл. В игре против «Торонто» защитник тигром прыгал за каждым мячом, летящим в его корзину. В одном самом критическом моменте пришлось использовать не только длинные и сильные руки ...

Прокат четвероногих

В ПЕРЕНАСЕЛЕННОЙ СТОЛИЦЕ ЯПОнии при сдаче квартир внаем зачастую ставятся жесткие условия, не допускающие содержания домашних животных. В то же время есть немало людей, которые хотели бы хоть немного пообщаться с каким-нибудь из «братьев меньших». В таком случае их путь лежит в агентство «Перро Моко». Г-н Масахиро Кабаяши, владелец агентства, держит у себя 15 собак и 15 кошек, отвечающих самым разным вкусам. Четырехчасовая прогулка с кошкой или маленькой собачкой обходится у него примерно в 25 долларов, а аренда крупного пса — 41. В месяц у него бывает до 50 клиентов.

Здоровая аполитичность

КАЖДЫЙ ДЕСЯТЫЙ ПОРТУГАЛЕЦ не знает, что главу его государства зовут Жоржи Сампайю, а 91% жителей этой страны не способны признать в Антониу Гутеррише своего премьер-министра — таковы данные опроса, проведенного лиссабонским еженедельником Expresso. Имя Антониу ди Алмейда Сантуша — председателя национального парламента — ничего не говорит 60 % из 1964 опрошенных, а 50 % не смогли идентифицировать лидеров основных политических партий, включая правящую социалистическую.

В ГЕРМАНИИ, ЕСЛИ МОСТ МЕШАЕТ ПРОКЛАДКЕ НОВОЙ ДОРОГИ, ТО С НИМ НЕ ЦЕРЕМОНЯТСЯ, А ВЗРЫВАЮТ. ТАК ПОСТУПИЛИ РАБОЧИЕ ИЗ ГАННОВЕРА ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ ШЕСТИРЯДНОГО АВТОБАНА

Своя газета ближе к телу

В ЯНВАРЕ 1997 ГОДА ВЦИОМ ПРОВЕЛ опрос среди городского и сельского населения России (2406 респондентов, общенациональная репрезентативная выборка). Социологов интересовало, каким газетам — центральным или региональным — отдают предпочтение. Выяснилось, что большинство опрошенных (44%) предпочитают читать местную (областную, районную, городскую) прессу.

КАКИЕ ГАЗЕТЫ ВЫ ЧИТАЕТЕ БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ РЕГУЛЯРНО? (В %)

«АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ»	24
«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»	12
«ТРУД»	6
«ИЗВЕСТИЯ»	4
«РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА»	3
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»	2
«СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ»	1,5
«КОММЕРСАНТЪ-DAILY»	1,4
«ПРАВДА»	1,1
«СЕГОДНЯ»	0,9
«НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА»	0,9
«КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»	0,5
ДРУГАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА	6
ОБЛАСТНАЯ, ГОРОДСКАЯ, РАЙОННАЯ ГАЗЕТА	44
ГАЗЕТЫ РЕГУЛЯРНО НЕ ЧИТАЮ	35

Данные опроса показывают, что самой «народной» газетой можно назвать «Аргументы и факты» — их читают 24% из числа опрошенных. Можно сделать и такой вывод: как бы ни были интересны и захватывающи события, происходящие как в столице, так и в стране и мире, жители России более озабочены своими местными проблемами, что вполне естественно.

По информации «Итогов», REUTER, Интерфакс, ИТАР-ТАСС, AFP, DPA ФОТО REUTER, AP, AFP

Призы от журнала «Итоги» победителям

Восемнадцатого марта главный редактор журнала «Итоги» Сергей Пархоменко начал серию встреч с читателями, победившими в розыгрыше суперпризов журнала «Итоги», который состоялся 24 января этого года.
Результаты розыгрыша были опубликованы в пятом номере «Итогов».
Напомним, что этот розыгрыш уже второй в жизни журнала и, как показало количество его участников, очень популярный среди читателей.

Условия розыгрыша были совсем простые; в нем приняли участие все те читатели, которые подписались на «Итоги» на полгода и до 31 декабря прислали нам «Купон розыгрыша призов журнала «Итоги». И вот десять обладателей третьего приза посетили редакцию журнала, где в торжественной обстановке им вручили карточки MostCard Мост-банка по 300 долларов каждая.

Нам было приятно, что все наши призеры выписывают «Итоги» с самого начала его издания и розыгрыш призов воспринимают не иначе как игру. Но кроме лестных слов в адрес «Итогов» мы получили еще и критические замечания от наших требовательных подписчиков.

Евгений Янин
(43 года, научный работник):
— Хочется, чтобы в «Итогах» было побольше материалов о науке. И лично мне не нравится рубрика «Шлагбаум».

Андрей Ведерников
(35 лет, адвокат):
— Журнал я читаю всегда с большим интересом. Жаль только, что очень мало статей на юридические темы.

Алексей Суражский
(30 лет, техник по образованию):
— В журнале слишком много материалов о компьютерах.

Теперь на очереди другие герои сериала «Журнал «Итоги» и друзья». Вы познакомитесь с обладателями второй премии и с Георгием Ушаковым, который будет проводить в Риме свои каникулы.

Журнал «Итоги». Вы понимаете, что происходит

«Не вижу необходимости оголять премьера и оставлять его одного на вершине пирамиды»

Александр Шохин

«Все пойдет, все. В том же режиме, в том плане, но прибавить. Прибавлять будем».

«Нам нельзя растягивать этот процесс. Его нельзя растягивать. Процесс реформ — он смерти подобен, но нельзя растягивать страдания людей».
Виктор Черномырдин о работе нового Кабинета

«Назначают когда? Накануне женского дня, завернув в его ваучер в качестве подарка стране».
Геннадий Зюганов о Чубайсе

«Все люди страдают от политиков-однодневок, от тех, кто попал во власть, как кур во щи, но если кур во щи съедается, то эти все наоборот, они власть подминают и оказываются... что называется... ничего с них не возьмешь».
Геннадий Бурбулис

«В общем, у него сегодня при разговоре уже мысли прямо так и льются из него».
Борис Ельцин о Немцове

«Мне говорят некоторые доброхоты, говорят: ну как же, вы же с Чубайсом земляки, вы ленинградцы. Я говорю: ну, в Ленинграде много было разных людей».
Геннадий Селезнев

«Про этику разговора сегодня не должно быть, наверное, потому что разговор идет про слишком серьезные темы».
Борис Громов

«Там может быть несколько сутей, но вот одна из сутей такова: государство у нас дряблое, вялое».
Павел Бунич о новом Налоговом кодексе

«Когда на Руси беда, народ спасается тем, что берется за руки».
Александр Лебедь

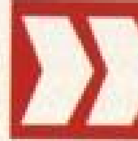
«Меня избрал белорусский народ, самый мудрый, талантливый и миролюбивый народ всей нашей планеты».
Александр Лукашенко

«Я думаю, что Лукашенко с народом Албании».
Виктор Анпилов

«Те доходы, которые имеют наши семьи россиян, они настолько малы, что люди сводят концы с концами».
Юрий Лужков

Слушали и записывали **Вова Белозерцев и Рита Богданова**

Нетрадиционная конфессия

Сергей Иванов

РОВНО 1700 ЛЕТ НАЗАД

Легенда гласит, что, когда римский владыка Диоклетиан после восьмимесячной осады въехал в сдавшуюся на его милость мятежную Александрию, он приказал солдатам убивать горожан до тех пор, пока текущая по улицам кровь не коснется колена его коня. Однако сразу в воротах конь споткнулся о труп и упал на колени, омочив их в первой крови — император усмотрел здесь знак богов и прекратил резню. Александрийцы воздвигли статую этому коню, порфировые куски которой были видны еще в XIX веке.

Имела ли место эта история на самом деле, теперь не узнать, но зато наверняка известно, что сразу после подавления мятежа Диоклетиан, этот гений администрирования, приступил к законотворчеству. Первым делом он ликвидировал особый статус Египта, дарованный еще Августом, и разделил страну на три обычные провинции — Иовию, Геркулию и Фиваиду. Затем он издал указ о реформе налогообложения, для чего повелел составить земельный кадастр. В-третьих, император усмотрел угрозу для финансовой стабилизации, которой он с трудом добился, в увлечении египтян алхимией — и приказал сжечь все древние рукописи, из коих мог быть почерпнут секрет изготовления золота. Но все же главным в этом пакете был указ о манихеях.

Хромой на правую ногу персидский пророк Мани учил, что Зло — это не недостаток, а нормальное состояние дольнего мира, ибо он принадлежит Сатане, творившему Вселенную на равных с Богом. Добро же присуще лишь горнему миру. Мани заповедовал не споспешествовать злой материи ни рождением детей, ни накоплением богатств — ничем. За этот негативизм пророк был казнен в 69-й год Сасанидской эры (277 год н. э.) персидским царем Варахраном II. Но учение его от этого только выиграло — манихейство с немыслимой скоростью распространилось на восток до Китая. Хотя с Римом у Персии была застарелая многовековая вражда, модная религия через кочевые арабские племена попала и в Египет, где у нее нашлось много последователей.

Накануне апрельских календ года от основания Города 1050 (31 марта 297 года н. э.) Диоклетиан обнародовал в Александрии следующий указ: «Бессмертные боги промыслительно установили в мире свой порядок, против которого идти нельзя. Никакая новая религия не должна дерзать против традиционной. Пересматривать то, что было раз и навсегда установлено древними, есть тягчайшее преступление. Мы намерены наказывать всякого, чей ум упорствует в своей злокозненности, и особенно тех, кто предпочитает нашим традиционным верованиям новую религию и по собственному ложному разумению отвергает то, что было нам завещано богами. Дошло до нас, что манихеи делают неслыханные заявления относительно этого мира. Здесь очевидны происки враждебного нам персидского народа. Манихеи сбивают с толку мирное население и вносят немалую смуту в города. Следует опасаться, как бы они не заразили своим ядом весь римский народ, простодушный и скромный. Итак, мы повелеваем, чтобы их главари вместе со своими омерзительными писаниями сжигались на кострах, их последователям отрубались головы, а имущество конфисковывалось. Если же в это отвратительное персидское учение уклонились люди почтенные и сановные, то их следует ссылать в Фенненские и Проконнесские рудники. Эта язва должна быть с корнем вырвана из нашей благословенной державы».

Диоклетиан верно почувствовал, что всему римскому укладу жизни угрожает новая религия. Он только на тот момент ошибся, какая именно. ■

Метротроица

Яков Кротов

ПРЕВРАЩЕНИЯ

В московском метро в переходе с кольцевой станции «Белорусская» на радиальную стоит статуя. Миллионы людей ходят мимо нее — именно мимо, не замечая трехметрового монстра весом в несколько тонн; во всяком случае, назначая около нее встречи (заметная ведь примета), я обнаруживал, что ее не помнят. Собственно, статуй белорусских партизан целых три: сидит бородатый дед, по бокам от него мужчина и женщина. Если хоть однажды остановиться перед ними и приглядеться, каждый, кто знает русскую культуру хотя бы на уровне рублевской «Троицы», почувствует, что перед ним нечто хорошо знакомое. Правда, апостолы, увидев Христа, преображенного воскресением, долго не узнавали его; с рублевским шедевром случилось в данном случае антипреображение. Икона, которая из принципа отказывается от объема (ведь Царство Божие — небесное, а небо объема не имеет), превращена в груду бронзы. Всякая картина, словно холст с нарисованным очагом, приглашает заглянуть в себя и обнаружить там иной мир, а уж икона и подавно. Не случайно иконы пишут на доске — доска словно дверь. Всякая же статуя завоевывает твое кровное пространство, а такая, как на белорусской, не одну пядь родной земли поглотила, ничего не дав взамен.

Нет, это не переход от кольцевой к радиальной, это прореха, где вывернулась наружу изнанка нашего мира и стало ясно, что никакой он не мир, а вовсе даже антимир. «Троица ветхозаветная» — это Бог в гостях у человека, Бог в виде трех ангелов в гостях у праотца Авраама. Перед такой иконой человек и кланяется-то не как раб, но как хозяин: кушайте, гости дорогие. Чувство это сохраняется даже, когда знаешь, что на рублевской иконе стол символизирует Голгофу, на которой приносится жертва Христа. Метротроица явно прячет стол за своими спинами, оборония его от гипотетических немцев, а в сущности от тебя, оказавшегося волею скульптора на месте врага.

Рублевские ангелы, во-первых, настолько равны, что почти бессмысленно выяснять, кто из них какому лицу Троицы соответствует, во-вторых, среди выясняющих самой распространенной точкой зрения является та, что в центре Бог Отец (почему эта фигура слегка возвышается над прочими), одесную его Христос, слева — Дух Святой. В Метротроице фигура старика, пародирующая Творца, сделана ниже всех прочих, — дуга, которая у Рублева обращена вверх, здесь обрушена вниз, старшее сделано младшим. Фигура женщины, стоящей одесную старика, явно пародирует не Христа, а именно ипостась Духа Святого (иногда и в религиозном сознании понимаемую как нечто, близкое к женскому началу). Наоборот, «Христос» помещен слева (справа для зрителя). И уж, конечно, в руках этого спасителя и освободителя человечества не крест и не книга со словами: «Любите врагов своих...», а старый добрый автомат.

Очень хочется сказать, что эта Метротроица есть кощунство над христианской святыней со стороны атеистов, насчет дьявола, который макака Бога и прочая. Но, разумеется, вера или неверие тут ни при чем, виновата блажь, заставившая сравнивать Божий дар с приличной, в своем жанре и стиле, статуей. Не скульптор виноват, а ты сам, это в тебе, выходит, соседствуют вера в Троицу Любви и надежда на троицу с рокинутую, троицу суперменов с автоматом.

Рублевская «Троица» была предложена советскому человеку в качестве общеобязательного символа в 1980 году. Только ввели войска в Афганистан, только устроили Олимпиаду, которая еще до старта стала победой над американцами, только показали по телевизору раскаявшегося в антисоветской деятельности священника Димитрия Дудко (ныне духовника газеты «Завтра»). Шестивековой юбилей Куликовской битвы пришелся как нельзя кстати: вспоминали победу над Мамаем, а подразумевали разгром американцев, диссидентов и освобождение братского афганского народа от афганского же ига. «Троица» стала назойливо тиражироваться: объясняли, что она символизирует единство русских земель, достигнутое благодаря мудрой политике руководителей нашей страны в XIV веке. Гениальность рублевского шедевра доказана тем, что «Троице» этот бред абсолютно не повредил. ■

Воспоминание об анатолийской ковровщице

Игорь Померанцев

ИСКУССТВО

Любовь — это розовый гиацинт, тоска — фиолетовый, верность — белый. А измена?

Кто не знает, что художественное достоинство ковра не в последнюю очередь определяется качеством красителей: натуральных в древности и средневековье (ассирийцы, вавилоняне, французские красильщики Гобелены) и химических в новое и новейшее время. Последние дешевле, но, если можно так сказать, плоше. Когда-то один из лучших красных красителей, кармин, добывали из самок кошенили (подотряд кокцидов, семейство разнокрылых). Потому-то кармин был летучим, но стойким, неуловимым, но броским. Другими источниками красок были грушевый, виноградный, платановый, липовый, персиковый листья, айва, резеда и дрок, скорлупа грецкого ореха, лишайник, индигоноска, целомудренник, гранат, цвет акации, львиный зев, мята, сок шелковицы, шиповник, шафранные рыльца. Ковры растительных расцветок дышали, благоухали, пьянили. Турецкие невесты могли коврами одурманить любого жениха. Тот, кто лежал в раю ковра, терял волю и память. Ему снились сны о белоснежных овцах, которых моют в чистом ключе, по весне стригут, после сушат их шерсть и красят ее в букетах, кущах, садах. Каждый ковер — тайное письмо. Его дóлжно гладить, нюхать, читать сосредоточенно, нить за нитью, узор за узором. Для посвященного ковер звучит голосами птиц, зверей, ветров, ручьев, листьев. Ковер — это любовное свидание сада и степи, прохлады и жара. Ковер-самолет — не метафора. Ковры кочевали, странствовали, спасались бегством, спасали беглецов...

В заключение хочу дать практический совет. Никогда, никогда не смывайте пятен свежей крови на ковре горячей водой. Делайте так: протрите пятно губкой, предварительно смочив ее в холодной соленой воде. Если не поможет, трите губкой, смоченной в белом сухом вине. Если же кровь засохла, добавьте в воду несколько капель нашатыря и трите, трите. Запомнили? ■

Что написано пером...

Семен Файбисович

НАРМУДЫ

Начнем с двух тривиальностей. Сначала скажем, что скорее наше мифологизированное сознание определяет наше бытие, чем наоборот. Потом скажем, что Россия — место традиционно вербальное — заповедник высокого статуса слова. Теперь соединим эти тривиальности вместе, как шпионы соединяют в детективе две части разорванной открытки, и добьемся, как и они, алкаемого синтеза: существованием в мифологизированном пространстве мы обязаны не в последнюю очередь именно высокому статусу слова, письма, литературы.

Во-первых, завиральность в самой природе художественного да и вообще любого писания. А кроме того, в российском обыденном сознании мифологизированы даже представления о литературе: «Рукописи не горят», «Не продается вдохновенье», «Что написано пером — не вырубишь топором» и так далее. Прямо противоположные положительные утверждения, например: рукописи горят, вдохновение продается — явно ближе к реальному положению вещей. Так, главный гений русской поэзии первым начал систематически продавать вдохновение и даже пытался с этого жить (правда, наделал долгов), а гений русской прозы сжег рукопись второго тома «Мертвых душ», не оставив нам от него никакого следа.

Как знать, возможно, и есть доля вины Александра Сергеевича, назвавшего свою самую большую поэтическую форму романом, в том, что у нас так долго ложь именовалась правдой, а зло — добром. Или Николая Васильевича, назвавшего свою самую большую прозаическую форму поэмой. Может, будь они поадекватней, как-то все иначе бы повернулось? Или, скажем, не окажись сотрудники ОГПУ—НКВД под гипнозом народной мудрости про невырубаемость топором написанного пером, может, догадались бы вырубать написанное, а не написавших? ■

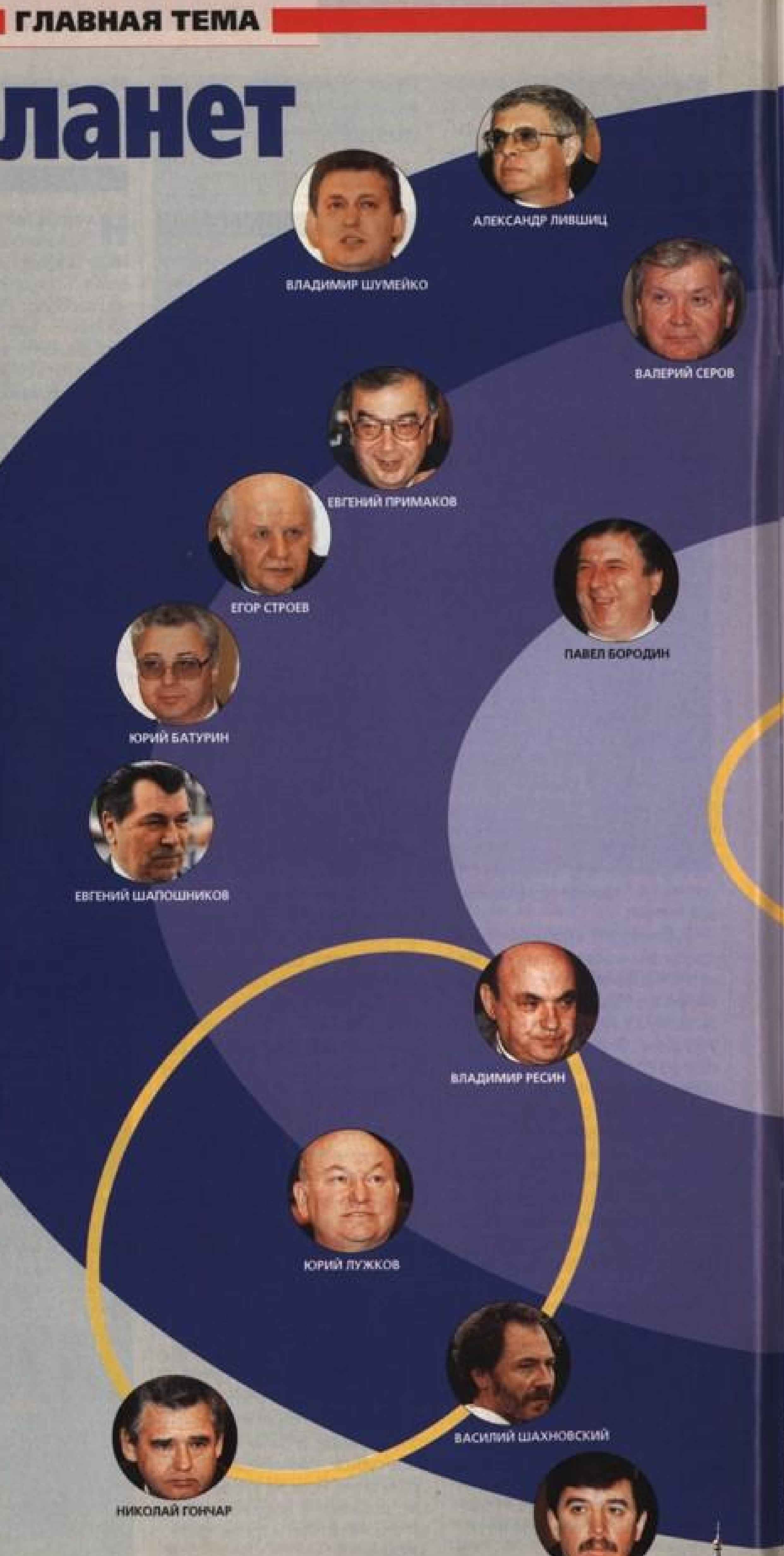
Парад планет

ВСЕ НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИМЫЕ ФИГУРЫ В РОССИЙСКОЙ политике, если, конечно, не брать в расчет оппозиционеров, вращаются по орбитам разной удаленности от центра — президента Ельцина. При этом место того или иного персонажа в круговращении политических тел определяется не столько должностью чиновника, сколько сегодняшним отношением к нему самого Ельцина (непредсказуемость президента хорошо известна: он может в одночасье задвинуть человека на политические задворки, и наоборот), а также той силы, которая в данный конкретный момент обладает наибольшим влиянием на российского лидера. Такой силой в свое время был Коржаков. Ему на смену, на самую ближнюю орбиту, пришла дочь — Татьяна Дьяченко. Об этом свидетельствует как назначение Валентина Юмашева на пост главы кремлевской администрации, так и информация о тех, кому делались подобные предложения.

Надо отметить, что дистанция между второй и третьей орбитами незначительна и условна. На второй орбите — люди, лично близкие президенту и его семье, а также чиновники, чей долг — неотступно следовать за главой государства. А на третьей — реальные политики, которые не ограничивают свои планы на будущее 2000 годом, то есть сроком полномочий Бориса Ельцина. Некоторые из них обладают собственной командой, и кое-кто из соратников может иметь особые, личные отношения с президентом. Лучший тому пример — главный московский строитель Владимир Ресин, чьи взаимоотношения с Борисом Ельциным, по некоторым сведениям, отличаются куда большей доверительностью, нежели его шефа — московского мэра. По сути, именно эти люди вместе со своими сателлитами и составляют президентскую рать, формирующую российскую политику.

И если разница в статусе между телами, находящимися на второй и третьей орбитах, невелика, то дистанция между третьей и четвертой — огромна. Как правило, туда перемещаются те политики, от чьих услуг президент отказался, но все-таки держит «в резерве главного командования». Политики, очутившиеся на этой внешней орбите, подобны кометам и могут в любой момент окончательно вылететь из поля тяготения светила или испариться, неосторожно приблизившись к нему. Из тех, кто однажды оказался на этой орбите, лишь Ивану Рыбкину удалось продвинуться в обратном направлении. Он в отличие от большинства своих коллег по президентской команде постепенно совершает путь из оппозиции во власть. ■

Д.П.

АЛЕКСАНДР МАКАРОВ

ГЛАВНАЯ ТЕМА

АЛЕКСАНДР МАКАРОВ

Великое московское кадротрясение

ЕСЛИ «ПЕРВЫХ ЗАМЕСТИТЕЛЕЙ» ПОЯВЛЯЕТСЯ БОЛЬШЕ ОДНОГО, ТО СТАНОВИТСЯ СОВЕРШЕННО БЕЗРАЗЛИЧНО, СКОЛЬКО ИХ В НАЧАЛЬНЫЙ МОМЕНТ — ХОТЬ ДВОЕ, ХОТЬ СЕМЕРО. ВСЕ РАВНО ИХ ПОГОЛОВЬЕ МОЖНО УВЕЛИЧИТЬ ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ, И У ВСЕГО СТАДА ОСТАЕТСЯ ТОЛЬКО ОДИН НАСТОЯЩИЙ ПАСТЫРЬ — ПРЕМЬЕР

Борис Ельцин — хозяин своему слову: сам дал, сам и взял обратно

Сергей Пархоменко

ПОДОПЛЕКА

Цепь событий, пережитых российской властной элитой на протяжении трех минувших недель, по всем формальным признакам могла бы быть описана в привычных терминах «правительственного кризиса». Налицо радикальное структурное переустройство правительства, сопровождающееся массовыми кадровыми перемещениями и в высшем руководящем эшелоне, и на аппаратном уровне федеральных органов исполнительной власти. Это кадротрясение «силой до девяти баллов по шкале Гайдара», как выразился один из старожилов Старой же площади, вписывалось бы в классическую схему, если бы не одна небольшая деталь: вообще-то для такого кризиса требуется хоть сколько-нибудь существенный политический повод.

В благословенных странах с устоявшейся политической системой и развитыми политическими традициями правительства рушатся, например, в случае отклонения парламентом проекта государственного бюджета. Или в результате выборов — когда в должность вступает новый глава государства либо резко меняется расстановка сил в законодательном собрании и правительство лишается поддержки парламентского большинства. Или в апогее какого-нибудь скандала — скажем, когда влиятельные деятели исполнительной власти оказываются уличенными в злоупотреблениях. Или, наконец, под давлением народных масс, недовольных целями, которые ставит перед собою правящая элита, либо методами, которыми указанная элита пользуется для достижения упомянутых целей...

Единственное (и совершенно естественное для российской традиции) объяснение случившемуся можно предложить, вспомнив, что именно на начало марта пришлось возвращение к активной деятельности Бориса Ельцина, приуроченное к выступлению с ежегодным президентским посланием Федеральному собранию. По существу тогда и состоялось грозное «явление царя боярам», ожидание которого в конце декабря посеяло поистине панические настроения в столичной чиновничьей среде. Рецидив «банной болезни», обернувшийся для президента воспалением легких, на два месяца отсрочил возвращение Хозяина в Кремль. Успели забыться уверенные декабрьские прогнозы одних о грядущем изведении Чубайса под корень и не менее убежденные пророчества других о чудесном его вознесении еще выше. Вместе с ними как-то само собой рассосалось и осознание обреченности правительства, которому должно было бы предстоять избиение в любом случае.

Гром грянул в марте, и мужики в Кремле, на Старой площади и Краснопресненской набережной с готовностью принялись креститься. На наблюдателя, чуть отвыкшего от устоявшегося образа жизни обитателей трех цитаделей российской власти, как раз эта готовность, эта покорность и производит наибольшее впечатление.

Вне зависимости от ранга чиновника, с которым корреспондентам «Итогов» приходилось беседовать в последние дни, вне зависимости от того, происходила ли эта беседа в обшарпанном кабинетике, в комфортабельной приемной или за столом вполне фешенебельного ресторана, рано или поздно звучали одни и те же слова: «Ну что вы хотите? Ведь он вернулся! Ведь должен же он дать понять! Ведь положено же так! Ну не может же он нас всех тут не вы... вы... в общем, не выпороть! Весь вопрос — с кого он начнет: потому что если попадешь в первую десятку тех, за кого он примется, — всё, пропал совсем...»

Наблюдается полное единодушие среди комментаторов в правительстве и администрации: президенту необходимо было произвести впечатление — перед собственным окружением, страной и миром, — что полоса слабости и неопределенности позади и он в отличной форме; ему нужно было подтвердить репутацию правителя, крепко держащего в руках все нити власти до единой; он обязан был при первой возможности пресечь всякие разговоры о «регентстве», «упадочном дворе» и «осени патриарха». Ему важно было заново доказать, что он хозяин своего слова: сам дал, сам и забрал обратно. Что он никому ничем не обязан. Ни перед кем не намерен ни в чем отчитываться. Не зависит ни от чьего расположения и не интересуется им, но напротив, в силе и в праве поставить любого в зависимость от своего настроения и своих взглядов на положение вещей.

Так что мы все еще легко отделались. В прошлый раз, когда Борису Ельцину понадобилось напомнить, кто в этой стране самый большой начальник, — он войну в Чечне начал. А тут — только правительство перетряхнул. Поду-умаешь!..

Потеря темпа

Справедливости ради следует отметить, что фоном для могучего выброса президентской энергии стали весьма пессимистические настроения, давно воцарившиеся в высших сферах государственного аппарата. По оценкам наших собеседников, уже с середины осени в правительстве и администрации стало постепенно утверждаться осознание того, что экономическая и социальная ситуация в стране неуклонно деградирует и что действующее правительство не способно сколько-нибудь эффективно этой деградации противостоять. Конкретно — речь заходила обычно о тщетности всех усилий ощутимо сократить долг государства по зарплатам и пенсиям, предотвратить остановку нерентабельных, но «социально ответственных» предприятий, обеспечить финансирование неотложных государственных нужд, не прибегая к использованию пирамидоподобных финансовых инструментов или не возрождая все снова и снова институт импортно-экспортных льгот и привилегий.

Виктор Черномырдин не подтвердил бы своей репутации весьма гибкого (вопреки внешней и во многом показной простоте), реалистичного и многогранного политика, если бы не ответил на резкие упреки в адрес правительства, прозвучавшие немедленно по появлении Бориса Ельцина в Кремле, заявлениями о готовности радикально реформировать кабинет. В свою очередь, и Анатолий Чубайс сильно удивил бы своих поклонников, относящих расчетливость, решительность и дальновидность к наиболее сильным его качествам, если бы не продемонстрировал моментально, что заранее предусмотрел такой поворот событий и готов принять все хлопоты за проведение тяжелой реформы на себя.

Таким образом, главам двух административных иерархий не составило большого труда на самом первом этапе договориться об объединении своих усилий перед лицом разбушевавшейся президентской стихии. Выводя нечто среднее из разнообразных по форме свидетельств, предоставленных «Итогам» в эти дни, собрав целую коллекцию слухов, баек и анекдотов двухнедельной свежести, можно попытаться реконструировать первый разговор двух реформаторов, посвященный «рамочным, принципиальным договоренностям», как это называется в Кремле. Получается, что звучать он должен был приблизительно так:

— А скажи, Анатолий, готов ли ты привести за собой в правительство команду молодых, энергичных реформаторов и осуществить ряд неотложных решительных мер по выводу страны из кризиса?

— Разумеется, Виктор Степанович! Для нас — команды молодых, энергичных реформаторов — большая честь осуществлять ряд неотложных решительных мер по выводу страны из кризиса в соответствии с основными положениями Послания президента Российской Федерации Ельцина Бориса Николаевича Федеральному собранию. Тем более что и Гайдар вот тут говорит, что программа у него готова... в первой аппроксимации.

— А тогда скажи, Анатолий, ты меня уважаешь?

— Вне всякого сомнения, Виктор Степанович! Команда молодых, энергичных реформаторов под вашим руководством станет еще моложе, энергичнее и реформатее. Тем более что и Гайдар вот тут очень хочет стать вашим конгенератором идей и утверждает, что тренд кривой Филипса имеет тенденцию... относительно агрегата денежной массы «эм-два».

— Ну, Анатолий, дай я тебя поцелую!

Но в том-то и дело, что поцелуями разговор мог кончиться только на этом этапе деклараций о намерениях. Поцелуи неизбежно должны были перейти во все более и более волевые рукопожатия по мере того, как обсуждение реформы переходило в стадию «гораздо менее принципиальных» «чисто технических» согласований относительно конкретных кандидатур на ключевые правительственные посты.

Потому так легко поверить конфиденциальному сообщению одного из весьма близких соратников Анатолия Чубайса о том, что первый вариант схемы нового правительства, представленный его шефом Виктору Черномырдину, был отвергнут премьером как недостаточно радикальный. По словам хорошо информированного чиновника, тут последовала фантастическая сцена, когда Черномырдин, приговаривая «И вот это-то ты считаешь реформой? Сейчас я тебе покажу, что такое реформа по-настоящему, по-серьезному!», принялся рубить в чубайсовой схеме целые министерства, сливать целые ведомственные блоки под началом одного вице-премьера, вымарывать целые страницы из перечня аппаратных должностей.

Ровно потому же так естественно выглядит описанная другим чиновником ситуация, создавшаяся после того, как уже утвержденный «единственный первый» вице-премьер впервые предложил главе правительства «заполнить клеточки» в предварительно согласованной схеме. Первая же строчка — в ней фигурировала фамилия Владимира Потанина — была вычеркнута со словами: «Нет. И не обсуждается. Всё.»

И двум непосредственным участникам торга, и командам, готовившим своих «капитанов» к очередному раунду единоборства, и сторонним «болельщикам» стало ясно, что на

**ОН НИКОМУ НИЧЕМ НЕ ОБЯЗАН.
НАПРОТИВ, ОН В СИЛЕ И В ПРАВЕ ПОСТАВИТЬ ЛЮБОГО В ЗАВИСИМОСТЬ ОТ СВОИХ ВЗГЛЯДОВ НА ПОЛОЖЕНИЕ ВЕЩЕЙ**

«заполнении клеточек» переговоры прочно завязли. Если вдуматься и вспомнить прецеденты минувших лет (скажем, процедуру формирования кабинета летом 1996 года или тем более эпопею осени 1991-го с завоеванием Белого дома гайдаровским правительством), станет ясно, что завязли, в сущности, даже не так уж и надолго: всего на несколько дней. Это и тупиком-то считать нельзя, в худшем случае можно говорить о потере темпа.

Этого темпа оказалось совершенно достаточно, чтобы в процесс переустройства правительства решительно вмешался Борис Ельцин.

Линейная схема

Общая подоплека этого вмешательства понятна: описанная выше потребность срочно и недвусмысленно продемонстрировать собственную мощь и волю. Очевидно, президенту показалось, что слишком скрупулезное исполнение раз взятых на себя обязательств, слишком добросовестное соблюдение раз выданных гарантий может быть принято оппонентами и излишне ревнивыми наблюдателями за проявление слабости.

Однако немаловажным для президента, видимо, оказался и еще один, на первый взгляд частный, но на самом деле не менее принципиальный мотив. Изначально предложенная Анатолием Чубайсом схема организации правительства была максимально простой: чисто линейной. Вертикаль «Ельцин — Черномырдин — Чубайс — Кабинет министров» позволяла автоматически решить проблему «многоглавости» исполнительной власти, ясно и просто разграничивала полномочия и сферы ответственности, но и столь же неизбежно создавала один побочный эффект: ставила в весьма своеобразное положение премьер-министра.

Фактически он превращался в некое подобие вице-президента, и ему предлагалось руководить правительством лишь в той мере, в какой, к примеру, вице-президент Соединенных Штатов руководит Сенатом. Не обремененный излишними заботами о повседневном управлении страной (они естественным образом возлагались на «первого и единственного» заместителя) и, следовательно, свободный от излишней ответственности за проводимые правительством непопулярные меры (ответственность переходит туда же, куда и управленческие полномочия), этот неписаный вице-президент мог бы спокойно оставаться на подстраховке президента, замещая его (разумеется, неофициально) в периоды отпусков любой продолжительности, зарубежных вояжей любой дальности и «легких недомоганий» любой тяжести.

А главное — закрепившись в таком положении, «вице-прези-премьер» мог спокойно дожидаться своего часа. Этот час наступил бы в момент перехода к активной подготовке агитационной кампании по выборам очередного президента страны. И наступление этого часа ознаменовалось бы отстрелом назад — наподобие порохового ускорителя — постылого «первого и единственного» вместе со всеми его радикальными реформаторами, кривыми трендами и агрегатными филипсами. Перемьер же взмывал бы прямо в небо, на лету превращаясь в фаворита президентской гонки, стряхивая с белого смокинга вовсе не относящиеся к нему упреки в попустительстве «бесчеловечным экономическим экспериментам антинародного режима» и неся свою харизму почти так же высоко, как и чувство собственного достоинства.

Анатолий Чубайс не просто был готов заранее подрядиться на роль козла в обряде жертвоприношения такого рода, но и принимал на себя обязанности постановщика обрядового действа. Не известно только, довелось ли ему напрямую, открытым текстом обговорить комбинацию по ходу консультаций с премьером, где-то в паузе между поцелуями и рукопожатиями. Хотя это и не важно: затея его — описанная в лоб, намеком или вовсе молчаливо — была Виктором Черномырдиным принята. Ведь только этим согласием можно объяснить его готовность смириться с упразднением полуроты первых заместителей, а также равнодушие, с которым он согласился на разжалование столь близких ему вице-премьеров Заверюхи, Большакова и проч.

Гораздо меньше энтузиазма вызвала такая перспектива у Бориса Ельцина. Нет сомнений, что, приняв правила предлагаемой Чубайсом игры, он принимал бы и чуть ли не навязанный ему выбор преемника. Единственного преемника. Да еще и названного с предельной ясностью.

Заминка Черномырдина и Чубайса с составлением списка «простых» вице-премьеров и разделом полномочий между ними дала президенту удачный предлог, чтобы легко сломать неприятную, поскольку непривычную в своей ясности схему. С линейностью Борис Ельцин еще смирился бы. А вот прямолинейность ему претит: слишком беден набор вариантов, значит, слишком мало пространства для маневра, для игры, для интриги.

Побочная ветвь

Хроника скоротечной гибели Чубайсовой схемы правительства может быть теперь восстановлена если не по минутам, то по часам уж точно. Провал первоначального замысла стал очевиден для затаившей дыхание чиновной публики уже утром в четверг, 13 марта: давно намеченная аудиенция премьера у президента — которая по плану должна была бы уложиться в пятнадцать минут и по сути свестись к утверждению заранее согласованного списка членов правительства собственноручной подписью Бориса Ельцина, — затянулась более чем на час. Покинув наконец президентские покои, Виктор Черномырдин сообщил интересующимся, что никакой подписи ни под каким списком поставлено не было и обсуждение кадровых вопросов продолжится на следующий день.

Пятница, 14 марта, ознаменовалась завтраком президента с большой группой главных редакторов московских газет и журналов, проведенной в присутствии обновленного руководства администрации. Президент был в ударе: говорил охотно, складно и по существу. Тема правительственной реформы заняла в его выступлении и ответах на вопросы подобающее место. Борис Ельцин уверенно, последовательно и с достаточным количеством подробностей изложил свою точку зрения на общие задачи, основополагающие принципы и конкретные детали реорганизации правительства. У заинтересованных слушателей складывалось твердое убеждение, что описываемые президентом решения давно и всесторонне обдуманы, согласованы всеми причастными к ним сторонами и окончательно утверждены.

Но в этих обстоятельствах несколько неожиданно выглядели присутствовавшие на завтраке высокопоставленные чиновники администрации, многие из которых внезапно принялись быстро-быстро записывать за президентом — кто на обороте какого-то конверта, кто чуть ли не на бумажной салфетке. Это показалось странным: ведь, по идее, в обращении Бориса Ельцина к журналистам для них вовсе не должно было содержаться никаких новостей, тем более неожиданностей...

Неожиданности, однако, обнаружились. И во множестве.

Именно тогда было впервые объявлено о семи (а не четырех, как ранее) открытых вакансиях вице-премьеров. Именно тогда было сказано, что часть этих кресел зарезервирована за представителями провинциальных властей. Именно тогда, кроме всего прочего, была дана исключительно высокая оценка деятельности на министерском посту Владимира Булгака и как о свершившемся факте было сообщено о повышении его статуса до вице-премьерского.

Фамилия Бориса Немцова в этой речи не прозвучала. Однако есть все основания предполагать, что идея «разветвить» предложенную Анатолием Чубайсом (и на словах вроде бы гарантированную ему) линейную структуру правительства уже тогда вполне утвердилось в президентских планах. И кандидат для поселения на новой «ветке» был уже определен.

Как сама идея, так и выбор этого кандидата по-своему великолепны.

Проблема «безальтернативного преемника» не только растворяется без следа, но и уступает место богатейшим перспективам игры на балансе интересов, соперничестве, конкуренции двух «кандидатов» в наследники главы государства.

Премьер взамен утраченной весьма заманчивой перспективы обретает уверенность в том, что никакое обновление состава правительства не лишит его всей полноты контроля за стратегическими и тактическими операциями реформированного кабинета. Виктор Черномырдин — достаточно искушенный аппаратчик, чтобы не сомневаться: если «первых вице-премьеров» появляется больше одного, то становится совершенно безразлично, сколько их в начальный момент — хоть двое, хоть семеро, — все равно при необходимости поголовье можно увеличить по своему усмотрению, а у всего правительственного стада остается только один настоящий пастырь. Такая уверенность должна была помочь главе правительства смириться с потерей группы духовно, а также социально близких соратников.

Что же до Анатолия Чубайса, то и ему — к тому моменту убедившемуся, что все ранее заключенные договоренности никакой ценности более не имеют, что цельность его замысла безвозвратно утрачена, что инициатива ушла из его рук, — явление нижегородского гостя приносило ощутимое облегчение. Потому что предоставляло вполне достойный повод отступить с жестких переговорных позиций без особого ущерба для политического престижа.

Не удивительно, что Чубайс, как сообщают его ближайшие помощники, почти мгновенно согласился с предоставлением Борису Немцову статуса, равного его собственному. Ведь расчет его — не такой уж и хитрый на сей раз — имел все шансы оправдаться: раздел полномочий первого вице-премьера на двоих можно было обменять на министерские и вице-премьерские портфели для целой группы надежных единомышленников: прежде всего Альфреда Коха и Якова Уринсона...

Утром в понедельник, 17 марта, Борис Немцов был представлен российскому народу в качестве третьего лица в федеральном правительстве. На 3 часа дня того же понедельника назначили финальный раунд кадровых консультаций Виктора Черномырдина с Анатолием Чубайсом под присмотром президента. Присматривать было уже особенно не за чем: заполнение оставшихся клеточек представлялось чистым «делом техники».

Все, что угодно, но не команда

Наиболее заметный сюрприз этого, позднего, этапа «большого московского кадротрясения» — окончательное исчезновение из вице-премьерских списков Владимира Потанина — отражает скорее характер уже новых взаимоотношений, наметившихся в рамках системы сосуществования двух первых заместителей под благодетельной дланью Виктора Черномырдина. В этой новой ситуации премьер обязан прежде всего заботиться о том, чтобы ни один из поднадзорных не получил слишком большого преимущества перед соперником.

Согласие же на сохранение Владимира Потанина в правительстве — на любой, кстати, должности, и уж тем более на вице-премьерской — давало слишком серьезную фору Анатолию Чубайсу. Премьера и раньше откровенно раздражал тот факт, что один из его заместителей имел веские основания чувствовать себя в значительной мере независимым и защищенным от всяческих превратностей чиновничьей судьбы, обычно поддерживающих нужный тонус у всякого сколь угодно важного деятеля в правительстве. И смущала премьера не столько моральная сторона дела — что своим авторитетом и влиянием один из его подчиненных обязан меньше своему креслу в Белом доме, нежели профессиональному багажу, принесенному из «прошлой жизни», — сколько соображения вполне практические. Владимир Потанин оказался едва ли не единственным членом правительства, кто мог похвастаться собственной автономной и достаточно надежной системой политического жизнеобеспечения. Чего стоила Черномырдину хотя бы такая мелочь, как облетевшее весь Белый дом известие об отказе вице-премьера прикрепиться к спецбуфету — неизменные овощи и домашний творог ему ежедневно доставляли из дому, — Потанин и тут не захотел ничем одалживаться у правительства. Но речь все-таки шла прежде всего о собственном никак не связанном с госструктурами потанинском аппарате сбора информации, об аналитической поддержке, о широко разветвленной системе контактов в политических, финансовых, промышленных, дипломатических, журналистских кругах в России и за ее пределами.

Черномырдин не мог и не хотел допустить, чтобы все это богатство досталось Чубайсу. Потому кандидатуру Потанина он так до последнего и не согласился обсуждать.

Тут можно было бы задаться вопросом: а не все ли, собственно, равно, кто кого будет подготовленнее и обеспеченнее, коли все полны решимости организовать «сплоченную реформаторскую команду». Так в том и дело, что в Белом доме теперь можно обнаружить все, что угодно, только не эту вожделенную сплоченность. В итоге всех перипетий во главе правительства оказались три разобщенных лидера, которым уж во всяком случае есть, что делить.

Чубайсу с Немцовым — как бы ни демонстрировали они на публике взаимное дружелюбие — все делить и делить заново порванный пополам пакет вице-премьерских полномочий, первоначально рассчитанных только на одного. Чубайсу с Черномырдиным — тягаться за влияние на укрупненные и расширившие свою компетенцию ведомства; на аппарат, оставшийся в руках Владимира Бабичева; и отдельно — на администрацию президента, где сильные позиции сохранили и ставленники премьера-ветерана, и застрявшие на неопределенный срок соратники последнего шефа. Черномырдину с Немцовым — оспаривать друг у друга многообещающие лавры президентского преемника, как и было сказано.

А всем троим — делить президента. И пережившие жестокое кадротрясение правительственные чиновники, и их менее удачливые коллеги, лишившиеся волею политической стихии пристанища в Белом доме, согласны в одном: если Кабинет управляется тремя самостоятельными и исполненными колоссальных амбиций политиками, каждый из которых имеет самостоятельный выход на главу государства и мечтал бы лишить такого выхода своих соперников, — этот Кабинет долго не проживет.

Точнее, проживет ровно столько, сколько президенту будут доставлять удовольствие не лишенные поучительности забавы с этой замысловатой игрушкой. ■

При участии **Дмитрия Пинскера**

Цена Федерации

НА ГРАНИЦАХ МЕЖДУ РОССИЙСКИМИ ОБЛАСТЯМИ ПОЯВЛЯЮТСЯ **ДОМОРОЩЕННЫЕ ТАМОЖНИ**

Безденежье регионов ставит под угрозу целостность государства

Владимир Тодрес

ЖАЖДА

ДАЖЕ НЕСМОТРЯ НА ТЕЛЕФОННЫЕ ПОМЕХИ, в голосе губернатора Кемеровской области Михаила Кислюка ясно слышится удивление: «Лившиц всего три дня как из Германии прилетел. А сегодня в область уже пришел срочный внеочередной трансферт — за счет средств от размещения российских евробондов...»

У тех, кто рассаживается сейчас вокруг пульта управления российской экономикой, первоочередная задача — как можно быстрее успокоить как можно большее число беззарплатных и беспенсионных граждан.

Кузбасс же у правительства вообще на особом контроле: уголек шахтерского недовольства тлеет постоянно. «До нас наша доля евробондовских миллиардов пока не дошла», — с грустью констатировал в интервью «Итогам» ярославский губернатор Анатолий Лисицын. Что же до планового финансирования российских регионов, то в марте федеральный бюджет все еще рассчитывается с ними за декабрь прошлого года. По данным Федерального казначейства, свои обязательства перед провинцией госбюджет в минувшем году исполнил на 85 процентов. По сведениям Счетной палаты — всего на 65.

Бюджеты провинций, сидящих на дотационной игле (а таких в России — 79, если считать Чечню), фактически пусты. Садятся на мель и немногочисленные регионы-доноры. Местное начальство пускается на отчаянные действия.

Фискальный романс

В последние недели Иркутская, Свердловская и Тульская области одна за другой заявили: перечисление налогов в Центр прекращается до тех пор, пока оттуда не придет положенное.

Бунтовщики, впрочем, продержались недолго. Иркутский губернатор Юрий Ножиков свое распоряжение «не платить Москве» отменил через три дня. Аналогичный приказ туляка Николая Севрюгина по сю пору не отменен, но и не исполняется. Ну а обычно рисковый екатеринбуржец Эдуард Россель сам команды и вовсе подавать не стал — очевидно решив, что для должного политического резонанса хватит и заявления местной Думы.

«Это просто угрозы. Способ обратить на себя внимание, — уверен глава бюджетного комитета Госдумы, «яблочник» Михаил Задорнов. — Они и не собирались ничего предпринимать всерьез. Все понимают: неуплата налогов в федеральный бюджет — это развал страны. Никаких других слов здесь употребить невозможно!» «У Центра есть рычаги, чтобы не позволить регионам действительно перекрыть налоговый кран», — заверил «Итоги» Александр Лившиц за два дня до своего увольнения из правительства.

Могут ли провинции в самом деле перестать платить? В принципе нынешняя фискальная система построена так, что исключает подобную возможность. Налогоплательщики перечисляют все положенное в областное управление Федерального казначейства. Здесь собранные средства разделяются на два потока, впадающие в областной и федеральный бюджеты. Управление подчиняется российскому Минфину. Теоретически говоря, в этой вертикали места губернатору просто нет. Любая его «антимосковская указивка» для казначейства не более чем политическое заявление. За любую задержку целиком отвечает не «хозяин области», а начальник управления.

«Суха теория... — утверждает член думского бюджетного комитета Татьяна Нестеренко. — Поверьте, фактически это возможно. Глава казначейства, ей-богу, больше зависит от губернатора, чем от Москвы. Он же там живет, в провинции! Если губернатор в самом деле решился — он всегда убедит казначея. Прикроет. А случись что — заберет из казначейства к себе, скажем, в первые замы».

Недавняя история показывает: все зависит и вправду от решительности губернатора. Хотя «удельные хозяева», кажется, не обнаруживают такой воинственности, как в недавнем прошлом. Три года назад, в апогее «борьбы за суверенитеты», некоторые субъекты Федерации не платили Центру кварталами и семестрами. Теперь губернаторы признаются: грозя неуплатой, они ведут речь о днях и неделях.

«Мое распоряжение не выполнялось ни минуты. Но за те три дня, что оно номинально действовало, мы договорились с Черномырдиным и Минфином хотя бы о части бюджетного долга по зарплатам», — говорит Юрий Ножиков.

А на прошлой неделе перекрыть налоговый кран пригрозил губернатор Санкт-Петербурга Владимир Яковлев. Губернское начальство верит: «налоговый аргумент» и сегодня можно успешно использовать для шантажа столицы. А в ожидании финансов из Центра местную казну нередко пополняют самыми экзотическими способами.

Княжеская подать

Из Волгограда теперь так просто не улетишь. На рейс регистрируют лишь тех, кто уплатил особую пошлину за право покинуть пределы области. Почти 70 тысяч рублей. Несколько сел Пермской области собирают подать за проезд через свою территорию. Белгородский губернатор обложил данью «ножки Буша»: импортные куриные окорочка в обязательном порядке должны быть (естественно, за плату) сертифицированы

на предмет отсутствия в них психотропных средств. Всего на территории России действует около ста региональных налогов и сборов. Дыру для этого потока проделал в федеральном законодательстве сам Борис Ельцин, разрешивший своим указом в декабре 1993 года региональным властям вводить собственные налоги. По прошествии почти трех лет президент, видимо, содрогнулся, увидев последствия своего решения, и в августе минувшего года указ отменил. Тем самым вроде бы возвратил к жизни закон 1991 года «Об основах налоговой системы», где федеральные, региональные и местные (то есть городские и районные) сборы сведены в исчерпывающий перечень.

«Да, конечно, мы нарушили закон», — признает ярославский губернатор Анатолий Лисицын. В Ярославле уже десять дней действует свой 4-процентный налог с продаж — дополнительная накрутка на цену товара. «Нарушили и закон, и указ президента. Но ни в чем не нарушили интересов государства! А из каких источников нам финансировать местное самоуправление? Отдельные регионы пытаются вообще не перечислять налоги в Москву. Мы же на эту меру не пошли!»

Между прочим, еще раньше, чем в Ярославской, такой налог был введен в Нижегородской области. За нарушение закона ее губернатор Борис Немцов наказан назначением на пост первого вице-Черномырдина.

Нынешняя Конституция трактует проблему областных налогов довольно туманно — одной строчкой, относящей «общие принципы налогообложения» к совместному ведению Центра и регионов. Зато она вполне однозначно признает недопустимым «установление каких-либо препятствий для свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств».

Легко заметить, что большинство региональных сборов приводит к разделению экономического пространства страны новыми барьерами. А чем еще может обернуться дополнительная дань на однажды уже растаможенные импортные сигареты (как в Волгоградской области) или на произведенные в соседних областях сыр, колбасу, яйца и масло (как в Белгородской)? Но на яйцах много ли выгадаешь? Гораздо выгоднее спасать от конкуренции не птицефабрики, а ликероводочные комбинаты. Эдуард Россель, обложивший заползающего на Свердловщину соседского «зеленого змия» 35-процентной пошлиной, выглядит столпом свободной торговли. Ведь его белгородский коллега Евгений Савченко решил накручивать на цену чужого зелья все 100 процентов. Евгений Наздратенко ввел для поступающего в Приморье горячительного сертификацию по заоблачным ценам. А башкирский вождь Муртаза Рахимов и тульский начальник Севрюгин «в интересах местного производителя» ввоз чужого спиртного в свои вотчины вообще запретили.

ГУБЕРНАТОРЫ-СТРОПТИВЦЫ — ЭДУАРД РОССЕЛЬ ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ (СЛЕВА) **И ЮРИЙ НОЖИКОВ ИРКУТСКИЙ** (СПРАВА), **И ПОКЛАДИСТЫЙ МИХАИЛ КИСЛЮК КЕМЕРОВСКИЙ** (В ЦЕНТРЕ)

Правительство намерено пресечь фискальную самостийность на вверенных ему просторах. В проекте Налогового кодекса, который планируется в ближайшее время внести в Госдуму, содержится исчерпывающий список всех возможных в России налогов, в том числе региональных. «Без этого крайне трудно привлекать инвестиции. Иностранцы больше всего жалуются на неустойчивость налоговой системы именно на местах. К федеральной они более или менее приспособились», — утверждает Александр Лившиц.

К идее перечня налогов в думском бюджетном комитете относятся скептически. Предлагается другой вариант: ввести единый налог на все региональные нужды, «привязав» его ставку к размеру фонда оплаты труда предприятия, и установить верхний и нижний предел этого налога, ограничив губернаторскую налоговую самостийность этой «вилкой». «И неважно, как его называть. Это же обыкновенный побор! Все «целевые» названия — фикция, и все это прекрасно понимают», — считает член комитета Татьяна Нестеренко.

Как сделать бочку бездонной

«Каждый четвертый рубль трансфертов в целом по стране использован не по назначению», — заявил недавно Виктор Черномырдин. Он имел перед глазами сводку Минфина: из 60 трлн. рублей федерального финансирования 15 трлн. разошлись на самые удивительные «разности».

Подобную сводку расходования поступлений от региональных налогов составить сложно. Но едва ли не в каждой области приходится слышать о ремонте чиновничьих офисов, строительстве административных зданий или о валютных операциях, совершаемых все на те же — бюджетные — деньги. Строго говоря, это даже нельзя назвать «расхищением». Просто — «нецелевое использование». А на «целевое» у федерального бюджета попросят еще.

Суть одна: Москва задолжала регионам столько, что уже не уследить, как со временем разрастается долг. Задержка финансирования оборачивается новыми дырами: «Я говорю своим — из Москвы деньги не пришли. Сколько вам положено по областному бюджету — занимайте в коммерческих банках, — делится с «Итогами» губернатор одной из областей Центральной России. — Учетную ставку я беру на себя».

На себя? Вряд ли кто-нибудь усомнится, что возмещение процентов по этим кредитам также будет производиться из федеральной казны. Между тем средняя цена кредита «под обещанный трансферт» ныне доходит до 45 процентов.

Такая система

«Это все — частности, следствия, — уверен Михаил Задорнов. — А проблема в том, что в отношениях Москвы и регионов нет никаких общих правил. Никакой схемы, где все равны. Есть индивидуальный политический торг. Каждый губернатор пытается доторговаться до того уровня, до которого доторговался сосед».

От сложившейся системы проигрывают прежде всего дотационные территории: каждый раз вымаливая деньги заново, они «на круг» получают меньше, чем могли бы, если бы существовала «прозрачная» модель финансовых отношений.

В России она пока «исторически не сложилась»: просто потому, что отсутствие ясных правил бюджетной игры устраивало ее основных участников. В отличие от дотируемых областей, регионам-донорам было сподручнее диктовать свои условия, торгуясь с Москвой в одиночку или объединяясь во временные тактические коалиции. Центру проще общаться с территориями по отдельности, чем отбиваться от «всех скопом». Будет ли кто-то сегодня перестраивать эту систему?

«С именем Бориса Немцова мы связываем надежды на прямой выход регионов в правительство. На адекватное восприятие наших проблем и интересов», — говорили все опрошенные «Итогами» губернаторы.

Сам Немцов, выступая в Нижнем Новгороде на первом брифинге в новой роли «зама Черномырдина» и «ровни Чубайсу», пообещал донорским регионам «протекционистскую политику».

Войны будущего планируются уже сегодня

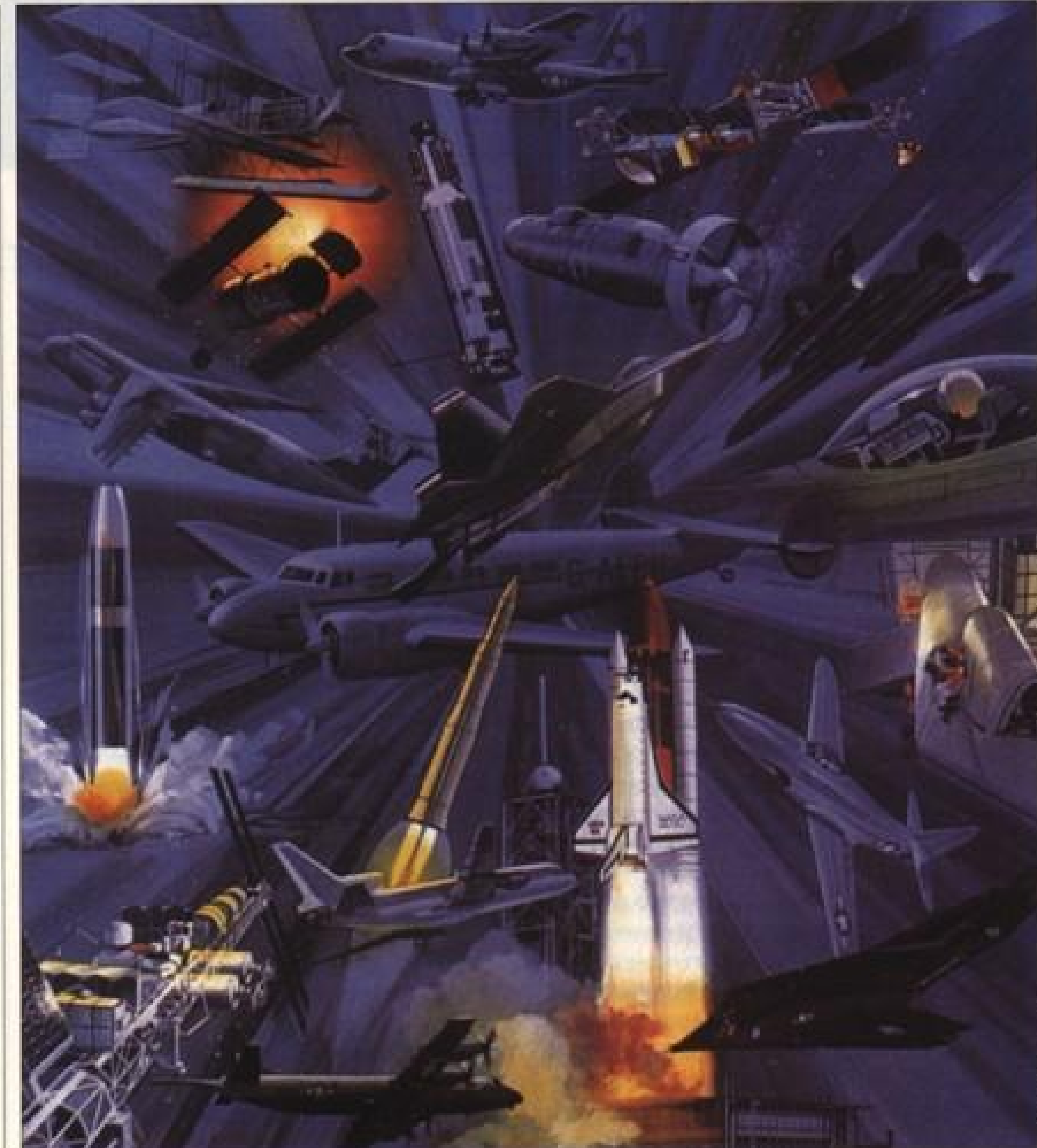

На смену боевым столкновениям придут операции в информационном пространстве

Сергей Печуров

ФУТУРОЛОГИЯ

СПОРЫ О БУДУЩЕМ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ИДУТ не только в России, но и на Западе. И если движущей силой российской военной реформы является прежде всего бедность — страна не в состоянии содержать вооруженные силы в нынешнем их виде, то американцев подталкивают к военным преобразованиям совсем другие мотивы. Эндрю Крепиневич, один из наиболее авторитетных военных аналитиков США, считает, что мир стоит на пороге революции в военном деле: «Новые технологические достижения, воплощенные в значительном числе военных систем, вкупе с новыми оперативными концепциями и организационными принципами должны фундаментальным образом изменить характер и формы военных действий». В свое время огнестрельное оружие сделало бессмысленным существование рыцарей как особого сословия. Точно так же сегодня информационные технологии прямо на глазах революционизируют военное дело. Причем по двум направлениям: многократно ускоряют и удешевляют работы по созданию нового оружия и, становясь неотъемлемым элементом систем вооружений, качественно меняют их параметры.

Танк в философском тупике

На нынешнем этапе революция в военном деле проявляется прежде всего в том, что средства ведения боевых действий, еще недавно считавшиеся эффективными, таковыми уже не являются. Сегодня эксперты сходятся во мнении, что доминировавшие с середины XIX века так называемые «боевые платформы» — корабли, самолеты, танки — в значительной степени свою роль утратили. Хотя они попрежнему соединяют в себе мобильность и ударную мощь, высокоточные системы оружия делают их слишком уязвимыми. Один из ведущих британских военных теоретиков заметил по этому поводу: «С философской точки зрения танк, судя по всему, движется в тупик».

Выход из этого тупика многие видят в технологии «стелс», по которой сделаны американские истребители F-117 и бомбардировщики B-2. Специальные материалы в сочетании с силуэтом особой формы делают эти самолеты невидимыми для средств противовоздушной обороны. Оговоримся: для сегодня существующих средств.

В недавнем докладе ВВС США «Перспективы нового мира» выдвинута идея создания так называемого воздушного авианосца дальнего действия, который будет нести небольшие «стелсовые» ударные беспилотные самолеты и запускать их по мере надобности. Аналогичный проект обсуждается и для военно-морских сил. Это изготовленные по технологии «стелс» корабли-арсеналы, имеющие очень низкую посадку или находящиеся в полупогруженном состоянии. Такой корабль способен нести до тысячи разного класса ракет.

И все же главную роль в конфликтах завтрашнего дня будут играть не платформы-носители, а «сверхкачественное» вооружение — высокоточные боеприпасы. Даже и в наши дни, например в ходе ирано-иракского конфликта, случалось, что самолет старого типа, но вооруженный новейшими ракетами типа «воздух-воздух» и использующий систему наведения со специального самолета дальнего радиолокационного обнаружения, одерживал победу над истребителем, втрое более совершенным.

Четвертое измерение

Главным фактором нынешней революции в военном деле становится фактор электронный или информационный. Помощник министра обороны США Джозеф Най пишет: «Движущей силой нынешней революции в военном деле является информационная революция, свидетелями которой мы являемся». По западным аналитическим изданиям кочует даже такая формула: «Информация — это нефть будущего». Если в прошлом командиры частей оперировали на поле боя тремя измерениями: широта, долгота и высота, то теперь им придется атаковать и обороняться еще и в четвертом измерении — информационном. Например, во время войны в Персидском заливе США для приема и передачи информации использовали беспрецедентное число волновых диапазонов — около 35 тысяч.

Большинство приемов информационной войны не новы: уничтожение систем боевого управления противника, радиоэлектронная борьба, компьютерные вирусы, криптозащита и вскрытие кодов, психологические операции, в том числе с использованием компьютерных сетей типа «Интернет» и средств массовой информации. Новизна заключается в комплексном использовании этих приемов.

ОРУЖИЕ БУДУЩЕГО В РУКАХ АМЕРИКАНСКОГО СОЛДАТА

Доктрины

Эти теоретические построения уже начали переводиться американскими стратегами на язык военных концепций, призванных дать ответ на вопрос: какие силы и средства были бы способны обеспечить победу в будущей войне.

Количество окончательно должно уступить место качеству. На смену массовым армиям придут «объединенные компьютерными сетями небольшие подразделения», задача которых — обнаружение цели и передача данных о ней на ракетные и артиллерийские комплексы. Все формирования от подразделений до соединений будут действовать как единый боевой организм. В США уже создается так называемая «система систем»: единая сеть датчиков, установленных на спутниках, кораблях, самолетах, танках, предоставляющая информацию любому военному потребителю. Претерпит существенные изменения и экипировка военнослужащих. В распоряжении не только командиров, но и каждого солдата будут средства обнаружения, выбора цели и связи. Уже проектируются каски с вмонтированными дисплеями, обеспечивающими, помимо всего прочего, точное прицеливание, и со встроенной видеокамерой, передающей изображение в общую информационную сеть.

Воевать будут единицы, страдать все

В будущих войнах, считают аналитики, появляется возможность, действуя в информационном пространстве, полностью парализовать войска противника, вследствие чего зачастую вовсе не будет необходимости в прямом столкновении. Сражения же скорее всего будут выливаться в гигантские ракетно-артиллерийские дуэли с применением высокоточных боеприпасов, исключающие необходимость ближнего боя и использования большого количества войск. Более того, цена войсковых операций на суше станет непомерно большой. Исчезнет и такое понятие, как тыл, с его военными заводами, складами, коммуникациями. Некоторые американские специалисты полагают, что через 20—30 лет численность сухопутных войск США составит всего 25 тысяч человек (сегодня это без малого полмиллиона солдат и офицеров).

Оружие будущего обеспечит невероятно высокий темп и интенсивность боевых действий. В результате у политиков практически не будет возможности вовремя остановить их и, к примеру, предъявить условия мира терпящему поражение противнику, что будет приводить к колоссальным излишним жертвам.

Некоторое представление о характере будущих противоборств в воздухе дала «воздушная кампания» союзников в Персидском заливе. Следующий этап будет отличаться от нынешнего главным образом массированным использованием беспилотных летательных средств и самолетов «стелс».

Безусловно, огромную роль в будущих войнах станет играть космос. По сути идея «звездных войн» обретает второе дыхание. Договоренности же о неиспользовании космоса в военных целях можно обойти, создав так называемые трансатмосферные средства, способные функционировать как в воздухе, так и в космическом пространстве.

В будущем кардинально изменится роль ядерного оружия. Уже сейчас оно далеко не всегда выполняет роль абсолютного сдерживающего фактора. Тому пример — конфликт неядерной Аргентины и обладающей ядерным оружием Великобритании из-за Фолклендских островов. Если говорить о негосударственных образованиях, то к ним понятие ядерного сдерживания вообще неприменимо. Достаточно вспомнить успешные действия повстанцев против армий ядерных держав во Вьетнаме, Афганистане, Сомали (не говоря уже о Чечне)

Эти примеры показывают, что в ряде случаев высокоточные и дальнобойные неядерные средства могут оказаться чуть ли не единственным фактором сдерживания.

Разумеется, нынешняя политическая ситуация получает свое отражение в сценариях будущих войн. Сегодня, когда угроза глобального конфликта практически снята, наиболее вероятными представляются военные действия с относительно ограниченными целями. Теперешние многочисленные локальные конфликты Запад трактует как первые признаки наступающей «эпохи воинственности», для которой оказывается неприменимой стратегическая «культура сдержанности» времен холодной войны с ее двуполярной картиной мира. Так, например, весьма вероятно, что техника будущего обеспечит такие уникальные условия, когда чрезвычайно быстро будут появляться новые военные державы, способные отражать нападение, казалось бы, более крупных и сильных в военном отношении государств.

Нынешняя революция в военном деле обеспечит в будущем преимущество тем странам, правительства которых уже сейчас осознали важность грядущих перемен и оперативно вносят коррективы в планы военного строительства. Как ни парадоксально, Россия в этом отношении находится в выигрышном положении, так как уже вступила в период реформирования армии. Важно, чтобы этот процесс шел в верном направлении. ■

В РОССИИ

Повестка на завтра

Встреча в Хельсинки должна не только явить миру выздоровевшего Бориса Ельцина, но и обозначить новые внешнеполитические приоритеты России

Александр Гольц

ТОРГ

Поврежденная коленная чашечка американского президента стала главным героем аналитических статей и репортажей, написанных в преддверии одиннадцатой по счету встречи «друга Бориса» с «другом Биллом». Все дело в том, что дипломаты, готовившие хельсинкский саммит, свято хранили тайну переговоров. Журналистам оставалось только ерничать по поводу того, что два лидера поменялись ролями: долго болевший российский президент наконец выздоровел, а пышущий здоровьем американский — вдруг оказался в инвалидной коляске.

При этом мало кто по достоинству оценил то обстоятельство, что появление на саммите победившего болезнь Бориса Ельцина важно само по себе, вне зависимости от результатов встречи. Судя по всему, после Хельсинки здоровье Бориса Ельцина больше уже не будет фактором внешней политики, точно так же как оно перестало быть фактором внутренней политики после выступления президента в Федеральном собрании. Мировым державам придется отныне исходить из того, что внешнеполитический курс России в ближайшие три года будет вполне определенным и не допускающим противоречивых толкований со стороны московских чиновников.

Сам Борис Ельцин отлично понимает значение своей поездки в Финляндию — прежде всего она должна продемонстрировать миру наличие у российского президента воли и энергии. «Политический курс до 2000 года определен на президентских выборах, он поддержан избирателями. Воля провести его в жизнь у меня есть, — заявил он в интервью финской газете. — И я буду это делать решительно и последовательно, чтобы передать своему преемнику в год очередных президентских выборов страну, которая находится на подъеме».

Предельно жесткий тон, который в последние дни принял президент в отношении НАТО и США, продиктован все тем же стремлением продемонстрировать готовность к решительным действиям. Борис Ельцин вполне искренне полагает, что резкость есть свидетельство силы.

Надо сказать, что эта тактика принесла определенные плоды. Еще накануне саммита стало ясно: Брюссель и Вашингтон готовы с известными оговорками согласиться с некоторыми доводами Москвы. Так, заявив, что ядерное оружие не будет размещено на территориях новых членов альянса, НАТО пошла дальше. На днях Россию заверили, что на территориях этих государств не будут размещены и иностранные войска. Что касается строительства разного рода объектов, необходимых для включения «новых» натовцев в инфраструктуру блока, то Брюссель готов предоставить России право их инспекции.

Похоже, что Запад готов модернизировать и Договор об обычных вооруженных силах в Европе таким образом, чтобы военный баланс на континенте не был нарушен ни при каких обстоятельствах. Для обсуждения деталей такого соглашения в начале этой недели в Москву прибывает председатель военного комитета НАТО генерал Клаус Науман. Наметился и прогресс в области сокращения стратегических вооружений. Американцы, судя по всему, готовы, не дожидаясь ратификации зависшего в Думе договора СНВ-2, вести переговоры по договору СНВ-3, цель которого — сокращение ядерных арсеналов каждой из сторон до 2000 боеприпасов.

При том, что саммит посвящен в основном вопросам безопасности, все очевиднее становится следующее обстоятельство: для России это проблема настоящего, а не будущего. При всей ее важности безопасность скоро превратится всего лишь в инструмент, с помощью которого Москва будет добиваться совсем другой цели: обеспечить как минимум благоприятные внешние условия для продолжения российских экономических реформ. Просто так уж получилось, что Кремлю еще достаточно долго придется козырять картой, которую ей в соответствии со стендалевской формулой предложила эпоха: ядерный потенциал страны.

Но показательно, что, выражая неудовольствие по поводу «одностороннего» характера российско-американского партнерства, Борис Ельцин напирал главным образом на антидемпинговые ограничения, действующие против России, и на то, что вопреки реальному положению дел нашу страну до сих пор не признали государством с рыночной экономикой. Ельцин уверен, что США не сделали здесь того, что обязаны были сделать.

Причем покончить со всякого рода экономической дискриминацией — это только ближайшая цель. Стратегическая же задача Москвы — войти уважаемым членом в клуб наиболее влиятельных мировых держав. Вот почему Борис Ельцин стремится стать полноправным участником совещаний лидеров промышленно-развитых государств и превратить «семерку» в «восьмерку». Россия рассчитывает также сделаться с американской помощью членом Парижского клуба стран-кредиторов, войти во Всемирную торговую организацию.

Достижению этих целей служит и озвученная российским президентом примаковская концепция многополюсного мира, выдвинутая в противовес принадлежащей Клинтону идеи «единственной незаменимой страны», которой, естественно, является США. Ведь в таком многополюсном мире России, безусловно, уготована роль одного из полюсов, что обеспечивает учет ее интересов при любом раскладе.

Решить в рамках нынешнего саммита все эти амбициозные задачи, конечно, невозможно. Ясно одно — Борис Ельцин и сейчас, и в будущем намерен добиваться поставленных целей со всей жесткостью, на какую он способен.

В 80-х «СОЛИДАРНОСТЬ» ПРОБИЛА СТЕНУ КОММУНИЗМА

ТЕПЕРЬ, В 97-М, ОНА ПЫТАЕТСЯ ЗАБАРРИКАДИРОВАТЬСЯ ОТ «КРАСНОГО КАПИТАЛИЗМА»

Можно ли два раза выйти из одной колыбели

«Солидарность» слишком долго охраняла Гданьскую судоверфь от рыночной стихии

Владимир Зорич

СМЕРТЬ СИМВОЛА

Минувшая неделя определила стилистику предвыборной кампании в Польше. Из здания казначейства в Варшаве вынесли первую жертву предстоящих осенью выборов — без сознания, с разбитой головой. Полиция применила силу в ходе «зачистки» коридоров казначейства (а также минфина и минэкономики) от манифестантов «Солидарности».

Легендарное профобъединение поднимает «трудовую Польшу» на протест против закрытия колыбели антикоммунистической революции — Гданьской судоверфи — нынешним, как утверждают демонстранты, «красным», руководством страны. Лех Валенса в интервью национальному радио причислил банкротство верфи к череде «вероломных и постыдных» деяний левых властей, которые таким образом «заметают следы преступлений» режима, свергнутого поляками в 1989 году.

Правительство отвечает на это, что интересуется не символами рабочего движения, а деньгами налогоплательщиков. Верфь безнадежна настолько, что ни один банк не соглашается выдать ей ссуду — даже под правительственные гарантии. «Вы сами довели Гданьскую верфь — это вы противились ее санации, это вы защищали бездарных, но лояльных вам менеджеров», — обвинял нынешнее руководство «Солидарности» министр приватизации Веслав Качмарек в радиодискуссии несколько месяцев назад.

Действительно, пока польская промышленность переживала смену владельцев, структурную перестройку и массовые увольнения, «Солидарность» бдительно хранила свою святыню от тягот реформы. Хранила на бюджетные деньги. Теперь деньги кончились.

Кабинет Влодзимежа Чимошевича банкротит Гданьскую верфь уже год. Весь этот год «Солидарность» выводит на улицы пикеты протеста. В них уже давно участвуют и шахтеры Силезии: «Рабочие десятков шахт в том же положении, что и гданьцы», — говорит лидер верхнесилезского отделения «Солидарности» Марек Кемпский.

Напомним, что раньше главный профсоюз Польши выводил на улицы рабочих тракторного гиганта «Урсус». Весной 1995 года, требуя спасения своего завода, тракторостроители жгли на улицах Варшавы колесные покрышки и метали в полицейских железнодорожные костыли. Еще раньше, весной 1994-го, профсоюз пытался поднять на забастовку оборонщиков.

Требования «Солидарности» отличаются постоянством: от правительства требуют списать долги, выдать кредиты и отказаться от планов банкротств. Постоянно и число протестующих: оно редко превышает несколько тысяч человек. Общественный резонанс выступлений обычно связан не с их масштабом, а с тем, насколько удачно выбрано время. «Урсус» поднимали на метание костылей в преддверии президентских выборов. Через полгода ожидаются парламентские.

Борьба на них будет острой. Полтора года назад, когда Польша выбирала президента, оказалось, что страна разделена фактически пополам. Александр Квасьневский опередил Леха Валенсу всего на 3,5 процента голосов. Теперь Польша по-прежнему расколота. Правящий Союз демократических левых сил и сколоченная профсоюзниками «Выборная акция «Солидарность» идут в рейтингах «голова к голове»: популярность каждого блока колеблется вокруг отметки в 20 процентов. Остальные партии безнадежно отстают.

Гданьская верфь двадцать лет была символом борьбы поляков против коммунизма. Теперь символ умирает. В нынешней Польше — другие водоразделы. В романтические годы подполья «Солидарность» объединяла четверть населения Польши. Сегодня ее оплот — убыточные предприятия, а экономическая программа — насквозь популистская, хоть ее сторонники и носят на демонстрации плакаты с требованием «свернуть голову красной гидре».

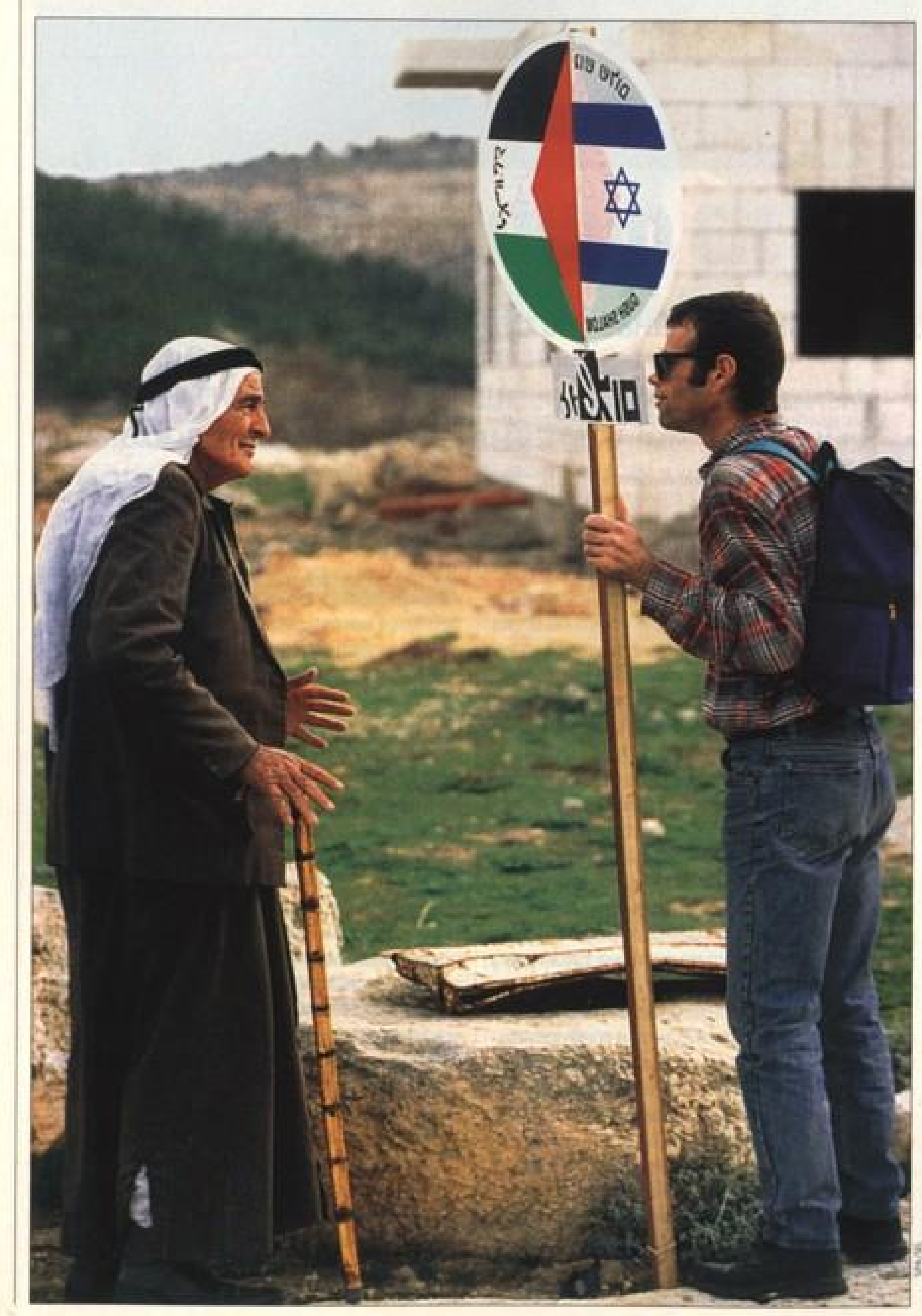
Тем временем команда Квасьневского продолжает жесткую финансовую политику , открывает экономику для инвестиций и пожинает плоды того, что было посеяно либералами Мазовецким, Бальцеровичем и Сухоцкой: по темпам экономического роста Польша держит первое место в Европе.

Вокруг нынешнего польского руководства не утихают скандалы — из-за «порочащих связей», «конфликтов интересов», давления на прессу. Капитализм по Квасьневскому — циничный, коррумпированный, олигархический. Но это капитализм.

Колыбели «Солидарности» места в нем не нашлось. ■

Главная стройка прораба Нетаньяху

Начав возведение еврейского квартала Хар-Хома в Восточном Иерусалиме, израильский премьер, похоже, утверждает новую логику мирного процесса

ИЗРАИЛЬСКИЕ И ПАЛЕСТИНСКИЕ ПРОТИВНИКИ ФОРСИРОВАННОЙ ЗАСТРОЙКИ ХАР-ХОМЫ

Дмитрий Сабов,
Сергей Строкань

РУБИКОН

«ЕСЛИ МЫ ДРОГНЕМ В ИЕРУСАЛИМЕ, ТО не устоим и перед любыми другими угрозами», — внушал себе и своему правительству Биньямин Нетаньяху накануне начала работ по возведению домов для шести с половиной тысяч еврейских семей в Восточной (арабской) части Иерусалима. Подготовку к строительству на прошлой неделе вели не только израильские рабочие, но и врачи, и военные — в иерусалимских больницах заблаговременно освобождались места для приема большого числа раненых, а снайперы и армейские патрули занимали исходные позиции вокруг предполагаемой стройки.

Израильские власти сделали все, чтобы внушить палестинцам: вашим экстремистам нас не запугать, мы не боимся возможной волны насилия и в осуществлении своих планов пойдем до конца. Палестинцы отвечали в том же духе. «Похоже, дело идет к интифаде. Я чувствую в воздухе дух восстания», — грозно предупреждал высокопоставленный палестинский представитель в Иерусалиме Фейсал аль-Хусейни, напоминая о палестинском восстании 1987—1993 годов. Как обычно, не заставили себя долго ждать и экстремисты из «ХАМАСа»: их лидеры разразились заявлениями, рассчитанными на устрашение.

Два месяца спустя после подписания соглашения по Хеврону главными аргументами сторон стали угрозы. Как будто и не было трех с половиной лет мирного процесса, начатого в 1993 году, когда лидер ООП Ясир Арафат и тогдашний премьер Израиля Ицхак Рабин подписали первое соглашение на зеленой лужайке Белого дома в Вашингтоне. Сегодня логика мирного диалога «главное — договориться», которой стороны пытались следовать последние годы, похоже, уступает место логике уличной драки: «главное — не испугаться». Как будто и не было мучительных переговоров, многочисленных согласований, дотошного торга по множеству позиций израильско-палестинского урегулирования в Вашингтоне, Осло, Иерусалиме, Иерихоне...

Гора, которая стала стеной

Означает ли это, что мирный процесс был чем-то искусственным, навязанным извне, и сама действительность в конце концов вынесла ему приговор? Вовсе нет. Ведь и Арафат, который пошел на диалог с Израилем, не побоявшись собственных экстремистов, и Нетаньяху, на пути к власти жестко критиковавший договоренности предыдущего правительства, так и не смогли ничего противопоставить поиску компромисса. Соглашение о выводе израильских войск из Хеврона, заключенное после масштабного кризиса из-за строительства туннеля в Иерусалиме, который разразился осенью прошлого года, казалось, дало основания надеяться, что мирный процесс пусть и в откорректированном виде, но будет продолжен новым израильским руководством.

И вот сегодня стороны как будто опять говорят на разных языках. «Хар-Хома», — упорно твердят израильтяне, что в переводе с иврита звучит весьма многозначительно: «гора, которая стала стеной». «Джебель-Абу-Гонейм», — повторяют палестинцы, напоминая, что эти земли раньше принадлежали арабу по имени Абу Гонейм. Хотя речь идет об одном и том же месте, оно словно раздваивается в двух знаковых системах — израильской и палестинской. По мере того как бульдозеры утюжат холм, стена непонимания все растет.

В самом деле, в ближневосточной политике, как нигде в мире, велика роль знаков. Начиная застройку Хар-Хомы в арабской части Иерусалима, Нетаньяху тем самым дает палестинцам знак: у вас нет оснований рассчитывать на то, что здесь однажды будет столица независимого палестинского государства. Этот знак вписывается в стратегию, которой Израиль следовал после Шестидневной войны 1967 года, когда Тель-Авив добился «воссоединения» Иерусалима (палестинцы говорят об аннексии). По сути речь о расчленении арабских поселений в Восточной части города, где за 30 лет у палестинцев, как утверждают западные источники, было экспроприировано 2300 гектаров земли. Сейчас речь идет всего лишь о 40 гектарах, однако дело не в масштабах, а в знаковости этого шага, предпринятого накануне обсуждения самого сложного для обеих сторон вопроса о статусе Иерусалима.

Иерусалим: линии размежевания

Другой знак Нетаньяху — закрытие четырех представительств палестинской администрации в Иерусалиме — несет ту же смысловую нагрузку. Наконец подан и третий знак. По согласованному с администрацией Арафата графику к настоящему моменту Израиль должен передать под контроль палестинской администрации 30 процентов территории на Западном берегу реки Иордан. Передано, однако, лишь 9 процентов. Этим Нетаньяху дает понять, что урегулированию отношений с палестинцами спешка противопоказана. Больше того, если фундамент здания мирного процесса окажется недостаточно прочным, оно может рухнуть, похоронив под обломками своих архитекторов.

Форсируя строительство в Хар-Хоме, израильский премьер явно не торопится закладывать новые кирпичи в конструкцию будущего мира на Ближнем Востоке. По-иному, очевидно, и быть не может, после того как победа Нетаньяху на выборах сделала мирный процесс актом публичной политики. Те времена, когда в Осло стороны втайне готовили договоренности, а после обрушивали их на голову ошарашенных сограждан, позади. Мирный процесс проходит испытание на прочность в плотных слоях общественного мнения, с которым Нетаньяху «договариваться» подчас труднее, чем с Арафатом. Как пропустить мимо ушей, к примеру, давнее требование израильских поселенцев: после каждого теракта число поселенцев в Иудее и Самарии (израильское название Западного берега) должно автоматически увеличиваться на тысячу человек.

У палестинской стороны тем не менее свои аргументы. На знаки Нетаньяху они отвечают своими знаками. Возмущенный односторонним нарушением графика и условий передачи территорий администрации Арафата, глава палестинской делегации на мирных переговорах Абу Мазен подал лидеру ООП заявление об отставке. Эта разыгранная палестинцами комбинация была ответным жестом — не мы, а израильтяне срывают мирный процесс, поскольку корректируют расклад сил прямо по ходу переговоров. В такой обстановке переговоры вести невозможно. Когда Нетаньяху принялся настойчиво звонить Арафату, тот какое-то время не подходил к телефону, по-видимому, давая понять, что от возмущения утратил дар речи. Затем вспомнили еще об одном узнаваемом знаке — интифаде. По мнению все того же Фейсала аль-Хусейни, Израиль ведет переговоры о мире так, словно планирует военные действия.

Война жестов

Столь интенсивный обмен знаками показал, что ближневосточный процесс подошел к новому критическому рубежу. Преодолев за последние годы определенную часть пути, его участники натолкнулись на подводные камни, которые не замечали или не хотели замечать инициаторы мирного диалога. По мере того как маятник диалога делает возвратно-поступательные движения (неприятие — уступки — вновь неприятие), инерция импульса, данного в 1993 году, угасает. Несоответствие планов и действительности становится все более очевидным. Так же как прежде, с той же скоростью и по той же траектории двигаться дальше нельзя. Однако и повернуть назад невозможно. Остается единственный выход — двигаться вперед хотя бы малыми шагами, уворачиваясь от взрывов общественного недовольства и уповая на то, что корректировка договоренностей, заключенных в Осло и Вашингтоне, рано или поздно станет свершившимся фактом.

Однако сейчас официальные рассуждения о необходимости изменения графика переговоров или, скажем, отказ обсуждать проблему Иерусалима могут вызвать взрыв. Именно поэтому-то стороны и предпочитают объясняться знаками. Есть и другая закономерность: каждый раз, когда дело доходит до вспышки насилия, стороны снова садятся за стол переговоров и самоотверженно двигаются вперед.

Воспроизводящиеся раз за разом кризисные ситуации ставят в тупик уже и главных спонсоров мирного процесса — американцев, что и зафиксировала их двойственная позиция по проблеме Хар-Хомы. С одной стороны, администрация Клинтона считает этот проект нежелательным препятствием на пути к миру. С другой, именно США в Совете Безопасности ООН наложили вето на резолюцию, осуждающую Израиль. «Я не понимаю эту извращенную диалектику, — приводит журнал «Ньюсуик» слова раздраженного Арафата. — Они голосуют против того, что сами считают правильным. Сначала они вместе с нами осуждают израильский план. Но потом голова забывает отдать руке приказ, как голосовать в ООН».

Противоречивую реакцию на решение по Хар-Хоме отразил и опрос израильского общественного мнения, опубликованный тель-авивской газетой «Едиот ахронот». Как это часто бывает в последнее время, в решении вопросов, от которых зависит будущее страны, израильское общество раскололось — 49 процентов считают, что правительство должно было отложить строительство, 47 процентов — за его немедленное начало.

Рассуждения о том, что мирный процесс все время балансирует на грани взрыва, уже стали общим местом. Сегодня напрашивается другое, на первый взгляд парадоксальное объяснение: взрывы общественного недовольства, увы, — столь же неотъемлемая часть мирного процесса, как и прорывы на переговорах. Они обгоняют дипломатов и подталкивают их к более решительным действиям. ■

КУРИЛЫ ПО-ПРЕЖНЕМУ ОСТАЮТСЯ ЯБЛОКОМ РАЗДОРА

Российско-японские суеверия

За последние шесть лет в дипломатических отношениях Москвы и Токио возникла своя мифология

Василий Головнин

ПРИМЕТЫ

Японцы вообще-то народ не суеверный, однако трудное общение с Россией научило их верить в приметы. Ну, скажем: долго в Москве на своем посту не усидит тот, кому «поручили связи с Токио».

Не успел первый вице-премьер Олег Сосковец в марте 1996 года провести учредительное заседание российско-японской межправительственной комиссии в качестве ее сопредседателя, как уже в июне был снят. Заколдованное место пустовало до конца октября, когда на него выдвинули нового первого вице-премьера Виктора Илюшина. Очередной «главный по Японии» в Токио и съездить-то не успел, как грянула реорганизация правительственного кабинета.

Впрочем, Виктор Васильевич сумел-таки оставить след в отношениях с дальневосточным соседом. Как только президент Ельцин заговорил, что может сместить кое-кого за развал работы с пенсиями и зарплатой, первый вице-премьер Илюшин счел за лучшее отменить свою намеченную на конец февраля поездку в Японию на заседание злополучной межправительственной комиссии.

Сделал он это неловко: за два дня до визита, когда в Токио уже сидела передовая группа его делегации. Японцы поначалу не обиделись, поскольку Виктор Васильевич лично позвонил в Токио и сообщил, что откладывает поездку по уважительной причине — из-за «тяжелого положения в социальной сфере России».

Обиды начались, когда буквально на следующей неделе Илюшин, несмотря на «тяжелое положение», отправился в Лозанну на заседание Международного Олимпийского комитета. Токио почувствовал себя в дураках. Российского посла в Японии вызвали в МИД и наговорили ему гадостей. На официальной пресс-конференции в Токио было высказано «изумление» в связи с поступком Илюшина, а от Москвы потребовали разъяснений.

Но крупного скандала в Японии все же не раздули. Газеты запрятали сообщения о дипломатических демаршах на внутренние полосы, а чиновники МИДа в частных беседах лишь похохатывали, вспоминая про Илюшина: «Говорят, он очень любит горные лыжи».

Этот конфуз в МИД Японии расценили как неприятное, но, увы, вполне обычное проявление российского хаоса. Здесь отлично помнят, как сам Ельцин в 1992 году за считанные часы отменил свой визит в Токио, а в оправдание сослался на угрозу своей жизни со стороны каких-то злых японских националистов.

Застарелый спор

Нынешняя история огорчает японцев скорее своими практическими последствиями: она грозит сбить весь план наведения мостов. И тут не обойтись без некоторого экскурса в недалекую историю.

Андрей Козырев в последний период своего пребывания на Смоленской площади от японцев явно бегал, а неизбежные контакты с ними сводил к минимуму. На это были причины: многие наши либералы-антикоммунисты в период «позднего Горбачева» и «очень раннего Ельцина» вместе с выводом войск из Германии и демонстрациями приверженности общечеловеческим ценностям морально были готовы и к крупным уступкам Токио — вплоть до договоренности о передаче Южных Курил на некоторых условиях. Весьма вероятно, что японцы не получили тогда острова только из-за своей медлительности и неумения вести дела с Москвой. Нужно было быть чуть щедрее, шире улыбаться, присуждать российским вождям звания «почетного самурая года» и так далее. Вместо этого Токио лишь твердил на всех уровнях: отдай острова, отдай, отдай. Момент был упущен и, судя по всему, надолго.

Козырева и верхушку МИДа открыто обвинили тогда в стремлении «сдать острова», и наши дипломаты предпочли «притвориться мертвыми» на японском направлении. Тактика оказалась верной: шумиха вокруг Курил улеглась, поскольку всем стало ясно, что никто в обозримом будущем отдавать их не собирается. Постепенно и Токио стал понимать, что в условиях не слишком стабильной ситуации в Восточной Азии застарелый спор вокруг островов особенно нагнетать не надо. Причин для такой корректировки позиции было много, но главная — быстро усиливающийся Китай.

И у печати, и у политиков в Токио есть табу: они боятся вслух высказываться по поводу действий Пекина. Сказывается прочный комплекс вины перед страной, которую в 30 — 40-е годы залила кровью японская императорская армия. Срабатывает и политическая стратегия, которой в Токио следовали долгие десятилетия: прочный союз с США, по возможности близкие связи с Китаем и Южной Кореей при блокаде Пхеньяна и нейтрализации Москвы в бассейне Тихого океана. В споре о Южных Курилах никаких отступлений при этом не планировалось.

Но сейчас для Токио уже не все так ясно. Для иллюстрации приведу по памяти разговор между крупным российским чиновником и одним из тех пожилых высокопоставленных японцев, которые по азиатской традиции не занимают официальных постов, но реально формируют курс своего государства.

— Китай в дружбу не верит и в будущем может пытаться строить отношения с нами с позиции силы, — говорил этот собеседник в одном из ресторанов, где прислуга, по японскому выражению, «не имеет ушей». — В начале будущего века острая нехватка энергетических ресурсов может толкнуть Пекин на захват богатых нефтью спорных островов Спратли в Южно-Китайском море. Возникнет вооруженный конфликт с участием Вьетнама, других стран, а пути снабжения Японии нефтью с Ближнего Востока будут перерезаны. Единственная гарантия для нашей экономики — создание канала снабжения нефтью и газом из России. В будущем веке только она будет обладать свободными энергетическими ресурсами в бассейне Тихого океана...

На позицию Токио оказывают воздействие и другие факторы, например почти неминуемое создание единого государства на Корейском полуострове, чье население и на Севере, и на Юге генетически ненавидит бывших японских колонизаторов. Очевидна и несостоятельность былых надежд на нейтрализацию Москвы. Россия установила тесные связи с Китаем, приличные отношения с Сеулом, стала членом регионального форума по безопасности, организованного Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии, пытается восстановить контакты с Пхеньяном. Сильное воздействие на японцев оказали и последние поставки российского оружия КНР, Малайзии, разговоры о возможности таких сделок с другими странами АТР. Перед Токио замаячила необходимость сбалансировать эти контакты путем наращивания собственного диалога с Москвой.

«Концепция Примакова»

Тут и подоспела так называемая «концепция Примакова», изложенная главой российского МИДа в ноябре прошлого года на пресс-конференции в посольстве России в Токио. Идея была не новой, но своевременной: переговоры о Южных Курилах, конечно, нужно вести, но хорошо бы позаботиться и о создании «благоприятной атмосферы» в отношениях. Конкретно Примаков предложил подумать о совместной хозяйственной деятельности на спорных островах. До недавнего времени Токио и слышать об этом не желал, поскольку любые СП такого рода косвенно закрепляют там российскую юрисдикцию. Но ситуация изменилась, и японцы обещали рассмотреть предложения Москвы. К тому же Токио сам выдвинул в начале года концепцию «многослойного развития» связей, фактически отказавшись от прежних попыток увязывать темпы развития отношений с Москвой с ее уступками по Южным Курилам. Новый курс потребовал жертв: к примеру, именно он вынудил Токио сбить волну гнева общественности в связи с аварией танкера «Находка», залившего мазутом значительную часть японского побережья.

Был намечен и жесткий график активизации диалога: вслед за визитом Илюшина в конце февраля планировалась поездка в Токио министра обороны Игоря Родионова. Параллельно должны идти переговоры о возможном допуске японских рыбаков за плату в зону Южных Курил. В конце года планировались поездка в Токио Виктора Черномырдина и, возможно, ответный визит японского премьера.

Неприезд Илюшина вновь наглядно показал, что кропотливо выстроенные планы не выдерживают очередного завихрения в кремлевской атмосфере. А ситуация меняется, и не исключено, что нынешний благоприятный момент в отношениях с Японией мы бездарно упустим, как это бывало уже не раз.

Кто поставит на Японию?

Есть еще один момент: равнодушие к Токио явно связано и с тем, что в Москве нет достаточно заметного прояпонского лобби в отличие от влиятельной группы сторонников развития отношений с Западом, Китаем и даже Южной Кореей. Причины тривиальны: ни один из крупных игроков в российской экономике по сути дела всерьез не ориентирован на отношения с Японией, несмотря на шестимиллиардный объем двусторонней торговли.

Те же группировки, которые «завязаны» на эту страну, не имеют заметных лоббистских структур в Москве или, напротив, нуждаются в сохранении напряженности вокруг проблемы Южных Курил.

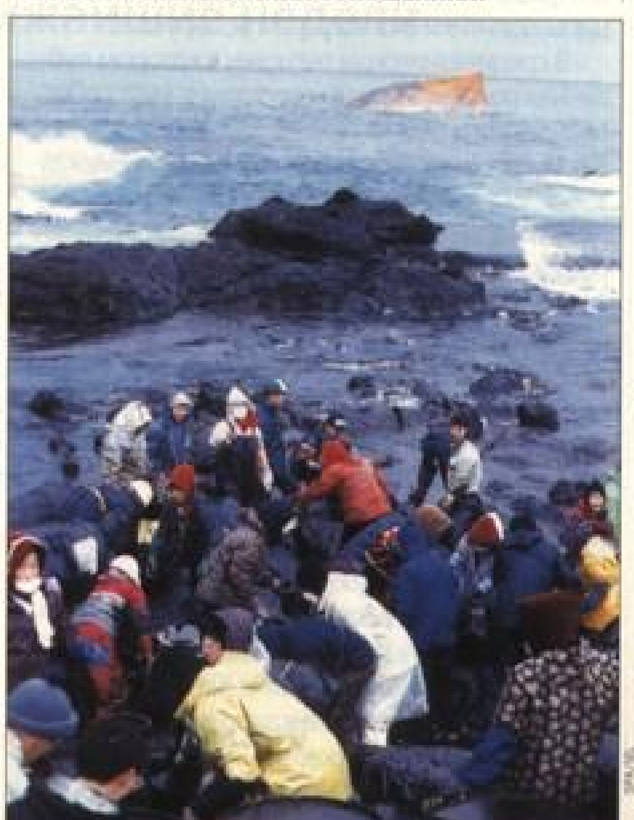
Дальневосточные рыбаки, например, получают солидные доходы на контрабандных поставках в Японию крабов и других ценных морепродуктов. Они крайне заинтересованы в том, чтобы к Южным Курилам не допускались соседи-конкуренты, поскольку это нарушает нынешнюю монополию, дающую миллиарды «левых» долларов, спрятанных от налоговой инспекции. Такой практический интерес во многом тормозит выработку единой позиции Москвы на переговорах с Японией о промысле у спорных островов, способных в случае успеха серьезно приглушить территориальный спор.

Разнобой на всех уровнях приводит и к тому, что Россия годами не может освоить даже те деньги, которые Токио прямо сейчас готов вложить в нашу экономику. До самого последнего времени без видимого успеха тянулись согласования вокруг низкопроцентных кредитов на 900 млн долларов, частично обещанных Японией еще в 1993 году. Наши ведомства и предприятия никак не могли составить мало-мальски обоснованные проекты для капиталовложений, надеясь, что деньги дадут просто так. Теперь, говорят, пакет в 400 миллионов вроде бы утрясли, но отсрочка визита Илюшина вновь откладывает окончательное решение «на потом».

Так что, «ответственному за Японию» в правительстве России предстоит еще ударно поработать — будь то Виктор Илюшин или кто-то еще. Что же касается дурных японских примет, то в них можно особо и не верить. К примеру, Борис Николаевич в 1993 году набрался мужества, слетал в Японию — и ничего, обошлось. ■

Токио

ЯПОНЦЫ ПРИЛОЖИЛИ НЕМАЛО УСИЛИЙ, ЧТОБЫ ОЧИСТИТЬ ПОБЕРЕЖЬЕ ПОСЛЕ АВАРИИ ТАНКЕРА «НАХОДКА». **УДАСТСЯ ЛИ ВОССТАНОВИТЬ «ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ БАЛАНС» В РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ?**

НА ПОСЛЕДНЕЙ ВСТРЕЧЕ ЛИДЕРОВ СОДРУЖЕСТВА **В МАЕ 1996 ГОДА** ЕЕ УЧАСТНИКИ ДРУЖНО ПОДДЕРЖАЛИ КАНДИДАТА В ПРЕЗИДЕНТЫ РОССИИ БОРИСА ЕЛЬЦИНА. ЧЕГО ЖДАТЬ ТЕПЕРЬ?

Саммит после саммита

На встрече глав государств — членов СНГ Москве могут напомнить о прежних обещаниях

Евгений Крутиков

ВЗАИМОРАСЧЕТЫ

НАМЕЧЕННАЯ НА ЭТУ НЕДЕЛЮ ВСТРЕЧА В МОскве глав государств — членов Содружества вряд ли прервет затянувшуюся почти на год паузу во взаимоотношениях лидеров СНГ. Столь длительный интервал сам по себе красноречив и объясняется не только болезнью президента России (она оказывалась официальной причиной отмены саммита как минимум дважды). Куда более серьезной проблемой стало другое: накануне президентских выборов в России, когда было необходимо вырвать объединительные лозунги из рук коммунистической оппозиции, интеграционная машина набрала слишком высокие обороты. Просто так взять, да и позабыть прошлогоднюю интеграционную риторику сегодня неловко: это равнозначно признанию того, что весь год интеграционный механизм Содружества крутился вхолостую.

В самом деле, большинство стран Содружества о существовании СНГ за это время вспоминало нечасто. Видимость хоть какого-либо сближения его членов создавали периодические вспышки интеграционной активности в Москве и Минске. Однако даже российско-белорусская интеграция натолкнулась на множество проблем, вызванных переплетением экономических интересов различных конкурирующих групп в обеих странах. Внешним проявлением этих конфликтов стала неожиданная несговорчивость президента Александра Лукашенко, не пожелавшего выпускать из рук синицу — республиканские силовые структуры и бюджетно-финансовую самостоятельность. Новое российское правительство, формирующее экономические приоритеты РФ, вынуждено теперь заново определять принципы политики в отношении Белоруссии.

В среднеазиатском регионе, в котором публичная политика просто отсутствует, идут собственные интеграционные процессы, сопровождающиеся острой борьбой за лидерство между Узбекистаном и Казахстаном. В то же время все политически значимые региональные группировки стремятся строить свою политику по отношению к России и СНГ на балансировании между интересами Востока и Запада.

При создании СНГ наиболее заинтересованными в развитии интеграции были «конфликтные государства», реально испытавшие на себе последствия развала СССР, — Грузия, Армения, Азербайджан и Таджикистан. Для каждой из этих стран само вступление в Содружество было вынужденной мерой, обусловленной сложной военно-политической и экономической ситуацией. Впоследствии именно они «активно участвовали» в работе «межгосударственных органов власти», выбивая из России технические кредиты, поставки энергоресурсов, военной техники и даже продовольствия. За эти льготы каждый раз приходилось расплачиваться определенными политическими «уступками». Грузия и Азербайджан, приняв во внимание российские интересы, не спешили с экспортом каспийской нефти на Запад. Сложное географическое и экономическое положение Армении сделало эту страну едва ли не самым последовательным союзником России и сторонником дальнейшей интеграции в рамках уже существующих структур СНГ. В Таджикистане режим Рахмонова, чтобы выжить, под давлением России пошел наконец на переговоры с Объединенной оппозицией.

Однако по розданным в последний год политическим векселям надо платить, а обещания — выполнять. Первым возмутился Азербайджан, озабоченный поставками российского оружия Армении. Парадоксальное сосуществование в одном политико-экономическом Содружестве двух враждующих государств — удивительный, не имеющий мировых аналогов факт. С одной стороны, очевидно, что и Армению, и Азербайджан удерживает в рамках СНГ только некая весьма влиятельная «третья сила», а с другой — эта же сила на практике не в состоянии разрешить длящееся уже более десяти лет вооруженное противостояние.

Однако главным возмутителем спокойствия на предстоящем саммите глав государств — членов СНГ может стать Грузия, отношениям с которой в последнее время в Москве уделяли особое внимание. Визиты в Тбилиси заместителя секретаря Совета безопасности РФ Бориса Березовского привели к временному замораживанию проектов по транспортировке азербайджанской и казахстанской нефти через территорию Грузии и возобновлению проекта российского транзита. Шеварднадзе дал согласие на поддержку российской позиции в вопросе о расширении НАТО. В обмен грузинская сторона требовала от Кремля изменить свою позицию по абхазскому вопросу.

Первым признаком того, что Тбилиси теряет терпение, стало демонстративное начало транспортировки нефти через территорию Грузии до Батуми. Затем группа депутатов грузинского парламента начала голодовку, требуя, чтобы российские войска покинули Грузию или по крайней мере не мешали вернуть Абхазию под контроль Тбилиси. В это же время стало известно, что Грузия подготовила несколько документов по «абхазскому вопросу», которые предполагает вынести на утверждение на встрече лидеров стран СНГ.

Что и говорить, первый после переизбрания президента Ельцина саммит глав государств — членов СНГ обещает стать нелегким испытанием для Москвы. Чем бы он ни закончился, ясно, что набранные накануне президентских выборов в России предвыборные долги Москве так просто не спишут. Больше того, платить по долгам старого правительства предстоит новому Кабинету.

Двойной удар

Система конкурсных поставок продовольствия для армии позволит новому правительству набрать очки уже в ближайшие недели

Андрей Серов,
Павел Горшков (фото)

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Говорит как-то кошка коту:
— Давай играть в прятки. Если найдешь меня, я — твоя. Если не найдешь, я в шкафу. **(Анекдот)**

УЖЕ НА РАННИХ СТАДИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ нового правительства стало ясно, что проект постановления о конкурсном распределении заказов на поставки продовольствия для армии лежит одним из первых в папке под условным названием «Срочные меры нового Кабинета». Евгений Киселев еще пару недель назад задал в телеинтервью с Егором Гайдаром вполне закономерный вопрос о том, как правительству устоять, если реформы пенсионного обеспечения и коммунальной сферы должны начаться с весьма непопулярных шагов, а ощутимый эффект принесут лишь в отдаленном будущем. На что близкий соратник Анатолия Чубайса ответил, что форсировать непопулярные меры по этим направлениям никто и не собирается, а почти мгновенный результат можно получить от либеральных реформ в других областях. Пример был, правда, приведен единственный — внедрение тендеров на закупки продуктов для военных. Но даже только это нововведение станет хорошим началом и еще одним «сильным решением президента». Ведь именно Борис Ельцин первым сказал в своем послании Федеральному собранию о необходимости проведения открытых конкурсов при закупках для государственных нужд.

Элитный клуб

В советское время армия и флот снабжались всяческим довольствием, в том числе продуктами, через централизованную систему. Товар отгружался, естественно, по твердым государственным ценам. В той схеме не нужны были даже деньги. Военные получали так называемые литеры — бумажки, на которых был проставлен объем продовольствия в тоннах, — и обменивали их на пайки.

После либерализации цен для интендантов наступило более сложное, но и более интересное время. Минфин стал переводить на счета Минобороны «живые» деньги. Встал вопрос: у кого закупать еду? Если к литерам поставщики были вполне равнодушны, то продать родной армии продовольствие по свободным ценам нашлось много охотников, и не только среди раскрепощенных колхозников, но и среди импортеров. Кому сделать шаг вперед из строя, где сплошь добровольцы, решали сами генералы по своему усмотрению. И от этого у них начали расти дачи.

«В прошлом году военные при поддержке Минсельхозпрода откровенно пролоббировали правительственное постановление, предоставившее монопольное право на продовольственное снабжение армии Агропромсоюзу, то есть обеспечили отдельно взятой коммерческой структуре конкурентные преимущества, — говорит заместитель министра экономики Иван Стариков. — В последнее время, когда генералы уже были вынуждены давать свои предложения по проведению тендеров, они, например, писали: «Провести закупки продовольствия для вооруженных сил на конкурсной основе. Подключить для обеспечения этих поставок Агропромсоюз, Желдорснаб, Рос-

контракт, Федеральную продовольственную корпорацию (ФПК)». То есть получалось «жареное мороженое»: конкурс проведем, но названные фирмы победят в нем обязательно.

Цены в результате, по словам замминистра, формировались «не в соответствии с рыночной конъюнктурой, а, мягко говоря, в индивидуальном порядке». Тот же г-н Гайдар говорил о случаях, когда оптовые цены на продукты для армии превышали розничные (!) цены одного из самых дорогих продовольственных рынков страны — московского. В общем, получалось все по Гашеку: «Интенданты бросали любвеобильные взгляды друг на друга, как бы желая сказать: «Мы единое тело и единая душа; крадем, товарищи, мошенничаем, братцы, но ничего не поделаешь, против течения не поплывешь. Если ты не возьмешь — возьмет другой, да еще скажет о тебе, что ты не крадешь потому, что уж вдоволь награбил».

Нельзя сказать, чтобы никто в правительстве не ведал о порочности внеконкурсного распределения госзаказов и не знал, как исправить положение. Но в прошлом кабинете позиции этих «знаек» были относительно слабы. Ведь подрался на одном правительственном совещании Яков Уринсон с Александром Заверюхой — знатным лоббистом крупнейших поставщиков продовольствия, той же ФПК. Но хотя в рукопашной, по словам очевидцев, тогдашний первый замминистра экономики выглядел молодцом, по своему аппаратному влиянию он оставался в гораздо более легкой весовой категории по сравнению со своим соперником — вице-премьером и земляком Виктора Черномырдина. В новом Кабинете это соотношение «перевернулось»: г-н Заверюха лишился своего поста, а г-н Уринсон стал вице-премьером и руководителем Министерства экономики, наделенного статусом «штаба экономических реформ».

Тем временем финансирование продовольственного снабжения армии шло с перебоями, хотя соответствующая статья бюджета и считалась защищенной. Оплата продуктов по завышенным ценам в этих условиях привела к тому, что солдаты стали меньше есть. Перестала быть редкостью дистрофия. При всей закрытости армейской жизни в прессу стали попадать сообщения о случаях голодной смерти военнослужащих — в Забайкалье, на острове Русский и т.д.

Капуста за «капусту»

Мало того что продовольствие для армии закупалось не по конкурсу, оно еще приобреталось зачастую не у российских крестьян, а по импорту. Хотя идеалы глобальной либерализации внешней торговли требуют терпимого отношения к такому явлению, необходимость поддержки отечественного производителя сельхозпродукции за счет бюджетных средств диктует иной подход. Либерализм все-таки не догма, а живое учение. И аграрный сектор пользуется господдержкой во многих развитых странах. Предусмотрена соответствующая статья и в российском бюджете, но она никак не связана с армейским заказом.

«Когда я стал изучать проект федерального бюджета на 1997 год, то понял, что средства по статье продовольственного снабжения армии (более 10 триллионов рублей) могут быть одновременно использованы для сезонного кредитования сельского хозяйства, — говорит г-н Стариков. — Для этого необходимо выполнить два условия: чтобы для армии закупалось отечественное продовольствие и чтобы цены на него примерно соответствовали тем, что складываются на рынках».

Крестьяне по весне, как известно, жаждут кредита. У правительства же денег не хватает всегда, а в начале года особенно. Поэтому для кредитования деревни придумывались всякие казначейские налоговые обязательства и прочие денежные суррогаты, которые очень скоро привели к жесточайшему бюджетному кризису. А военный продовольственный заказ до сих пор не помогал решить проблему кредитования, а, напротив, усугублял ее. Долг Министерства обороны перед поставщиками продовольствия в настоящее время составляет два триллиона рублей. Если снабженцы из «высшей лиги» могут подождать, пока им возвратят долг (ожидание для них скрашено предвкушением сверхприбыли от завышенных цен), то на местном уровне какой-нибудь совхоз, призванный кормить соседний полк, страдает от задержки денег приблизительно так же, как крестьянин-бедняк в эпоху продразверстки.

КОГДА ВОЕННЫЕ НАЧАЛИ ПЛАТИТЬ «ЖИВЫМИ» ДЕНЬГАМИ, **ПРОДАТЬ АРМИИ ПРОДОВОЛЬСТВИЕ ПО СВОБОДНЫМ ЦЕНАМ НАШЛОСЬ МНОГО ОХОТНИКОВ,** НО НЕЛЬЗЯ СКАЗАТЬ, ЧТО СОЛДАТЫ ПРИ ЭТОМ СТАЛИ ЛУЧШЕ ЕСТЬ.
ЗАММИНИСТРА ЭКОНОМИКИ ИВАН СТАРИКОВ (СЛЕВА ВНИЗУ) **СЧИТАЕТ, ЧТО КОНКУРСЫ ПО ОТБОРУ ПОСТАВЩИКОВ РЕШАТ ПРОБЛЕМУ СНАБЖЕНИЯ АРМИИ ПРОДУКТАМИ И С НЕДОЕДАНИЕМ БУДЕТ ПОКОНЧЕНО**

«В жизни это происходит так, — рассказывает замминистра экономики. — Командир дивизии звонит главе администрации и говорит, что завтра во вверенной ему воинской части начнется голод. Глава администрации вызывает директора хлебокомбината и приказывает: как хочешь, но воинской части должен хлеб отгрузить. Тот возражает: мол, они и так уже много задолжали. Но никуда не денешься. Губернатор отвечает как за крестьян, так и за военных. И старается сделать все, чтобы не провоцировать дислоцированных на его территории вооруженных людей на голодный бунт».

Министерство экономики решило объединить две сверхзадачи: снабжение армии продовольствием и сезонное кредитование крестьян. В результате родилась схема организации конкурсов по отбору поставщиков продовольствия для армии с возможностью привлечения последними кредитов в коммерческих банках под сравнительно низкий процент. Эта схема была облечена в форму проекта правительственного постановления, который Минобороны на протяжении нескольких месяцев успешно торпедировал. Резкое ускорение принятия документа произошло буквально в последние дни.

Нежное слово «тендер»

Конкурсы по отбору поставщиков, которые так замысловато собиралось проводить оборонное ведомство, Минэкономики предлагает организовать на уровне субъектов Федерации. Главное требование — максимальная открытость. «В комиссии обязательно будут присутствовать представители Министерства обороны, региональных органов исполнительной власти, производителей сельхозпродукции, — обещает г-н Стариков. — В присутствии журналистов будут вскрываться конверты с предложениями участников конкурса». Победителем станет тот, кто предложит армии продукты по самой низкой цене. Метод простой, и он уже решает задачу по снижению стоимости закупок. Следующий этап — сезонное кредитование — чуть более сложен, но задуман как органичное продолжение первого.

Правительственная комиссия по финансовой и денежно-кредитной политике (до сих пор ею руководил Владимир Потанин, теперь, очевидно, ее возглавит г-н Чубайс, которому эта роль уже известна по «прошлой жизни» в Белом доме) проводит отбор банков, которые будут допущены к обслуживанию финансовых потоков, направляемых на закупку продовольствия для армии. По мнению Ивана Старикова, таковых будет несколько. Независимые эксперты называют в качестве главного претендента на победу Агропромбанк, который обладает, естественно, самой большой сетью филиалов в сельской местности. Но, по всей видимости, АПБ не оставят в одиночестве, потому что сначала средства надо будет не столько принимать, сколько давать. И тут одному банку будет трудно справиться.

Дело в том, что отобранным банкам будет поручено прокредитовать поставщиков, которые победят в региональных тендерах. Таким образом, на них будет переложена значительная часть груза по сезонному кредитованию, висящего в настоящее время на шее государства. А из бюджета средства поступят в банк только через 4—5 месяцев, когда продукты уже поступят на армейские склады. Из этих средств поставщик погасит кредит, взятый у банка.

Как раз на процентах по кредиту, выданному не государству, а поставщику (в основном отечественному), и значительном расширении за счет этого клиентской базы будут в данном случае делать деньги уполномоченные банки. До сих пор, кстати, проценты взимались зачастую и с тех, и с других: с государства, если оно брало кредит, чтобы погасить часть задолженности перед крестьянами, и с крестьян, которые шли за ссудой в банк из-за того, что по статье о господдержке сельского хозяйства на подготовку к посевной им из бюджета приходило недостаточно денег.

Г-н Стариков надеется, что для победы в конкурсе банкам придется снизить процентные ставки по сравнению с теми, под которые они в настоящее время дают кредиты сельхозпроизводителям. Для снижения стоимости кредита, по его мнению, существует в этой схеме объективная предпосылка: уменьшается риск невозврата заимствованных средств. Этот риск снижается, поскольку поставщику-победителю тендера государство гарантирует сбыт продукции в рамках армейских поставок. Удешевление кредита, в свою очередь, снизит, по прогнозу замминистра, цену поставляемого продовольствия.

В будущее, которое рисует г-н Стариков, хочется верить: «Мы обеспечим бесперебойное снабжение армии продовольствием. Кроме того, средства из соответствующей статьи федерального бюджета будут использованы и в пользу вооруженных средств, и в пользу сельского хозяйства. Получаемый позитивный эффект трудно переоценить».

Замминистра говорит о второй половине апреля как об ориентировочном времени, когда начнется внедрение схемы, разработанной Минэкономики. Это на самом деле крайний срок, чтобы вскочить на подножку уходящего поезда. Потом сезонные кредиты уже никому не понадобятся. Если новое правительство успеет провести отбор банков и региональные тендеры среди поставщиков, внедрение конкурсных закупок армейского продовольствия может стать мощным стартом для кампании по упорядочиванию бюджетных расходов. Этим, совершенно очевидно, предстоит заниматься первому вице-премьеру Чубайсу, который по совместительству стал главным кассиром страны. Если меры по рационализации исходящих с Ильинки денежных потоков будут проведены быстро, львиную долю задолженности перед пенсионерами и бюджетниками можно будет погасить задолго до того, как завершится реформа пенсионной или жилищно-коммунальной сферы. Принципы такой рационализации не так уж сложны, они в большинстве своем давно прописаны в научных работах сотрудников гайдаровского института, в замороженных проектах правительственных постановлений и т.п. Труднее преодолеть сопротивление тех, через чьи руки до сих пор проходят «лихие» бюджетные средства. Но для этого в основном и меняли правительство. ■

Антикварная пирамида

Рынок старого искусства структурируется и легализуется. Ярмарка в ЦДХ — лучшее тому свидетельство

Дмитрий Буткевич,
Алексей Каменский,
Игорь Гаврилов (фото)

АРТ-РЫНОК

Ярмарка — обязательная принадлежность легального рынка антиквариата. Сколько лет этот рынок существует в России, сказать сложно. Шесть, если считать от первых торгов, проведенных в 1991 году аукционным домом «Альфа-Арт».

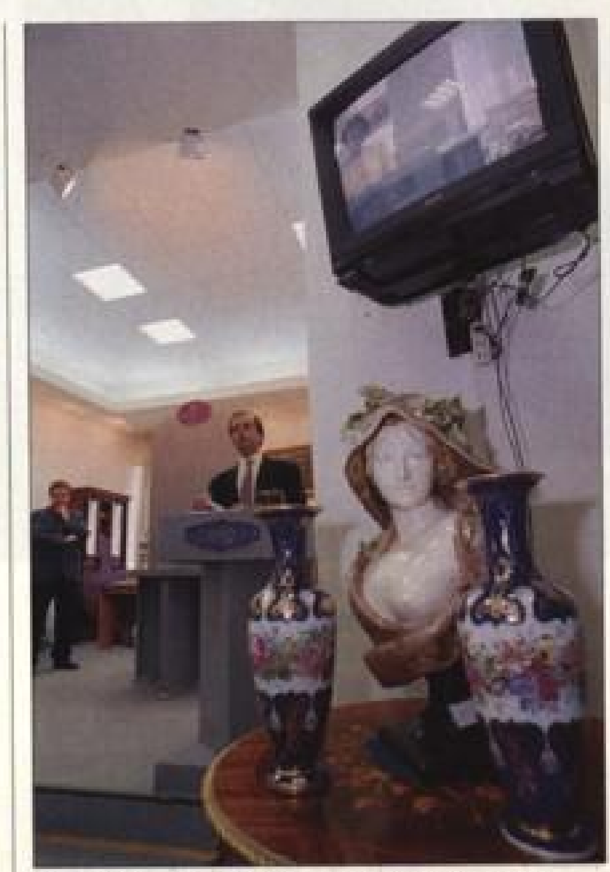
Семь, если мерить от аукциона, который «Альфа-Арт» хотел, но не смог провести в 90-м, потому что его «на всякий случай» запретил тогдашний министр культуры СССР Николай Губенко.

Девять, если за точку отсчета взять 1988 год, когда была официально разрешена антикварная торговля и начал работать «Салон-выставка №1 ВХПО имени Вучетича», прозванный москвичами «Комис на Димитрова».

За годы «цивилизованной» жизни рынок структурировался, и структура его больше всего напоминает пирамиду.

В самом ее основании по-прежнему находятся арт-дилеры. Это неофициальные, то есть фактически незаконные торговцы и посредники в продаже произведений старого искусства. Система дилерства буквально пронизывает весь антикварный рынок России. На нее приходится наибольшая доля в обороте этого рынка. Дилеры снабжают товаром не только покупателей, но и практически все структуры от самых малых до самых крупных.

Следующий слой — сеть совсем мелких лавочек, скорее даже отдельчиков во всевозможных торговых заведениях. Почти все они специального разрешения на право антикварной торговли не имеют. То есть они не «белые», но и не то чтобы совсем черные, поскольку торгуют все-таки с прилавков, а не из-под полы. Назовем их «серыми». Выше — специализированные салоны, магазины и галереи, заведения серьезные, работающие вполне официально, с кассовыми аппаратами. Дальше идут те, которые стремятся называть себя аукционными домами и проводят торги — или по крайней мере когда-нибудь проводили и любят об этом вспоминать. А вершиной этой пирамиды должны быть ярмарки и другие мероприятия объединительного характера — «общеантикварные слеты» и специализированные форумы, собираемые по признаку общей тематики. Практика их проведения существует во всем мире.

ХОТЯ ЦДХ НЕ МОЖЕТ ПОХВАСТАТЬСЯ ТРЕБУЕМЫМИ ДЛЯ АНТИКВАРНОЙ ТОРГОВЛИ УКРЕПЛЕННЫМИ СТЕНАМИ, **КОЕ-КАКИЕ СРЕДСТВА БЕЗОПАСНОСТИ ТАМ ВСЕ-ТАКИ ЕСТЬ**

Среди недавних крупных международных мероприятий такого рода хочется отметить следующие. VIII Международное шоу продавцов изящных искусств и антиквариата в Нью-Йорке (The International Fine Art and Antique Dealers Show, октябрь 1996 г.), где спектр проданных вещей был весьма широк: от коринфского шлема V века до н. э. и европейских шпалер XVII—XVIII вв. до подборок работ импрессионистов и постимпрессионистов.

Вторая базельская ярмарка, организованная Международным фондом изящных искусств (TEFAF BASEL, октябрь—ноябрь 1996 г.), также представляла «сборное искусство», хотя предпочтение явно отдавалось предметам древности.

ПРЕКРАСНАЯ ПОЛОВИНА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ПОЛЬЗОВАЛАСЬ ОСОБЫМ ВНИМАНИЕМ ПОСЕТИТЕЛЕЙ ЦДХ

Еще один проект Международного фонда, десятая по счету ярмарка изящных искусств в Маастрихте (EFAF MAASTRICHT), считается одним из самых авторитетных антикварных шоу в мире. Она закончилась буквально на днях (срок проведения — 8—16 марта), и итоги пока подводить рано. Но, по предварительным данным, участвовало в ней 165 галерей из Европы, США и Юго-Восточной Азии. Экспонаты — от русского Фаберже до этрусских антиков.

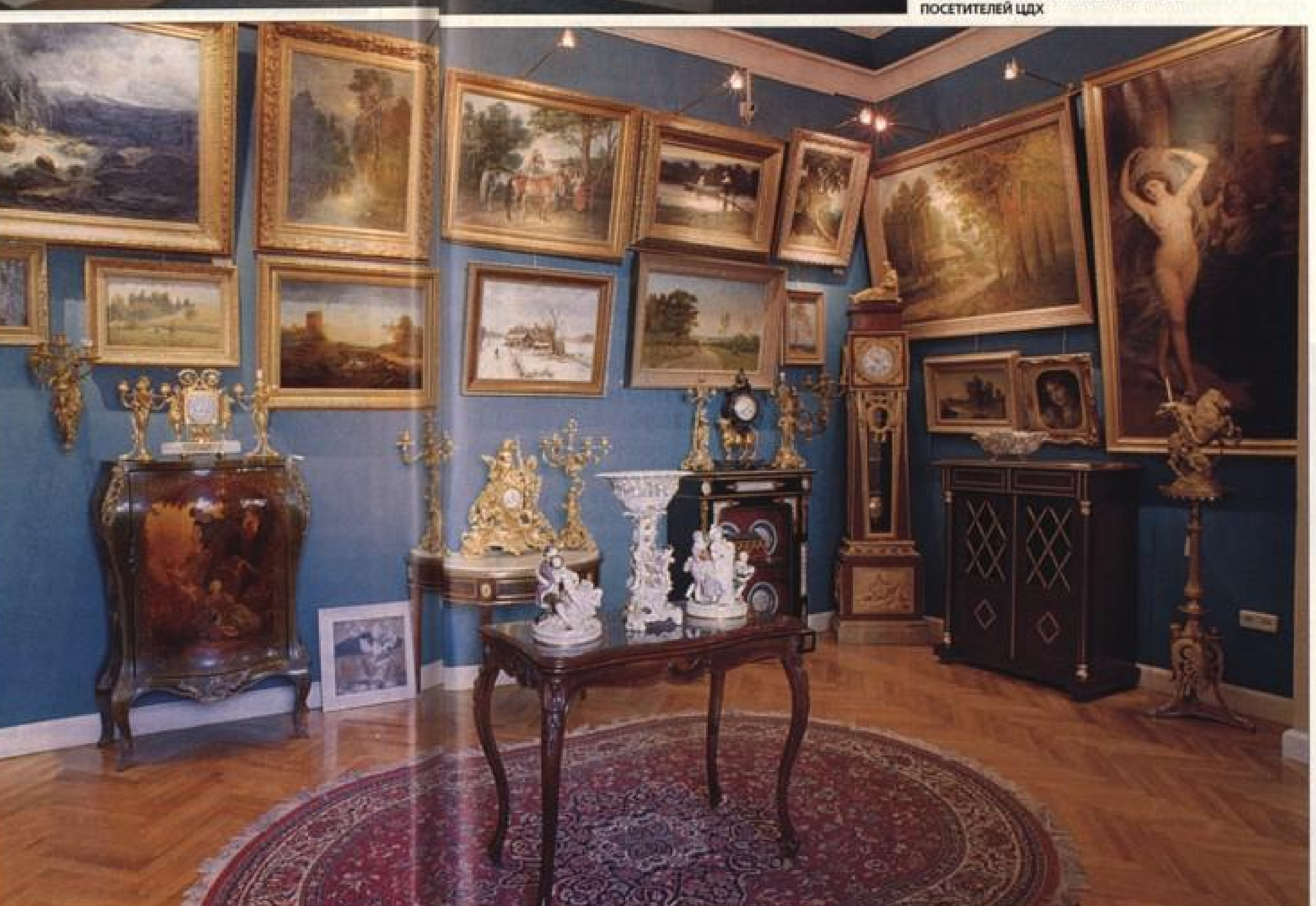
Наконец, еще одно мартовское мероприятие в Нью-Йорке — вторая Международная ярмарка искусства Азии — выставляет, продает и пропагандирует исключительно восточное искусство.

Шоу не удалось

В России система ярмарок антикварного искусства вплоть до последнего времени отсутствовала. Точнее, почти отсутствовала. Ведь были «Арт-Мифы», среди участников которых попадались, хоть и редко, антиквары. Но торговцам старым искусством мечталось, конечно, о собственных, чисто антикварных ярмарках и шоу. И вот в 1994 году была предпринята попытка организовать такой «антикварный слет». Помнится, какая-то активная дама обзванивала галереи и звала, настойчиво звала всех принять участие во Всероссийском антикварном шоу в Центральном Доме художника (ЦДХ). Называлась даже стоимость аренды (по тем временам довольно большая, долларов сто за квадратный метр), распределялись стенды, готовился каталог... Но как-то неожиданно все стихло. Знающие люди объясняли срыв тем, что за организацию ярмарки взялся тогда недавно образованный Союз антикваров России (САР). И конкуренты, в первую очередь представители альтернативного Российского союза антикваров (РСА), бойкотировали проект, дабы не дать соперникам заработать славу, первенство и деньги.

Похоже, все эти события прочно отбили у антикваров России стремление к объединению — хотя бы временному, в рамках единой экспозиции. Но тут роль организующего начала взяла на себя фирма, никакого отношения к антикварному миру, да, пожалуй, и к изобразительному искусству, не имеющая — рекламно-маркетинговое АО «Экспо-Парк», занимавшееся до этого устройством выставок по архитектуре и дизайну. Дальше начинается почти легенда.

Как-то раз директору «Экспо-Парка» Василию Бычкову попалась на глаза одна московская газета со статьей о каком-то западном антикварном «сейшне». «Я подумал, — рассказывает он, — как здорово, вот бы у нас такое. Что-то когда-то слышал об «Арт-Мифе», позвонил знакомым, узнал — нет больше «Арт-Мифа». Решил — надо делать».

Окупается или не окупается?

Ну и сделал. В июне 1996 г. все в том же Центральном Доме художника открылась первая Международная художественная ярмарка «Арт-Москва». Галереи, галереи, галереи современного искусства. Но на пресс-конференции «по итогам» журналистской и галерейной публике были предъявлены планы на будущее АО «Экспо-Парк». Там-то и фигурировало «антикварное шоу», которое организаторы намеревались, по их словам, провести в самое скорое время.

Много радости вызвала эта идея у присутствующих. Смеялись и над словом «шоу», которое, по нашим представлениям, непременно «must go on», и над тем, как устроители будут определять «антиквариат»: по инструкции Минкульта (все, что до 45-го) или по духу представленных вещей. Наконец, вызывала саркастическую ухмылку идея провести — подумать только! — антикварное мероприятие силами непрофессионалов антикварного рынка.

Однако ж все получилось. Уже в ноябре 1996-го в ЦДХ прошел первый Российский Антикварный Салон. 18 участников. Из них двое представляли Питер, остальные — местные. Такое соотношение в целом соответствует структуре общероссийского антикварного рынка. «Антикварное движение» в провин-

ции если и существует, то ничем и никак себя не проявляет. Конечно, на московском рынке регулярно появляются вещи, привезенные то из Нижнего Новгорода, то из Саратова, а то вообще из какой-нибудь другой страны — из Еревана, например. Но это всегда частная инициатива «черных» дилеров, а стабильного галерейного обмена между провинцией и столицей не существует.

То же и с питерцами. Работают они в основном на московский рынок, только поток вещей из Петербурга гораздо больше и стабильнее (кстати, и фальшивки почти все «невского» происхождения, но это уже совсем другая тема). А возят вещи все те же дилеры, наши ли, московские, или их, питерские. А прямого выхода на столичный рынок галереи и магазины из СПб до сих пор не имели.

Резонанс в антикварных кругах Салон получил огромный. Рядом, почти напротив друг друга, участвовали заклятые конкуренты — аукционные дома «Альфа-Арт» и «Купина». Из китов антикварного бизнеса отказался от участия один только аукционный дом «Гелос», мотивируя свой отказ так: неизвестно, что из этой затеи получится, а мы только зря деньги потратим. И деньги, кстати, достаточно солидные. Сама аренда обходилась участникам в 2—4 тыс. долл., в зависимости от величины стенда. А вот общие затраты на транспортировку, охрану да плюс утраченная выгода от возможных продаж в собственных магазинах составляли, по подсчетам многих участников первого салона, около 10 тыс. долл.

Удалось ли участникам того первого Салона оправдать, или, как говорят, «отбить», свои ярмарочные расходы, нет ли — история искусств и художественная критика о сем умалчивают. Еще во время функционирования того ноябрьского предприятия дирекция «Альфа-Арт» заявляла, что многократно оправдала затраты. Представители Ассоциации антикваров Санкт-Петербурга также говорили перед закрытием Салона, что «окупились».

В РЕЙТИНГЕ ПОПУЛЯРНОСТИ «ЮВЕЛИРКА» ЗАНИМАЕТ ВТОРОЕ ПОСЛЕ МЕБЕЛИ МЕСТО

А вот другие сведения. Перед началом недавно закончившегося второго Российского Антикварного Салона наиболее видные его участники признавались, что «финансовые результаты были никакие» либо что «деньги в данном случае для нас были не главным». Лишь эксперт мебельного салона «Старинный интерьер» сказал: «В ноябре конкретно результатов не было; а вот когда мы подвели итоги полугодия, увидели значительную прибыль».

Кому же верить? Наверное, глазам своим. А они видят вот что: из всех более или менее заметных экспонентов первого Салона во втором отказалась участвовать лишь галерея восточного искусства «Шон» (предлог вполне достойный: галерея не может пока определить свое новое лицо, поэтому и выставляться не считает возможным). Все же остальные, в один голос жалуясь на то, что слишком зачастили экспопарковцы с этими салонами, дружно разобрали стенды.

Второй Российский Антикварный Салон прошел параллельно со второй Международной художественной ярмаркой «Арт-Москва» на втором этаже ЦДХ с 3 по 8 марта. И организаторам даже пришлось продлить мероприятие еще на один день, до воскресенья включительно. Причем продлить по требованию антикваров: чем, опять-таки, не показатель коммерческого успеха?

Представителей города на Неве на этот раз было вдвое больше, то есть четверо, а всего было задействовано 28 стендов. Некоторые стенды к тому же были «многочленными». Например, на стенде Ассоциации антикваров СПб выставлялось еще четыре магазина, входящих в ассоциацию. То же на стенде САР (плюс три магазина). Так что реальных экспонентов было даже больше. А спектр участников необыкновенно широк. От крупнейшего салона «Мир искусств» в Камергерском до небольшого, но насыщенного антикварного отдела в книжном магазине «Москва» — по соседству, на Скобелевской площади. От Русского национального музея искусств, специализирующегося на Фаберже и его современниках, с центральным офисом в Лос-Анджелесе, до Музея уникальных кукол, организации благотворительной, даже денег за вход в музей не берущей. От трех реставрационных фирм до АО «Ломбард Жулебинский», который дает ссуды под залог произведений искусства.

Проблемы антикварного рынка: лицензия временная, свое лицо отсутствует

Но мы, кажется, забыли о второй стороне антикварного процесса — покупателе. Между тем покупательская активность была на Салоне как никогда высока. Чтобы почувствовать ее, достаточно было побродить по галерейным залам. Деловые разговоры, которые слышались со всех сторон («Она сегодня придет, а я ей скажу: дескать, Восьмое марта, поэтому для вас будет дешевле»). Пустые места в экспозициях на месте проданных предметов. (По словам директора аукционного дома и галереи «Альфа-Арт» Алексея Гарина, на третий день работы ярмарки уже возникла необходимость обновить экспозицию — «ушло» около трети представленных вещей.) Постоянная занятость хорошеньких галерейных консультанток, отвечающих на вопросы будущих покупателей. Суета на стоянке у входа в ЦДХ — все время выносили и грузили всяческий антиквариат.

НЕКОТОРЫМ ГАЛЕРЕЯМ НЕ ЧУЖД ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ДУХ

Интересы покупательской публики практически не изменились по сравнению с ноябрьским салоном. Мебель, мебель и еще раз мебель. Причем, как правило, с чисто практической целью — обставить квартиру. Поэтому самый ходкий товар — гарнитуры для столовой или гостиной: стол, несколько стульев, диванчик. Популярность такого рода вещей становится характерной чертой современного русского рынка. Ведь достаточно купить такой набор — и интерьер одной комнаты, считай, готов. Можно было заметить даже некое подобие ажиотажного интереса: «Хорошее кресло, но наверняка кто-нибудь уже купил», — довелось уловить разговор. Почти таким же спросом пользовались и другие предметы, пригодные для создания интерьера, — вроде больших ваз или люстр. И, разумеется, часы — по нескольку штук предлагала каждая галерея. Таким образом, главной целью покупателей оказалось не столько формирование коллекций, сколько обустройство жилья.

Другая популярнейшая вещь — «ювелирка». Интерес к ней был замечен еще в ноябре, и продавцы сделали соответствующие выводы. Свидетельством чему — обильные ювелирные прилавки, стоявшие вдоль границы экспозиционного пространства буквально каждой галереи. Живопись же в рейтинге популярности прочно занимала последнее место.

К чему же это привело? Прежде всего у галерей не чувствуется своего лица. Каждая является абсолютно универсальной, то есть торгует буквально всем. Возникало даже впечатление, что если снять со стендов фризовые надписи с названиями экспонентов, то и определить, где чей стенд, будет почти невозможно. Естественно, в таких условиях никому и в голову не приходило собрать достойную коллекцию для подлинных знатоков. Все как-то случайно. Стул, картинка, колечко — авось купят. У всех картины по стенам, мебель по углам, старинные часы на комодах и, наконец, пресловутая «ювелирка». И все это вперемежку. Как будто идешь по большой барахолке. Своего рода, как говорили недавно, «Измайловская Битца», только более высокого качества.

И это, пожалуй, главная беда нашего сегодняшнего антикварного рынка. Отсутствие у отдельных операторов своего лица, особенной специализации, индивидуальных отличий от соседей. Однако будем реалистами: индивидуализировать антикварную торговлю в России пока просто невозможно. Даже и рассчитывать на это не стоит — ведь все в конце концов определяется спросом, а покупатель антиквариата пока, в общем, не отличается изощренным вкусом.

От этой проблемы никуда не денешься — нынешняя универсальность диктуется нынешним же состоянием антикварного рынка. Но нельзя не сказать еще об одной серьезнейшей проблеме российской антикварной торговли. Проблеме вполне субъективной и ставящей под угрозу само существование так бодро стартовавших ярмарок (шоу, салонов) старого искусства. Пресловутой проблеме лицензирования.

Как известно, в соответствии с указом президента от 1994 года вся антикварная торговля подлежит обязательному лицензированию. То есть каждый, кто хочет продавать всякую старину, обязан выправить массу справок в разных органах и организациях, потом послать документы в специальную правительственную службу и уже оттуда получить эту самую лицензию.

Не говоря о том, что специально созданная, в частности и для выдачи таких лицензий, Федеральная служба по сохранению культурных ценностей в России была недавно расформирована, проработав всего года два. Это еще полбеды, поскольку большинство сотрудников благополучно переместилось в Министерство культуры РФ, при этом непонятным образом перетащив за собой в Минкульт лицензионные функции.

Беда в том, что лицензии на право антикварной торговли выданы на конкретный адрес, на конкретное помещение, удовлетворяющее многочисленным требованиям, как то: санэпидстанции, пожнадзора, милиции и т. д. Необходимо, скажем, наличие укрепленных стен и решеток на окнах. А какие ж укрепленные стены на стендах в ЦДХ? Так что выставляться в этих залах можно, а торговать никак нельзя.

Идея «ярмарки», то есть предприятия торгового по самой своей сути, пропадает таким образом на корню. Конечно, организаторы нашли выход в первый раз, нашли и во второй. Оба раза помогал г-н Хорошилов (в ноябре еще руководитель Федеральной службы, а в марте уже просто замминистра культуры), который выдавал так называемые разрешительные письма. По ним «временно» дозволялась торговля в залах.

Естественно, такие временные разрешения мало кого устраивали, и участники просто увозили каждый раз покупателя к себе в галерею, где и совершалась сделка. Собственно, в залах ЦДХ торговали единицы, в основном, естественно, петербуржцы, которым везти покупателей было слишком далеко.

А истоки конфликтной ситуации очень просты. Чьи-то умные головы, подготавливая указ президента, не учли возможность групповых продаж — ярмарок, салонов или шоу. В России подобных специализированных антикварных торгов тогда еще не было, а оценить существующий западный опыт почему-то сообразительности не достало.

И выхода теперь нет. Внести изменения в указ президента может разве что сам президент. А ему, похоже, сейчас не до того. ■

Приобщение к «Цивилизации»

Дмитрий Катин

РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Как насчет обзора самых свежих компьютерных игр? А? И верно, не надо — сейчас каждое второе издание этим грешит, изредка ли, регулярно. А мы познакомим вас с игрой-ветераном, которой в этом году стукнет шесть лет. Правильной игрой.

Настоящий знаток компьютерных игр всегда узнает «своего» по придыханию, с которым произносится слово «цивилизация». Эта игра в отдельности стоит от всех остальных жанров компьютерного досуга, она открыла новый мир ощущений для сотен тысяч людей во всем мире. Автора бы не удивило, если бы ее в скором времени включили в перечень олимпийских видов спорта.

«Цивилизация» — не единственная и даже не первая игра стратегического жанра. Еще когда ЭВМ стояли за железными дверьми, вокруг роботроновских зеленых дисплеев толпились программисты и с увлечением играли в «Диктатора». По современным канонам это не было игрой — просто обмен сообщениями в текстовом режиме, но тогда мы не были так притязательны и просиживали по ночам (подальше от начальства), обсуждая наилучшие пути построения своего «города Солнца». Потом нечто подобное появилось на крошечных «Синклерах» и «Касио», но все-таки именно «Цивилизация» стала первой настоящей Игрой.

Дело не в сюжете (в каждой второй компьютерной игре игрок должен завоевывать мир), а в том, как он реализован. Вы начинаете свой путь с одним поселенцем, способным только копать и мостить дороги, чтобы через тысячелетия оказаться во главе могущественного государства, обладающего самыми необыкновенными технологиями. Видимо, главная особенность «Цивилизации» не в том, какого качества картинка на экране (между прочим, замечательная по ясности и информативности), а в том, что эта игра, как никакая другая, дает возможность не только быстро-быстро нажимать кнопки, но иметь собственную идеологию, доктрину, реализация которой и приводит к успеху. Пожалуй, еще только шахматы позволяют с успехом отстаивать противоположные по смыслу стратегии соблюдения одних и тех же правил. Каждый игрок держит в уме свой список ключевых изобретений, самых важных и полезных чудес света, использует свои методы борьбы с оппонентами. Когда я наблюдал за игрой других поклонников «Цивилизации», мне казалось, что действия игрока настолько неверны, что игра должна закончиться поражением через несколько ходов, но, к моему удивлению, игра продолжалась — и не без успеха.

ФРАГМЕНТ ИГРЫ: РУССКИЕ НАЧИНАЮТ И...

Стиль игры в «Цивилизацию» является хотя и зашифрованным, но достаточно точным описанием темперамента игрока. Кто-то действует по принципу «быстрота и натиск», другие терпеливо и кропотливо собирают свое преимущество, некоторые полагают, что «лучше меньше, да лучше», и строят всего несколько городов, стараясь довести их до максимальных размеров, другие быстро заселяют все доступные территории «поселками городского типа». И то, что нельзя однозначно сказать, какая из стратегий является лучшей, на мой взгляд, одно из доказательств богатейших возможностей этой игры. В одном из интервью создатель «Цивилизации» легендарный Сид Мейер признался, что он играет в «Цивилизацию» хуже всех своих знакомых, — еще одно свидетельство в пользу того, что его «детище» оказалось на редкость жизнеспособно.

Многие компьютерные игры увлекательны, но очень скоро все они приедаются. Становятся ясны алгоритмы, заложенные в основу игры, решение найдено и... вчерашняя головоломка превращается в примитивный «пробег на скорость». Через месяц игра напоминает о себе лишь занимаемым на винчестере местом. «Цивилизация» — игра совсем другого рода, ходы никогда не повторяются, надоедать — нечему. Многие знакомы с этой «инфекцией», от которой нет прививок: стоит «Цивилизации» после некоторого перерыва случайно попасться на глаза, она опять захватывает игрока на несколько недель. Это свойство «Цивилизации» делает ее уникальным явлением среди компьютерных игр. Да и любители этой игры не похожи на подростков, обменивающихся кодами к DOOM; это люди, которые честно принимают вызов и не прибегают к жульническим уловкам, чтобы посмотреть финальную заставку.

Настоящий игрок в «Цивилизацию» играет в нее на самом сложном уровне и ни за что не будет использовать «подсказку». Он сам готов дать фору компьютеру, чтобы доказать свое неоспоримое превосходство. Игра азартна. Ведь даже самый точный обсчет ситуации не заменяет человеческой интуиции и предвидения, и главное удовольствие играющего — в возможности доказать, что твое серое вещество посильнее Intel inside, и на некоторое время почувствовать себя Каспаровым, успешно сражающимся за человеческое достоинство с компьютерным монстром-гроссмейстером.

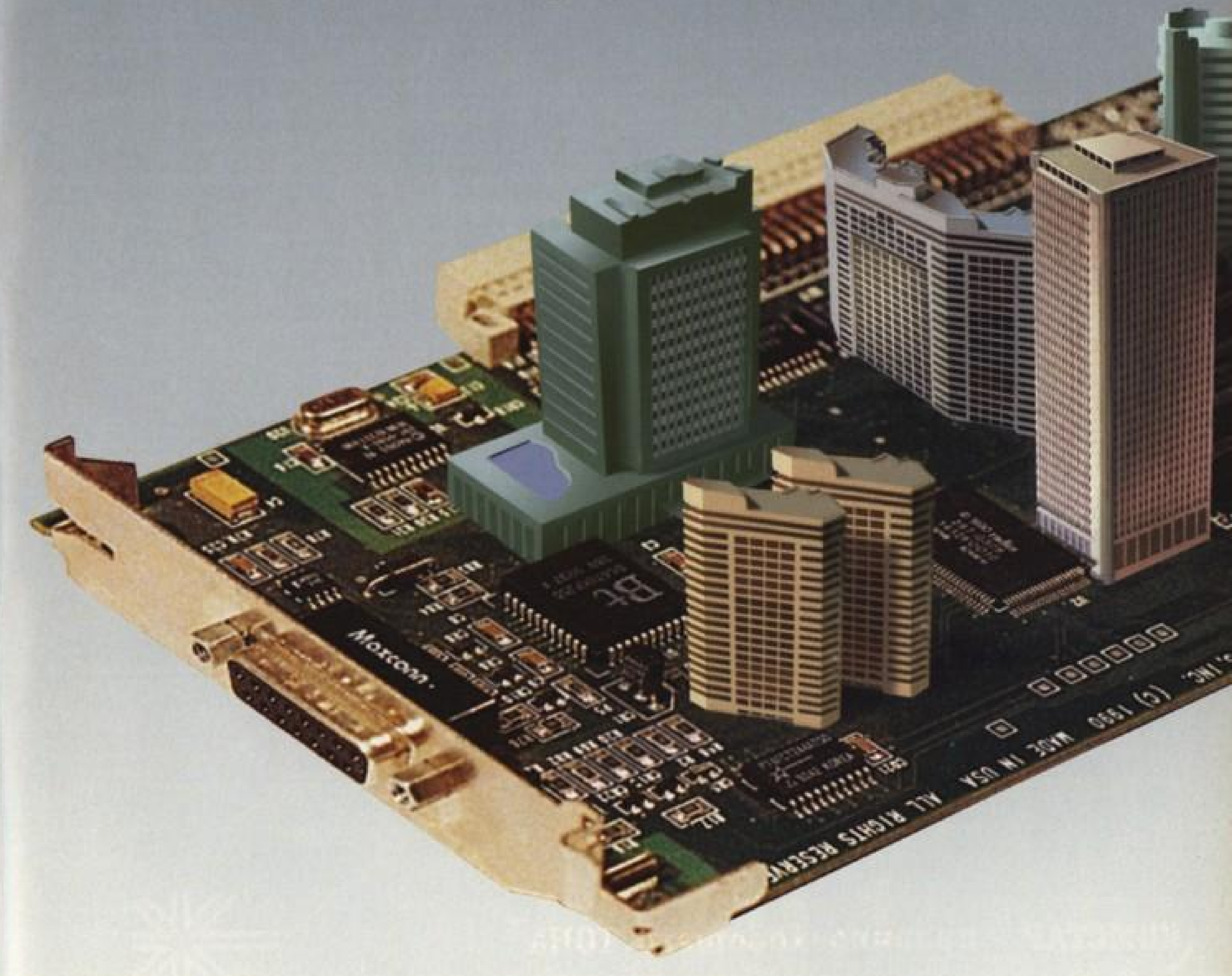
Как и многие другие любители «Цивилизации», я начинал свое знакомство с этой игрой по пиратским копиям (других просто не было), а значит — никаких инструкций и пояснений, все (в полном соответствии с человеческой историей) открывалось и проверялось исключительно на практике. Немало часов игры проходило, прежде чем становились очевидны достоинства «изучения демократии» или эффективность создания «Великой Библиотеки», но зато несомненно, что заложенные в игру гуманные принципы этой игры накрепко засели в умах игроков. Я бы ввел эту игру в качестве обязательного школьного предмета, чтобы каждый ребенок, приобщившись к этим «шахматам нашего века», с восхищением говорил не только о «крутых» шотганах, «лучах смерти», бомбардировщиках и ракетах, но и о канализации, холодильниках, медицине и университетах. По моему совершенно частному мнению, если ребенок прошел курс «Цивилизации», это действительно приближает его к цивилизованности.

Нет, не могу молчать. У «Цивилизации» все же есть один огромный недостаток — эта игра настолько увлекательна и интересна, что способна «сожрать» все ваше время (причем не только свободное), оторваться от нее очень сложно, а если учесть, что на одну попытку уходит часов двадцать, то станет ясно, чем вы жертвуете. Но если долгие часы с «Цивилизацией» помогут вам быть скорее умным, чем быстрым, скорее добрым, чем жестким, то язык мой не поворачивается назвать это время потерянным. ■

СПЕЦИАЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ

ВЫСОКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Микрочип стучится в дверь

Сергей Александров

Под гладкой белой панелью тихо щелкает временное реле. Датчики контролируют температуру в различных отсеках, для каждого она должна быть особенной. При открывании прибора автоматически включается внутреннее освещение. Ручное управление сведено к минимуму: повороты верньера только задают один из нескольких запрограммированных режимов работы...

Такое описание, характерное для научно-фантастических романов, подходит не только к известному артефакту, оставшемуся от канувшей в Лету некогда великой галактической цивилизации. Чтобы пользоваться этим предметом материальной культуры, совсем не нужно быть отважным космическим первопроходцем или одержимым жаждой познания ученым. Это – просто холодильник.

Говорят, что главное движение современной цивилизации не в том, что «люди Луну топтали и рвали звезды с небес». Самое основное заключается в том, что жители зеленой планеты используют новейшие технологии полностью автоматически, абсолютно не задумываясь о своих действиях. Каждое утро мы встаем с постели по свистку электронного будильника, потягиваясь, включаем телевизор или радио, засыпаем молотый кофе в кофеварку, небрежно швыряем вчерашнюю котлету в микроволновую печь или бутерброд в ростер. И при этом абсолютно не думаем о микрочипах и датчиках времени, о длинах и частотах радиоволн в эфире, об инфракрасных лучах пульта телевизора, о лазерных считывающих устройствах в музыкальном центре. Про холодильник мы уже говорили...

Высокие технологии окружают современного горожанина везде – дома и на работе, в автомобиле и метро, в парке аттракционов и в сауне. То, что Жюль Верн и Герберт Уэллс описывали как научные открытия, доступные лишь посвященным, вошло в быт и стало привычкой. Нисколько не удивительным кажется телевизионный рекламный ролик, в котором роскошная девушка за рулем автомобиля выслушивает по сотовому телефону инструкции, как доехать до ресторана. А женщина-бухгалтер средних лет, не способная никак преодолеть психологический барьер и заставить себя научиться работать на компьютере, просто забывает о том, что это жуткое устройство – обычная комбинация привычного калькулятора и пишущей машинки, но гораздо удобнее.

Россия, которую еще совсем недавно называли «Верхней Вольтой с ракетами», все увереннее осваивает достижения мировой цивилизации. Правда, в основном на импортном оборудовании. Российские производители пытаются наладить хотя бы отверточную сборку компьютеров, в то время как рынок бытовой, аудио- и видеотехники они, похоже, потеряли навсегда. В начале 1997 года в российском приборостроении и промышленности средств связи продолжилась тенденция к росту производства персональных компьютеров и падению производства других видов продукции.

По данным Госкомстата РФ, в январе 1997 года было выпущено в 1.5 раза больше персональных компьютеров чем в январе 1996г. В то же время выпуск часов сократился на 40%, фотоаппаратов – на 27%, магнитофонов – на 61%, радиоприемников – на 25%, телевизоров – на 71%. В частности, в январе было выпущено лишь 3400 магнитофонов и 12800 телевизоров.

Что делать – когда общество пытается втиснуть законы природы и экономики в прокрустово ложе идеологии, запрещая само слово «кибернетика», последствия обязательно дают себя знать.

«Связь дающая свободу»

Василий Зиндер

Информатизация из модного до недавнего времени понятия наконец превратилась для нашей страны в насущную необходимость. Между тем первое по значению место для любой организации в инвестициях продолжает занимать телефонизация. Возможно, одной из причин такой ситуации стал тот факт, что для большинства российских компаний другие сферы, такие как Internet, хоть и привлекательны, но продолжают пугать невозможностью точно просчитать экономический эффект от их внедрения. Другое дело – коммуникации.

Очевидность в необходимости вложений именно в эту область ни у кого не вызывает сомнений. Вопрос лишь в том, как выяснить, что именно необходимо компании в данный период ее развития. По словам старшего менеджера по проектам компании Comstar Олега Козлова «то, какой способ выбрать для решения этой проблемы, прежде всего зависит от числа сотрудников организации. Если персонал невелик – выбор в пользу мини-АТС, или офисных станций».

Возможности таких станций не очень велики, но вполне подходят для небольшой компании – конференц-связь, автоматическое распределение звонков, голосовая почта, распечатка телефонных переговоров и так называемое прямое попадание на номер. Под последним подразумевается следующее. У Вас, допустим, есть десять телефонных номеров, закупленных у города. Однако сотрудников фирмы – в несколько раз больше. Чтобы не закупать дополнительную номерную емкость, с помощью мини-АТС на базе уже имеющихся линий создаются добавочные телефонные номера. Таким образом, сотрудники получают доступ к городской телефонной сети, а также персональный номер, так как им можно позвонить, набрав после городского номера дополнительно несколько цифр.

Сейчас на отечественном рынке представлены почти все крупнейшие производители такого рода техники – Panasonic, Siemens, Nitsuko, LG Electronics, Samsung. Станции различаются по типу – цифровые и гибридные. Стоимость цифровых, как более продвинутых, колеблется в пределах 200 долл. за порт. Гибридные – почти вдвое дешевле. При определении, на сколько портов нужна станция, учитывается коэффициент 1 к 5 или, при большой нагрузке линий – 1 к 4.

Однако установка мини-АТС – хорошее решение проблемы только для небольшой организации. После того как в вашей компании число городских телефонных номеров достигло тридцати, возникает новая проблема – вам становится экономически невыгодно покупать тридцать первый или тридцать второй. Дешевле проложить волоконно-оптический кабель и установить на своем предприятии станцию учрежденческой связи. Ее возможности – на порядок выше мини-АТС. Среди них: обеспечение работы системы офисной радиотелефонной связи, сохраняющей свойства сотовой связи, возможность передачи данных и организации локальной сети, голосовая почта и цифровой автоответчик, видеоконференции и создание ведомственных ISND-сетей. Стоимость таких станций – от 250 до 1000 долл. за порт в зависимости от комплектации. В России компании-производители таких станций представлены достаточно широко – Ericcson, Siemens, GPT, NEC, Alcatel, Nortel, Lucent Technologies и др.

Однако при выборе поставщика следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Дело в том, что сейчас существует два механизма поставки станций. Первый и наиболее простой – обыкновенная продажа. Второй заключается в том, что станции поставляют коммуникационные компании (обычно совместные предприятия, одним из учредителей которой является тот или иной производитель коммуникационного оборудования). В Москве подобные услуги осуществляют телекоммуникационные операторы, крупнейшими из которых являются Комстар, Совинтел, Телмос и Ростелеком.

У того и другого способа продвижения техники есть свои преимущества. Первые, не привязанные к собственной инфраструктуре, более динамичны. Зато вторые, продавая станции, тем самым развивают основное направление бизнеса – телекоммуникационную сеть и выгодны для клиента тем, что предлагают решения по всему спектру на основе единого стандарта.

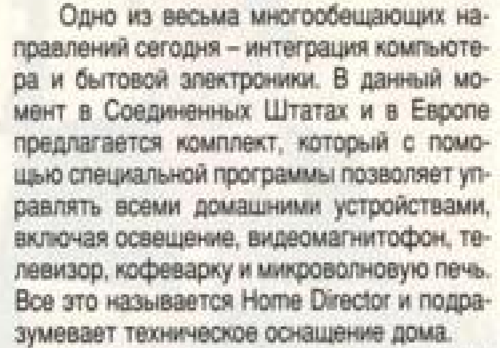
Альтернативу традиционному способу связи составляют сегодня различные беспроводные системы под общим названием Wireless Local Loop. Среди технологий, реализующих этот принцип, наибольшую известность получили CT2, TDMA, европейский DECT (Digital Enhanced Cordless Telecommunications), совместимый с сотовыми стандартами GSM и DCS-1800. Среди их преимуществ — малая стоимость, поскольку она не зависит от длины кабеля, состояния почвы, а также быстрая (в течение нескольких месяцев) установка. Однако пока говорить о внедрении таких систем в нашей стране сложно.

В то же время у нас есть пример работающей уже в течение двух лет беспроводной системы связи — сотовая радиосеть передачи коротких сообщений Paknet английской компании Racal. В нашей стране эта сеть больше известна под именем «Радиотел». Совсем недавно к набору ее традиционных услуг, главной из которых является авторизация пластиковых карт в режиме реального времени, добавилась еще одна. Теперь вы можете подключить к себе ваши системы пожарной и охранной сигнализации. Преимущества — подсоединение к сети не требует прокладки каких бы то ни было кабелей, поэтому серьезно сокращает время установки системы. После ее инсталляции сообщения о любых неприятностях, возникших из-за нарушения сигнализации, практически мгновенно поступят на ваш пейджер и в то отделение милиции, с которым существует такая договоренность.

Незаменимый компаньон

Михаил Денисов

Компьютер – не роскошь. И даже не средство для игры в «Doom». И не усовершенствованная пишущая машинка. Правда, все это он тоже умеет. И неотвратимо наступает момент, когда человек начинает привыкать к компьютеру, задумываясь, на каком же из них остановить свой выбор: IBM, Hewlett Packard, Compaq, Dec, Dell, Acer и др. Не зря же такую актуальность приобрели технологии, именуемые на Западе SoHo (Small Office – Home Office). Данные разработки призваны удовлетворить потребности небольших компаний (от силы 30–40 компьютеров) и тех, кто предпочитает работать дома.

«Домашние» компьютеры сегодня очень сильно отличаются от офисных. И различия эти будут расти. Когда-то компьютер мог называться «домашним», если в него была встроена приличная звуковая карта и CD-ROM. Сегодня, считает фирма Acer, домашний компьютер должен быть посвящен пользователю. Человек приходит домой с работы, и он не хочет работать на таком же компьютере, как тот, что стоит у него в офисе, чтобы не ощущать себя все время в рабочей обстановке и... не портить интерьер дома. Это тоже важно. Тот же Acer в конце 1995 года выпустил Acer Aspire красивого сине-зеленого цвета, заплатив дизайнерской фирме полтора миллиона долларов за разработку внешнего вида этой модели. IBM со своей разработкой Stealth, появившейся в конце 1996 года, гордится новаторским дизайном этой модели, удобным с практической точки зрения. Это так называемая концепция раздельной системы: где-нибудь под столом у пользователя стоит системный блок, который можно расположить на расстоянии трех метров от монитора. А на столе все остальное, необходимое в хозяйстве: CD-ROM, мультимедийный монитор, беспроводные клавиатура и мышь, джойстик – все для удобства пользователя.

Кстати, удобство в управлении – одно из основополагающих отличий «домашних» компьютеров. Александр Канн, глава московского представительства американской фирмы Compaq, говорит: «Персональные компьютеры, предназначенные для домашнего использования (в частности Compaq Presario), обычно содержат дополнительные программные продукты, которые не нужны в условиях классического офиса. Поэтому потребитель получает одновременно с машиной средства компьютерной телефонии, музыкальную станцию, таймер отключения (как в большинстве телевизоров), возможность выхода в срочный режим помощи и доступа в Internet, а также опции просмотра телевизионных программ».

Acer Aspire пытается облегчить работу пользователя с того момента, как он достает компьютер из коробки. Все кабели разного цвета, их легко соединить и не перепутать при этом. И, кроме этого, все программное обеспечение, которое поставляется вместе с компьютером, русифицировано. В комплект программного обеспечения входят и словарь, и энциклопедия «Династия Романовых», и обучающие игры.

И, разумеется, каким бы ни был компьютер, сегодня он не может считаться современным без осуществления возможности доступа в Internet. Все машины, представленные на рынке, имеют встроенные факс-модемы, иногда с голосовыми возможностями, и программное обеспечение для пользования Internet.

Одно из весьма многообещающих направлений сегодня – интеграция компьютера и бытовой электроники. В данный момент в Соединенных Штатах и в Европе предлагается комплект, который с помощью специальной программы позволяет управлять всеми домашними устройствами, включая освещение, видеомагнитофон, телевизор, кофеварку и микроволновую печь. Все это называется Home Director и подразумевает техническое оснащение дома.

Каковы же основные требования, предъявляемые к компьютеру, который работает в условиях классического офиса? Александр Канн считает, что главное – это значительно большая (по сравнению с домашним компьютером) мощность, возможность подключения к сети и дополнительная отказоустойчивость. Специалисты Compaq разработали систему контроля за работой сети, которая позволяет контролировать состояние любого узла и параметра компьютера, одновременно анализирует причины неполадок и подсказывает варианты решения проблем. Речь идет о серии Compaq DeskPro, разработанной специально для офиса.

Пользователи, которых специфика деятельности заставляет значительное время проводить в разъездах, безоговорочно предпочитают портативный компьютер, или ноутбук. Сверхлегкий ThinkPad фирмы IBM является одной из самых известных моделей ноутбуков и весьма популярной: журналом PC Magazine он был признан одним из лучших среди портативных компьютеров по итогам 1996 года. В последнее время появились новые аккумуляторные батареи, используя которые, ноутбук может непрерывно работать в течение 14 часов. А в условиях офиса,Compaq предлагает использовать свое новое достижение – Smart Station, которая имеет специальную нишу для установки ноутбука, сетевую карту, клавиатуру, мышь и монитор. По назначению ее можно отчасти сравнить с магнитофоном, который без кассеты остается лишь корпусом, начиненным транзисторами. В представительстве Compaq все региональные офисы оборудованы подобными Smart Station, которая без монитора стоит всего 200–250 долларов.

Что же касается взаимоотношений человека и компьютера, сегодня все чаще фирмы стремятся представить компьютер как обычное бытовое устройство-компаньон. В общем, по словам представителя фирмы Intel Александра Палладина, «компьютер для обычного человека становится более интересным, чем телевизор».

Бытовая техника: эпоха «умных» вещей

Ксения Рыбак

В самом начале реформ отечественный рынок захлестнула волна импортной аудио- и видеотехники. Каждый русский хотел приобрести превосходящий по всем параметрам отечественные образцы импортный радиоприемник, телевизор и стереосистему. Времена становления рынка прошли, а с ними изменились и пристрастия российских покупателей: вслед за аудиовидеосистемами российские дома заполняются импортной «белой» техникой — холодильниками, плитами, микроволновками и стиральными машинами. Эта тенденция продолжает развиваться, несмотря на то, что как отмечают маркетологи, торговать «белой» техникой сложнее. Большие размеры единицы товара увеличивают транспортные и складские расходы.

По сложности и «навороченности» технологий многие образцы «белой» техники не уступают телевизорам и магнитофонам: потребители уже привыкли к тому, что холодильники Electrolux звуковым сигналом предупреждают о незакрытой дверце, что новые пылесосы VAX должны не только собирать пыль и мыть полы, а еще ароматизировать помещение. Покупателей уже трудно удивить дополнительными приспособлениями, позволяющими выполнить нужную операцию одним движением пальца. Для их удобства современные микроволновые печи должны иметь разные режимы для мяса, рыбы и овощей, обязательно наличие гриля, который умеет готовить с хрустящей корочкой. А домохозяйки, наверное, не успокоятся, пока не будет создана стиральная машина, умеющая сама развесить белье на окончательную просушку.

Объемы продаж «белой» техники на отечественном рынке стремительно растут, достигая уровень продаж аудиовидеоаппаратуры. Маркетинговое агентство Mobile провело в последнем квартале прошлого года анализ работы 54 крупнейших московских магазинов, специализирующихся на торговле потребительской электротехникой. По его данным, из более чем 2000 проданных изделий бытовой техники основная часть пришлась на стиральные машины — чуть больше 30% – на полпроцента они обогнали

холодильники. С большим отрывом за ними следуют плиты — около 21%, микроволновки — 7,6% и пылесосы.

Безусловным лидером на рынке стиральных машин является концерн Merloni (торговые марки Indesit и Ariston). В конце прошлого года Indesit стал лидером по объемам продаж в России (около $ 130 млн в декабре). За ним следовали Bosch (около $ 105 млн) и Candy (около $ 85 млн).

Российские дома заполняются импортной «белой» техникой — холодильниками, плитами, микроволновками и стиральными машинами.

Технические новшества диктуют интерес потребителей к тем или иным маркам машин. В последнее время Bosch ввел в некоторые модели стиральных машин новшество, весьма привлекательное для потребителей. Специальный клапан, разработанный конструкторами корпорации, реагирует на изменение уровня воды в машине и предохраняет квартиру от затопления в случае какой-то неисправности.

Не отстает в этом плане и Merloni. По словам специалиста по бытовой технике Ariston Татьяны Проворовой, «специальные датчики, которыми снабжена машина, определяют жесткость воды, что дает возможность оптимально расходовать моющее средство. Благодаря использованию сенсоров машина определяет количество и степень загрязнения загруженного белья и в соответствии с этим выбирает оптимальную продолжительность стирки, а также проводит необходимое для полного удаления моющего средства количество полосканий».

На рынке бытовых плит также лидировал фаворит среднего класса — Indesit. Месячный объем продаж компании оценивался маркетологами Mobile примерно в $ 150 млн. Вслед шли Ariston (около $ 75 млн) и Bosch (меньше $ 50 млн).

Правда, новейшие технологии, которые с радостью воспринимаются покупателями на западных рынках, иногда не подходят к специфическим российским условиям. Например, специалисты и потребители неоднозначно оценивают систему воздушного обдува No Frost, которая предотвращает намерзание льда в морозильных камерах. Для ее использования необходимо хранить все продукты в герметичной оболочке, в противном случае они обезвоживаются буквально за сутки. Пока далеко не все продукты можно приобрести в такой упаковке.

Но это – временные трудности. Совершенствование технологий, в том числе и в области бытовой техники, все больше сближает реальность с тем, что еще недавно было лишь мечтой самого ленивого и капризного обывателя. Прогресс постепенно отстраняет человека от множества утомительных повседневных хлопот, с которыми без труда справляются умные машины.

Возвращение великого скитальца

Комету Хейла—Боппа, открытую всего два года тому назад, уже можно наблюдать в ночном небе. И надо сказать, она того заслуживает

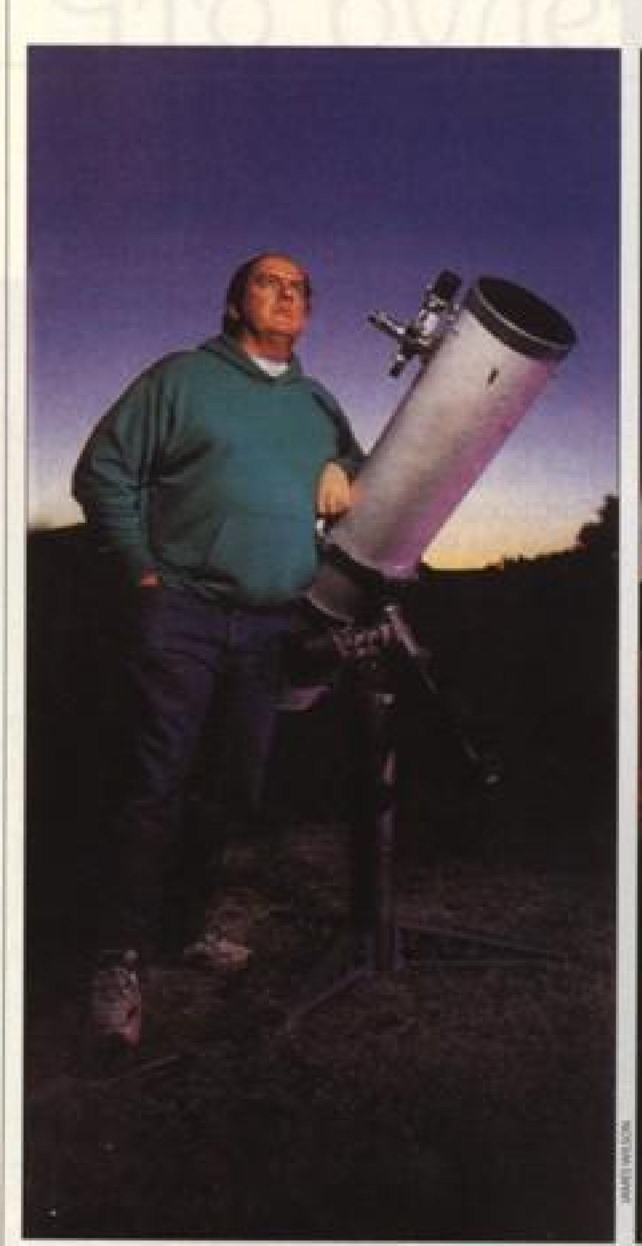
Дэвид А. Каплан
(Newsweek)

ЗВЕЗДНЫЙ ГОСТЬ

СУББОТНЕЙ НОЧЬЮ 22 ИЮЛЯ 1995 ГОДА СУДЬба улыбнулась Алену Хейлу и Тому Боппу. В ту ночь эти два человека с юго-запада США обрели бессмертие — их имена были увековечены в названии небесного тела. На дорожке перед собственным домом в Клаудкрофте в штате Нью-Мексико Хейл в который раз вглядывался в небо. Безработный ученый Хейл, 39 лет, уже давно мечтал обнаружить комету. «Это была чудная ночь. Млечный путь сиял над моей головой, — вспоминает Хейл. — Я навел телескоп на группу звезд вокруг созвездия Стрельца и тут вдруг случайно заметил небольшой туманный объект». Стрелец известен тем, что вокруг него группируется немало небесных тел, но этот «объект» был неизвестен. Для тех, кто хорошо знаком со звездным небом, не существует такого понятия — «неопознанный туманный объект». Хейл сверился с соответствующими звездными картами и не обнаружил на них никаких следов своего «объекта». Через час он снова замерил его положение и понял, что объект слегка сдвинулся относительно звезд. Это уже было очень похоже на настоящую комету. Тогда он бросился в дом, разбудил жену и 8-летнего сына Захарию и сообщил им о своем открытии. «Опять папа со своими дурацкими звездами», — пробурчал мальчик и снова заснул.

В девяноста милях от города Финикса Бопп с коллегами из астрономического клуба, как обычно, наблюдали за звездами. У 47-летнего Боппа, работающего в фирме, производящей бетон, не было собственного телескопа. Но ему нравился черный бархат звездного неба, и он часто приходил в пустыню полюбоваться звездами, даже после того, как далекие от науки местные жители однажды приняли его за койота и чуть не пристрелили. Приятель Боппа, Джим Стивенс, взял с собой свой телескоп. Они по очереди вглядывались в небо вблизи созвездия Стрельца. Стивенс направил телескоп на квадрат M70, но тут как раз подошла очередь Боппа. И в этот момент в квадрате M70 кое-что привлекло его внимание. Бопп увидел «слабое свечение». Оно оказалось той же самой кометой, которую наблюдал Хейл, находившейся за орбитой Юпитера в 577 миллионах миль от Земли. Так же как и Хейл, Бопп знал: чтобы закрепить за собой права первооткрывателя, об открытии следует сообщить в Центральное бюро астрономических телеграмм Гарвардской обсерватории в штате Массачусетс. Но он находился далеко от населенных мест, и его сотовый телефон не работал. Пришлось немедленно отправляться домой. По дороге, на стоянке грузовиков, он обратился в телеграфную компанию Вестерн Юнион с просьбой послать телеграмму, но

КОМЕТА ХЕЙЛА—БОППА В НОЧНОМ НЕБЕ НАД УГРЮМЫМИ СКАЛАМИ ПУСТЫНИ МОХАВЕ

НА ДОРОЖКЕ ПЕРЕД СВОИМ ДОМОМ **ХЕЙЛ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ АСТРОНОМ, ОБРЕЛ БЕССМЕРТИЕ**

АСТРОНОМ-ЛЮБИТЕЛЬ БОПП ЛЮБИЛ НАБЛЮДАТЬ ЗВЕЗДЫ В СПОКОЙНОМ НОЧНОМ НЕБЕ — И **БЫЛ ВОЗНАГРАЖДЕН**

клерк не смог найти адреса обсерватории. Только подъезжая к Финиксу, Бопп сумел отправить сообщение о своем открытии. На следующий день он получил телеграмму из обсерватории: «Примите наши поздравления. Вы открыли новую комету».

В этом году целый месяц кометой Хейла—Боппа смогут любоваться все желающие. Эффектная и величественная, загадочная и чудесная — такой она предстала перед жителями Северного полушария, которые получили возможность увидеть ее единственный раз в жизни. Для ученых это — манна небесная. Для романтиков — связь с прошлым, ведь в последний раз ее можно было наблюдать целых 4200 лет тому назад. Для людей суеверных — вестник Судного дня. Комету Хейла—Боппа уже можно наблюдать в предрассветные часы невооруженным глазом. Люди, страдающие бессонницей, и фанатики-астрономы любуются ей уже многие месяцы. Но в конце марта и в апреле комета, мчащаяся со скоростью 45 тысяч миль в час, будет видна на небе и в вечернее время.

Ее можно назвать «кометой на десерт» и заниматься наблюдениями как раз после ужина. Сразу после захода Солнца в северо-западной части неба теперь четко различимы не только хвост кометы, но и ее голова — для наблюдений даже необязательно иметь телескоп или бинокль и выезжать за город. К концу марта, когда она очутится в ближайшей к Земле точке своей орбиты — всего в 122 миллионах миль, комета будет находиться под углом 28 градусов к горизонту. Размером с крупную горошину, она в этот момент будет ярче любой звезды. «Замечательная комета, крупнее любого небесного тела, которое приближалось к Земле в этом веке», — говорит астроном Кэролин Шумейкер, которой удалось в своей жизни обнаружить 32 кометы — больше, чем кому бы то ни было.

В последнее время кометы нас часто разочаровывали. Напрасными оказались ожидания чудесного зрелища от прохождения кометы Когоутека в 1973 году — хвост у нее был довольно блеклый. А через 13 лет знаменитая комета Галлея хоть и появилась, но была практически не видна (в самый эффектный момент была заслонена Солнцем. — **«Итоги»**). Кометы по природе своей непредсказуемы. Ядро кометы представляет собой громадный ком замерзшей грязи. Предполагается, что их около 100 миллиардов, большинство из которых невелики, диаметром всего несколько миль. Они появились одновременно с Солнцем и планетами. Большей частью безымянные кометы носятся в пространстве где-то за орбитой Плутона. Но время от времени гравитационные возмущения при прохождении рядом с крупными небесными телами заставляют их менять орбиту, покидать царство холода и тьмы и совершать «круг почета» вокруг Солнца. Комета может обращаться по стационарной орбите или же, если скорость ее движения велика, она может вновь покинуть пределы Солнечной системы.

Подходя к Солнцу и нагреваясь, комета начинает «улыбаться». Некоторые составляющие ядра начинают испаряться и образуют гигантское газовое облако — голову кометы. Хвост кометы — это серебристый след, как бы «выхлоп», растянувшийся на миллионы миль. Именно он делает комету видимой со столь далекого расстояния. Размер кометы, ее составляющие, количество пыли, которое ее облепляет, ее температура — эти данные могут быть разнообразны, и именно от них зависит впечатление, которое комета произведет на наблюдателей. Пока что комета Хейла — Боппа не обманывает ожиданий и становится все ярче и ярче. Из того, что Хейл и Бопп заметили ее уже два года тому назад, можно сделать вывод, что она должна быть огромной, раза в четыре больше, чем комета Галлея. «Я уже долгое время изучаю кометы, — говорит профессор Калифорнийского технологического института Майк Браун, — но столь захватывающего зрелища еще не видел».

Для ученых не столь важна красота комет, сколько тот факт, что они могут дать ключ к ответу на вопрос о происхождении планет. Кометы можно считать блудными дочерьми Солнечной системы; они одного с ней возраста, то есть возникли примерно 4,2 миллиарда лет назад, но, «проживая» за ее пределами в царстве абсолютного холода, они очень мало изменились с момента создания. Проводя спектральные анализы, исследователи уже обнаружили в составе кометы Хейла—Боппа молекулы, которых не было на других кометах. Это может помочь объяснить происхождение воды в океанах Земли, а также органических соединений — не являются ли они следствием столкновения планеты с кометами. Астрономам не удастся рассмотреть гостью с помощью знаменитого телескопа Хаббл в момент ее наибольшего приближения к Солнцу, поскольку прямой солнечный свет может его повредить. Но в момент подхода кометы к Солнцу НАСА сможет исследовать эффект «солнечного ветра» с помощью своего спутника «Улисс», запущенного в 1990 году и находящегося на орбите, близкой к орбите кометы Хейла—Боппа.

В последнее время Интернет заполонен апокалиптическими предсказаниями и фантастическими историями о завоевании Земли пришельцами, предзнаменованием чего можно считать якобы появление кометы в конце тысячелетия. (Почему-то пришельцев всегда представляют злодеями. А ведь они могут оказаться вполне добродушными существами, готовыми даже сделать вклад в фонд чьей-нибудь избирательной кампании.) Участников ежегодной встречи Американской ассоциации содействия развитию науки, происходившей в феврале в Сиэтле, в аэропорту встречал лозунг: «Расскажите нам правду о комете Хейла—Боппа! К нам летят пришельцы!» А как пришельцы попадут на Землю? Ведь не верхом же на комете — это просто нелепо. Нет, по всем правилам науки они должны прилететь на светящемся космическом корабле, «напоминающем планету Сатурн», этакой тарелко-матке, пристроившейся в хвосте кометы Хейла—Боппа. Слухи об этом усилились в ноябре, когда один астроном-любитель из Хьюстона рассказал во время популярного радиошоу, что обладает фотографиями, на которых четко виден «сатурноподобный объект». Хейл в числе других специалистов начал было опровергать это сенсационное сообщение, за что его тут же обозвали «предателем Земли». Кончилась эта история тем, что «тарелка» оказалась звездой восьмой величины (для тех, кому это интересно: SAO 14894). Правда, это убедило далеко не всех.

Кометы всегда завораживали жителей Земли. Сообщения о кометах можно встретить в древних текстах. Эти небесные тела постоянно присутствуют в художественной литературе и в истории науки. Их воздействию приписывали землетрясения и наводнения. Это они виновны в убийстве Юлия Цезаря и в смерти Карла Великого.

В конечном счете притягательность комет связана с их способностью преодолевать границы времени. «Новейшие технологии сократили для нас временную перспективу, — считает Дэнни Хилис, специалист по высоким технологиям из компании Диснея. — Наши предки мыслили более длительными категориями. Они возводили соборы и были уверены, что ими будут восхищаться их внуки и правнуки». Кометы символизируют для нас связь времен — седой старины и далекого будущего. Комета лишь на миг врывается в нашу жизнь из тьмы космоса и улетает, чтобы появиться снова (да и то необязательно) уже при жизни следующих поколений. «Она напоминает нам о предках, которые сидели у костров под открытым небом, и оно казалось им близким, но загадочным, — говорит Пол Саффо, специалист по технологическим прогнозам из Института футурологии в Северной Калифорнии. — Древние страхи и предрассудки по-прежнему с нами. Когда мы смотрим в звездное ночное небо, тонкий защитный слой современной технологической культуры рассеивается, как дым, и мы вновь чувствуем себя жителями неолита».

Эта комета вернется лишь через 2400 лет. А когда вернется, то, возможно, по-прежнему будет называться именами Хейла и Боппа (если им повезет). На сегодняшний день Хейлу удалось заработать лишь 7 тысяч долларов (он читает лекции и написал книгу). Он, однако, не оставляет надежд изыскать еще средства — для создания научно-исследовательского института. А Бопп теперь безработный. «Конечно, я мог бы найти другую работу, — говорит он, — но главное то, что со мной случилось; такой шанс выпадает лишь раз за жизнь 10 тысяч поколений». Так что да здравствуют люди, которые первыми увидели новую комету. А комете, которая вернется к нашей планете не раньше 4397 года, мы можем сказать: «Здравствуй и прощай». ■

При участии **Грегори Билза**, Аризона и **Тары Уейнгартен**, Лос-Анджелес

В небе прямо над вами

До 20 марта комету Хейла—Боппа можно было увидеть, встав пораньше. Теперь желающим наблюдать «гостью» придется, наоборот, попозже ложиться спать

НАД ГОЛОВОЙ ВИЛЬГЕЛЬМА ЗАВОЕВАТЕЛЯ ПЫЛАЕТ КОМЕТА ГАЛЛЕЯ (ГОБЕЛЕН, 1066 ГОД)

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Археолог Генрих Шлиман, стоя посреди руин отрытой им Трои, почти воочию увидел рядом с собой героев гомеровского эпоса, павших на поле брани под стенами древнего города. Доменико Фонтана тоже почувствовал «дыхание» прошлого, освобождая от окаменевших лавы и пепла дома античной Помпеи. Всякий раз, когда археологи прикасаются к «преданьям старины глубокой», они словно ощущают дуновение ветра из далеких веков. Сегодня это ощущение может испытать не только археолог.

Десятки, сотни тысяч людей, затаив дыхание, следят по вечерам за «великим скитальцем» — кометой Хейла—Боппа вовсе не потому, что им интересна сама эта крохотная блестка, приколотая к бархату ночного неба. Но всего мгновение назад (по понятиям кометы) на нее были обращены глаза людей, бывших современниками постройки гробниц первых египетских фараонов более 4000 лет назад. Прошлое — совсем рядом. Чтобы убедиться в этом, взгляните на небо.

Осторожно: объект приближается!

Возможно, Землю придется от него защищать

Адам Роджерс
(Newsweek)

ОБОРОНА

ПЕРВЫМ ЕЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ЗАМЕТИТ КТО-ТО, о чьем существовании вы никогда и не подозревали. Потом какой-нибудь астроном-любитель телеграфирует в Гарвардский центр астрофизических исследований, что в штате Массачусетс, а там дежурный астрофизик зарегистрирует новую комету. После чего любители звездного неба со всего света будут ее изучать и обмениваться впечатлениями. Комета же, которую в последний раз можно было наблюдать невооруженным глазом тогда, когда на Земле еще не появились млекопитающие, может оказаться размером примерно с комету Хейла–Боппа — 25 миль в диаметре (примерно 40 километров. — **«Итоги»**) и находиться на расстоянии 200 миллионов миль от Земли. И она будет лететь как раз в сторону нашей планеты со скоростью 140 тысяч миль в час, что оставит нам целых шесть месяцев до того момента, как ужасный удар превратит нашу цивилизацию в кучу пепла и осколков.

Подобное уже случалось прежде; в один прекрасный момент может случиться снова. 65 миллионов лет тому назад большой метеорит диаметром пять миль упал на полуостров Юкатан и уничтожил динозавров. В 1908 году «небесный камень» диаметром 200 футов (примерно 60 метров. — **«Итоги»**) упал в районе реки Тунгуска, что в Сибири, и уничтожил тысячи квадратных миль прилегающего к месту падения леса. Метеорит диаметром всего в полмили может взметнуть столько осколков в атмосферу, что наша планета погрузится в многолетние сумерки. Этакие ужасы случаются примерно раз в 100 тысяч лет, но вообще это может произойти в любой момент.

Может ли наша планета защитить себя? Жители Земли уже сделали первый шаг в этом направлении, создав пока еще примитивную систему раннего оповещения. Из примерно двух тысяч околоземных небесных тел диаметром более полумили ученые детально описали траектории около 300. В США действуют две программы наблюдения за астероидами: Спейсуотч (Spacewatch) в Аризоне и Программа слежения за околоземными астероидами (Near-Earth Asteroid Tracking, NEAT) на острове Мауи (Гавайи). «За месяц они исследуют примерно 10 процентов неба, — утверждает Дэвид Моррисон из исследовательского центра НАСА. — При существующей системе слежения вы, пожалуй, сами быстрее узнаете о столкновении метеорита с Землей... в тот момент, когда почувствуете толчок и увидите зарево над горизонтом».

В 1991 году Моррисон возглавлял направление защитного наблюдения за космосом — исследований, проводившихся НАСА по поручению Конгресса США, для успеха которых требовалось по три мощных телескопа в каждом полушарии и бюджет в 10 миллионов долларов в год (в 10 раз больше нынешнего). Эта программа тогда не была должным образом профинансирована, но телескопы в Китае и Италии уже подготовлены, и при необходимости начатые работы можно было бы возобновить.

Система наблюдения необходима, но вряд ли достаточна. Ученые считают, что даже при довольно позднем оповещении можно было бы и «отбиться» от незваного небесного гостя. «Если знать, что на нас летит нечто диаметром в пару километров и иметь год в запасе, то можно кое-что предпринять, — утверждает Грег Канаван, эксперт из отдела перехвата околоземных объектов Национальной лаборатории в Лос-Аламосе, — однако практически все возможные способы, что приходят в голову, предполагают задействование ядерного оружия».

Разработчики не хотели бы дожидаться сигнала тревоги, они мечтают опробовать свои схемы на практике (см. рисунок). Все это напоминает программу «звездных войн» Рональда Рейгана. По одному сценарию ракета, начиненная 10 тоннами свинца, сбивает астероид с курса или же серия реактивных снарядов дробит его на более мелкие части. Хитрость в том, чтобы осколки получились не более 65 футов в диаметре, иначе каждый из них сможет уничтожить по городу. Другой, более предпочтительный план предполагает устройство ядерного взрыва вблизи объекта. Своевременно устроенный взрыв оставит достаточно времени, чтобы изменить направление движения осколков.

Если время позволит, то защитники планеты смогут придумать и что-нибудь поизящнее. Программа космической защиты, организованная во всемирном масштабе, позволит заметить объект достаточно рано, для того чтобы иметь уйму времени на организацию «перехвата». «А если времени достаточно, то вовсе не обязательно, чтобы «ответный удар» был таким мощным», — считает Канаван.

В этом случае избранный метод воздействия будет зависеть от конкретного размера, строения объекта и от его удаленности от Земли. Возможно, будут применены и более экзотические технологии, такие как лазерный удар или солнечный парус (устройство, которое якобы сможет использовать давление «солнечного ветра» — направленного от Солнца фотонного потока. — **«Итоги»**).

Прошло уже более десяти лет, как ядерные стратеги из США и России пытаются договориться о совместных действиях против космических «врагов». ООН финансирует соответствующие конференции. «В годы холодной войны я все время надеялся, что нас когда-нибудь сможет сплотить борьба против общего космического врага», — говорит Томас Герелз, работающий в программе Спейсуотч.

Но сегодня на пути к объединению осталось куда меньше препятствий. Грег Канаван считает, что главная трудность, которую предстоит преодолеть в этом направлении, — это «заставить всех серьезно отнестись к этой проблеме». Надо внимательней поглядывать на небо: оттуда могут свалиться неприятности. ■

Ни бессмысленного, ни беспощадного

Рабочее движение: сначала коматозное состояние, потом смерть

Галина Ковальская

КЛАССОВАЯ БОРЬБА

ОБ АКЦИИ 27 МАРТА МНОГО РАЗГОВОРОВ, НО по существу никто от нее ничего особенного не ждет. Такие мероприятия как-то очень быстро превратились в рутинные: два раза в году, один день весной и один осенью, трудящиеся под руководством «официальных» ФНПРовских профсоюзов организованно высказывают президенту и правительству свое неудовольствие. В отличие от отраслевых или региональных забастовок, тоже имеющих ярко выраженный сезонный характер, но неизменно приуроченных к обсуждению или утверждению бюджета, подобные действа не направлены на решение конкретной задачи. Они просто дают возможность ФНПР показать всем, что эта организация вовсе не умерла, как об этом неустанно твердят ее оппоненты. Оппозиция (прежде всего коммунисты) использует такие «дни протеста» для проталкивания любимой идеи «правительства народного доверия», то есть для выторговывания правительственных постов. Рядовым гражданам приятно хоть раз-два в году крикнуть в лицо властям, как они им противны. Власти же до недавнего времени относились к подобным хеппенингам без опасений.

Борис Мисник, недавний председатель Горно-металлургического профсоюза, а ныне депутат Госдумы от «Яблока», один из самых авторитетных людей в профдвижении, говорит, что предстоящие 27-го демонстрации будут «чем-то вроде советских первомайских». «Облсовпроф спустит разнарядку: от такого-то предприятия — столько-то, от такого — столько, учителей — по пять от каждой школы. Дальше профорги раздадут персональные поручения. Кто-то скажет: не могу, зубы болят. Кому-то отпереться не удастся. А кто-то и с удовольствием выйдет: все-таки разнообразие». Загодя организованный протест выглядит более впечатляющим, чем стихийный. Тот же Мисник рассказывал, как трудно проводить пикет с неопытными людьми: они не знают, что надо тепло одеться и запастись прочной удобной обувью, не понимают, что плакат следует хорошенько прикрепить к доске, дабы его не сорвал первый же порыв ветра, не знают, каким должен быть лозунг, чтобы хорошо читался в телекадре, и т.п.

Традиция сезонных выпусков пара существует во многих странах. Например, в Японии к очередному «весеннему наступлению трудящихся» парламент и правительство по согласованию с профсоюзными лидерами старались приберечь какое-нибудь особенно назревшее социальное решение вроде повышения минимальной зарплаты. В такой ситуации «наступление» становится частью негласного общественного договора: наемные работники напоминают о своей готовности отстаивать свои права, собственники и правительство получают возможность выпустить наружу накопившееся недовольство рабочих.

У нас первые акции работали примерно так же. Однако год от года они перестают выполнять функцию. А единственно возможная реакция властей — перехват лозунгов. На сей раз Ельцин в президентском обращении успел произнести практически все, что скажут на митингах 27-го. О недопустимости задержек зарплаты, о том, что за это кто-то должен ответить, что необходимо принять строжайшие меры по наведению элементарного порядка... А что еще он мог сказать?

За что боремся?

Особенность нынешней акции в ее заведомой безрезультативности. Что, в самом деле, считать победой? Полное и немедленное погаше-

ние задолженности по зарплате? Так правительство с декабря обещает, что к началу июня она будет погашена. Как обещало, так и будет обещать. (В прошлом году Ельцин в феврале обещал погасить ее к 20 марта, а к какой дате обещали погасить в 95-м, признаться, уже забылось.) Может быть, победа — отставка правительства? Но правительство фактически было переформировано меньше чем за две недели до акции, причем под разговоры о «новых задачах», «социальной направленности» и проч. Ни в какую «социальную направленность» никто, разумеется, не верит, но иллюзий насчет того, что при новом кабинете появятся порядок и зарплата, тоже не осталось.

Получается, что единственным мерилом успеха мероприятия является его многочисленность. Но проверить количество участников невозможно: формы участия в акции оставлены на усмотрение трудовых коллективов. Можно провести собрания по месту работы, можно объявить забастовку, можно выставить пикет или поучаствовать в митинге на городской площади. Причем поначалу, когда только назначают «день протеста», всегда заявляют о всеобщей однодневной забастовке, которая может даже перерасти в бессрочную. А чем дальше, тем больший упор делается на разнообразие форм, и ближе к делу обычно оказывается, что количество бастующих ненамного превышает среднесуточную норму. В промышленности все и на этот раз так же. Не будут работать 27-го в основном те шахты и заводы, которые и так стоят — бастуют или простаивают. Исключение составят несколько дальневосточных и северных заводов, да и там работающие цехи вряд ли остановятся, скорее затормозят отгрузку продукции.

Социологические мониторинги, да и личные впечатления свидетельствуют: за последние два года рабочим все меньше хочется бастовать. Отчасти потому, что они дорожат своим разваливающимся предприятием и боятся нанести ему ущерб. Главное же, что отвращает людей от забастовок, — их малая эффективность. Профсоюзные лидеры часто возмущаются, что «купленные средства массовой информации замалчивают забастовки крупнейших предприятий». Уж там купленные ли, не купленные, но, коль скоро можно «замолчать» стачку на крупнейшем предприятии, значит, от нее никому, кроме самого предприятия, ни ущерба, ни убытка. Власти если и реагируют, то не на социально-экономические последствия забастовок — их нет, а на шум вокруг них. Так не лучше ли пошуметь, не прекращая работы? К тому же от того, что очередной вице-премьер очередной раз посулит погасить задолженность и побожится, что деньги уже перечислены и вот только «не дошли» (не пешком ли они идут?), тоже мало что изменится. Бросят очередной аванс или зарплату за прошлый месяц и снова станут кормить обещаниями, что за минувшие три месяца рассчитаются не позже лета.

В этом году в «день протеста» обещают прекратить работу медики и учителя. «В двадцати семи регионах медицинские работники поведут стачку», — обещает председатель соответствующего профсоюза. Правда, он тут же оговаривается, что врачи и сестры прекратят только те виды работы, которые «можно приостановить, не нанося серьезного ущерба здоровью людей». Кажется, общество стало привыкать к тому, к чему, казалось, привыкнуть никак нельзя: к стачкам учителей и врачей. Во всяком случае, в ответ на их действия никто не взрывается забастовками солидарности с требованием первоочередного, немедленного, сиюминутного погашения задолженности по зарплате этим категориям работающих. Наша молоденькая читательница из Дятьково (райцентр Брянской области) с горечью рассказывает, что за минувшие полгода два ее младших брата считанные дни посещали школу: учителя все время бастуют. Поведение учителей ее возмущает: «Можно подумать, что другим платят! Не все же должны бастовать». Однако в целом, по ее свидетельству, люди хоть и ворчат, но «уже притерпелись». Так что даже это не нарушит рутинного характера мероприятия 27 марта.

Профсоюзы свободные и всякие

Прошлые годы руководители ФНПР старательно подчеркивали неполитический характер таких акций. Потом конкуренты, неофициальные профсоюзы, их злорадно уличали: «Какого цвета знамена преобладали на ваших митингах? Разве профсоюзные — синие? Ничего подобного: красные, коммунистические!» Теперь уличать будет некому и не в чем. Не в чем, потому что КПРФ заявила о своем соучастии в акции, и ФНПРовцы не решились от нее отмежеваться. Некому, потому что обе конфедерации свободных профсоюзов: Конфедерация труда России (КТР, куда входят профсоюзы моряков, авиадиспетчеров, летчиков, железнодорожников и несколько региональных объединений) и Всероссийская конфедерация труда (ВКТ, состоящая из Независимого профсоюза горняков, Соцпрофа и других региональных профобъединений) заявили о своей безусловной поддержке акции.

С момента своего возникновения свободные профсоюзы старательно отмежевывались от ФНПР. Стояли на том, что они только и есть настоящие профсоюзы, потому что заняты единственно возможным профсоюзным делом — защитой трудящихся от работодателей. Очень убедительно объяснял Сергей Храмов, лидер Соцпрофа, что не правительство подписывает коллективный договор, а директор или собственник, с них и надо спрашивать. ФНПРовские профсоюзы называли «директорскими» (в них в самом деле до сих пор состоят все работающие в отрасли, от уборщицы до министра, и очевидно, что на профсоюзном собрании голос директора предприятия звучит убедительнее, чем уборщицы). Все казалось логично: ФНПР защищает не интересы рабочих, а интересы «красных директоров» и потому направляет негодование рабочих не против действительных виновников — вороватых начальников, а против правительства.

С 92-го и вплоть до 97-го свободные профсоюзы, чем дальше, тем с большим трудом и оговорками пытались играть по собственно профсоюзным правилам. Лидеры ФНПР не упускали случая обвинить их за это в пособничестве правительству и «антинародным» реформам. Обвинения были не то чтобы совсем безосновательны. Идеология «спроси с работодателя» в самом деле работала на смягчение антиреформаторского протеста. Да и не могли НПГ или Соцпроф вести себя иначе: они возникли в перестроечные годы на волне демократизации и антикоммунизма, их лидеры как азбуку усваивали и, усвоив, проповедовали, что настоящие профсоюзы невозможны без рынка и демократии, а демократический капитализм невозможен без независимых профсоюзов. Да, они поддерживали Ельцина и правительство, называвшее себя правительством реформ. Пока могли.

Председатель КТР, бывший моряк, Виктор Некрасов говорит раздраженно и горько: «Что

РИТУАЛЬНОЕ НЕДОВОЛЬСТВО
В СТРОГО ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДНИ

Скамья запасных

Юрий Миловидов:
«Для настоящих профсоюзов время еще не пришло»

Галина Нейфельд

ПРЕДСТАТЕЛИ

— ВЦСПС была частью тоталитарного государства, никогда не выполняла собственно профсоюзных функций. Казалось бы, как только членство в советских профсоюзах перестало быть принудительным, они должны были рухнуть. Между тем Федерация независимых профсоюзов России (ФНПР) — прямая наследница ВЦСПС — не только выжила, но и продолжает оставаться «самой массовой общественной организацией»: проводит громкие съезды, поднимает рабочих на забастовки. Значит, профсоюзы все-таки сумели в новых условиях взять на себя какие-то общественно необходимые функции?

— ФНПР, являясь ведущим профцентром страны, держится отчасти на общественной инерции, но в основном — на владении огромным профсоюзным имуществом, которое она унаследовала от ВЦСПС. Что значит «инерция» — понятно. Многие ли из нас помнят, как оказались в профсоюзах СССР, а потом после распада Союза и ВЦСПС вдруг стали членами того или иного вновь образованного, подчеркиваю — вновь образованного российского отраслевого профсоюза. Показательной в этом отношении стала встреча В.С.Черномырдина с рабочими одной из московских строек, когда на вопрос премьера «А есть ли у вас профсоюз?» строители хором ответили, что, наверное, нет.

Если бы массовость ФНПР была не номинальной, если бы более 40 миллионов россиян в самом деле считали ее «своей» организацией, разве она провалилась бы на парламентских выборах в 95-м? Казалось бы, Третий съезд ФНПР должен был бы заняться осмыслением причин ее поражения. Ничего похожего! На съезде даже попыток не было что-то спросить с профсоюзного начальства, в чем-то разобраться. Да, собственно, и спрашивать некому: на этих съездах давно более или менее устоявшийся контингент, как раз начальство. Так что все свелось к отчаянным возгласам с трибуны о голодающем и бедствующем народе.

Большинство граждан борется за выживание в одиночку, мы стоим всего лишь на пороге становления и развития гражданского общества. В этой связи мне представляется, что работоспособных рыночных профсоюзов в России пока нет. Для них еще не сформирован рынок рабочей силы, рынок труда. А вот профсоюзные работники есть, их много, они достались нам в наследство от советских профсоюзов.

Занимая далеко не последнее место в социальной иерархии, профсоюзные работники довольно ловко эксплуатируют, если можно так выразиться, пассивность членов профсоюзов, жонглируют их интересами. При этом, с одной стороны, профдеятели занимаются собственным обогащением (с непрофсоюзной точки зрения это процесс положительный, с человеческой — понятный), с другой — проводят политику умиротворения граждан (с непрофсоюзной точки зрения это процесс положительный, с человеческой — непонятный).

— Почему не формируются (на основе ФНПР или параллельно) реальные эффективные профсоюзы?

— Видимо, время еще не пришло.

— Как не пришло? Именно в сегодняшней России, как нигде, попираются самые элементарные права наемных работников, начиная с права на оплату труда согласно трудовому соглашению.

— Наступление на трудовые права пока не сопровождается интенсификацией труда или, выражаясь марксистским языком, эксплуатацией. Сейчас между работниками и работодателями действует негласный договор: работники могут заниматься в рабочее время чем угодно, в том числе и зарабатывать себе на жизнь, но зато не рассчитывают, что им вовремя выдадут приличное жалование. Оно и понятно: при нынешней экономике производство не приносит прибыли. Как только производство заработает по-настоящему, рабочие столкнутся с потогонной системой «дикого капитализма», и вот тогда-то им понадобятся профсоюзы.

— Расскажите теперь про вторую «точку опоры» ФНПР — про имущество.

— Главным источником жизнедеятельности любого нормального профсоюза или профобъединения должны быть членские взносы. Однако причитающаяся сумма членских взносов в казну Федерации не поступает. Поэтому ФНПР существует во многом благодаря своему недвижимому имуществу. В нем — сила, но и слабость ФНПР. По мнению некоторых экспертов, ФНПР является вторым после государства собственником недвижимого имущества в стране. После распада СССР Всеобщая конфедерация профсоюзов (ВКП) — правопреемница ВЦСПС (ВКП формально объединяет профсоюзы стран СНГ и в документах III съезда ФНПР даже не упоминается) передала Федерации в собственность 690 туристическо-экскурсионных объектов, среди которых туристическое гостиничное объединение «Измайлово» (кстати, крупнейшее в Европе), туристические гостиничные комплексы Центральный Дом туриста и «Салют», туристическая гостиница «Дружба» и др. Было также передано 813 санаторно-курортных учреждений (уникальных по своим лечебным возможностям и не имеющих аналогов в мире), 277 объектов административно-хозяйственного и социального назначения, в числе которых административные здания и гаражи. Федерация получила 657 объектов физкультурно-спортивных учреждений, 113 объектов учебного и культурно-просветительского назначения и многое другое.

Однако имущества с каждым годом становится все меньше: оно проедается или отчуждается — не в интересах миллионов членов профсоюзов. Не только рядовые члены профсоюзов — профкомы предприятий, профорганы среднего звена, центральные комитеты профсоюзов и даже ревизионная комиссия ФНПР практически не могут контролировать ни использование профсоюзного имущества, ни процесс его отчуждения. Бесконтрольное владение профсоюзным имуществом позволяет ограниченному кругу профбоссов с размахом жить и безответственно финансировать непродуманные мероприятия. Я имею в виду прежде всего миллиарды рублей, выброшенные на ветер в ходе все той же, заведомо провальной для профсоюзов избирательной кампании по выборам Государственной думы РФ 1995 года.

Руководство ФНПР старается не афишировать свою собственность, практику ее использования. На мой взгляд, это ошибочная тактика. До тех пор, пока широкие массы будут отчуждены от своего общественного имущества, будет существовать реальная угроза его полной утраты. К тому же, если в правительстве или администрации президента кому-то захочется это имущество отнять (помните, как у КПСС), то профсоюзные массы никакого протеста не выразят, они и не заметят, что чего-то лишились. Именно потому, что они это имущество «своим» не ощущают, да просто и не знают о его существовании.

Слабость ФНПР заключается в ее невыгодных имущественных взаимоотношениях с ВКП. Во-первых, ВКП с какой-то стати присвоила себе на территории России ряд уникальных профсоюзных объектов: фешенебельный пансионат «Пестово», отель «Лагуна», магазин деликатесов, редчайший по своей материальной базе Институт повышения квалификации профсоюзных кадров в подмосковном поселке Салтыковка и др. Во-вторых, она позволяет себе отчуждать эти объекты и попросту продавать их без ведома самой крупной своей членской организации — ФНПР. В-третьих, бремя размещения штаб-квартиры ВКП в Москве лежит на плечах все той же ФНПР.

Ущербный характер взаимоотношений между ФНПР и ВКП ярко проявился в скандале, связанном с продажей за бесценок руководством ВКП коммерческому банку «Столичный» Института повышения квалификации профсоюзных кадров (ИПКПК). Несмотря на то, что этот скандал вызвал возмущение десятков тысяч граждан и профсоюзных организаций разного уровня, ФНПР так и не смогла призвать к ответу и ответственности зарвавшееся руководство ВКП.

Это не помешало председателю ВКП господину Щербакову сидеть в президиуме съезда, а в своем выступлении, естественно, ратовать за интересы нищенствующего народа. И делегаты ему аплодировали.

И еще один аспект этой проблемы. Если в структуре доходов того или иного профоргана взносы составляют менее 50 процентов, то это уже не профсоюзный орган, а нечто другое в зависимости от основного источника дохода.

Ю.Н.Миловидов, *директор Центра по изучению рабочего и профсоюзного движения Академии труда и социальных отношений, кандидат исторических наук*

ОБЩЕСТВО

остается от рабочего движения и профсоюзов? Профсоюз должен бороться за повышение нищенских зарплат, да? А мы клянчим то, что уже заработано! И какой смысл теперь рассуждать о различиях между нами и ФНПР, когда все мы заняты в общем-то рэкетирской работой: выбиваем долги. Но не так эффективно, как настоящие рэкетиры».

Главная профсоюзная работа — борьба за улучшение коллективного договора. На этой площадке новые профсоюзы начали было понемножку оттеснять своих оппонентов из ФНПР: даже когда в их рядах состояло меньшинство работников, они зачастую предлагали и проталкивали лучший вариант договора. Поднимали свой авторитет. Неплатежи все перечеркнули. Кто станет вникать в условия колдоговора, когда он все равно не выполняется? Господи, да заплатили бы хоть за декабрь, как соседям, и можно было бы жить!

Без инфляции и без зарплаты

Задержки зарплаты то в одной отрасли, то в другой происходили начиная с 92-го постоянно. Особенно у шахтеров и в оборонке. Поначалу казалось, что это временное недоразумение. Пока такая страшная инфляция в стране, даже небольшая задержка и «прокрутка» крупной суммы дает огромную прибыль. Вот и крутят недобросовестные банки, а то и хапуги-директора рабочую зарплату. Лидеры НПГ и их единомышленники потратили массу сил, чтобы протолкнуть закон об уголовной ответственности за невыполнение коллективного договора, в первую очередь, конечно, имея в виду задержки зарплат. Тогда, весной 1994-го, торжествовали: все, теперь будем судиться. Одного-двух засудят, сразу деньги на зарплату найдутся.

Не тут-то было. Во-первых, в средних и малых городах, не говоря уже о райцентрах, суды, давно уже работающие в неполном составе, и судьи, тоже не получающие жалованье месяца по три, просто не справляются с потоком исков. По полгода, а то и больше может ждать своей очереди заявление по поводу задержки зарплаты. Во-вторых, когда процесс уже выигран, приговор вынесен и предприятие обязано выплатить зарплату за все время, да еще с инфляционными надбавками, обнаруживается, естественно, что денег на счету у предприятия нет. «Чего судиться? — недоумевает директор. — Были бы деньги, так неужели б я не заплатил?»

В Туле шахтеры из НПГ подали в суд на директора «Тулауголь». Тот, чтобы расплатиться, подал иск основному должнику, энергетикам. Конечно, выиграл. Что дальше? У тульских энергетиков на счету денег нет, снять неоткуда. Директор вроде ни в чем не виноват: сделал то, что требуется. Шахтеры как сидели без зарплаты, так и сидят. Умные мужики из НПГ тогда же предлагали: пусть, если РАО ЕЭС банкрот, расплачивается своими акциями. Его акции очень неплохо котируются. Но для этого нужно правительственное решение, а правительство вот уже два года как не может на такое осмелиться. Выходит, все-таки надо идти за зарплатой к Белому дому?

После того как инфляцию победили, коммунистов на президентских выборах тоже, а задержки зарплаты приобрели всеобщий характер, рабочие, члены «официальных» и «неофициальных» профсоюзов, уверились, что корень зла все-таки в правительстве. «Рыба гниет с головы». Один из самых «прореформаторских» лидеров НПГ признавался, что «сегодня в шахтерской среде нельзя даже промолчать, когда ругают правительство. А уж заступиться вслух — все равно что громко воздух испортить. По правде говоря, и заступаться не хочется». Слишком долго НПГ и прочие «профсоюзные демократы» соглашались с правительством, что оно ответственно только за бюджетную часть задолженности, которая будто бы совсем невелика. Теперь говорят иначе: «Кто отвечает за то, что в стране обстановка всеобщих неплатежей? Кто виноват, что судьи голодные и не могут завершить дело в срок? С кого спросить, если не выполняются уже принятые судебные решения? С кого — за бардак в России?» К тому же учительские и медицинские неплатежи ведь не спишешь на смежников. Бесплодность и «непрофсоюзность» акций вроде той, что предстоит 27-го, прекрасно понимают и председатель КТР Виктор Некрасов, и глава ВКТ Александр Сергеев, и все лидеры свободных профсоюзов. Но не поддержать сегодня акцию — значит снова выглядеть «проправительственными».

Ситуация смотрится зловеще. С одной стороны, огромный потенциал недовольства, с другой — кризис рабочего и профсоюзного движения. Всякие организованные легитимные формы протеста не то чтобы невозможны, а как бы вписаны в ту самую систему, против которой и направлен протест. У рабочих не может быть сомнений в законности и справедливости собственных требований: в стране ведь до сих пор не нашлось такого злодея, который сказал бы, что зарплату можно задерживать или не платить вовсе. Забастовки не помогают, судебные иски бессмысленны, митинги, пикеты и демонстративные мероприятия вроде нынешнего мартовского тоже не дают ощутимого результата. Распространяются индивидуальные меры: голодовки, сухие голодовки, смертные голодовки. Но и к этому потихоньку привыкают, и требуется все больший уровень саморазрушения, чтобы возник резонанс: вопль ужаса в СМИ — реакция правительства — погашение долгов. Кажется, в последний раз это произошло, когда голодали чернобыльские ликвидаторы.

Самые подходящие условия для взрыва. Того самого «бессмысленного и беспощадного», которым наперебой пугают вот уже пять лет и коммунисты, и генерал Лебедь, и профлидеры всех мастей. Судя по тому, что в преддверии нынешней мартовской акции Совбез и ФСБ стали проявлять несвойственную им ранее активность, в верхах тоже вняли этой убедительной логике: пора бы уж народу и взбунтоваться. Но социологи дружно свидетельствуют: пока не видно даже отдаленных признаков. Наверное, даже бунту нужна цель: заменить неправильного плохого царя на правильного и хорошего, отнять все у богатых и отдать бедным — что-то в этом роде. Нынешнее недовольство пока не выливается в программу. Люди не готовятся восстать, они просто ждут. Если поговорить с работягами, или инженерами, или учителями — в консервативном ли Брянске или прогрессивном Ярославле, — убеждаешься, что ожидают в принципе одного: этот бардак каким-то образом кончится и все пойдет по-старому: без КПСС, но с теми же заводами и той же работой, за которую 5-го и 20-го будут в кассе выдавать получку. Чудесное превращение бардака в порядок должно произойти каким-то мистическим образом, само по себе («Не может же такое безобразие продолжаться вечно!»), без активного собственного участия («А что мы, простые люди, можем?») и тем более без государственного вмешательства («Им разве можно верить?»). Борис Мисник, когда я поделилась с ним этими наблюдениями, подхватил: «Похоже, президент и премьер тоже в глубине души ожидают, что все каким-то образом рассосется».

Лидеры — тоже часть своего народа. ■

Свобода печати возврату подлежит

Региональные власти приобретают лояльность за умеренную плату

Маша Гессен

КНУТ И ПРЯНИК

ЕСЛИ, ПРЕДПОЛОЖИМ, ВЫ — ВЛАСТЬ, ТО ВАМ, наверное, надоели средства массовой информации. То переврут, то оскорбят, то, того хуже, не вовремя что-то нароют. Много ли есть способов бороться со зловредными СМИ и их опасной свободой? Да столько же, сколько есть поводов для обиды.

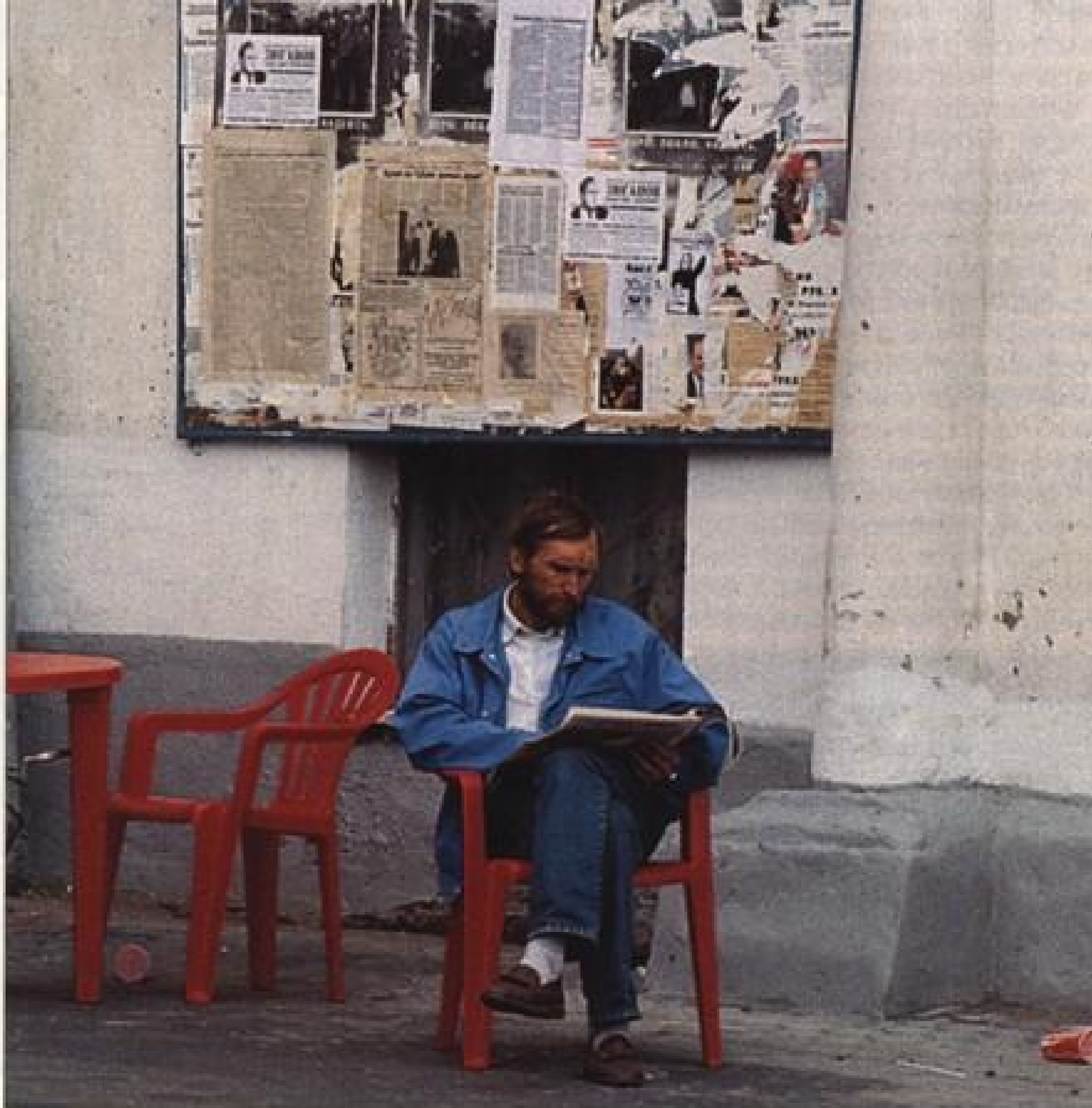
Наиболее популярный способ — лишать журналистов аккредитации — плох тем, что сами власти и оказываются жертвой информационной блокады.

Вообще отказ давать информацию чреват неприятными последствиями для власти. После того как больше года назад газета «Деловой Петербург» впервые опубликовала обвинения в махинациях с недвижимостью в адрес тогда еще мэра Санкт-Петербурга Анатолия Собчака, тот ответил следующим образом: «А вашей лживой газете я никаких интервью давать не буду!» По свидетельствам питерских журналистов, Собчак вообще обижался на прессу часто и легко. Теперь, когда ему уже не в чем отказать журналистам, Собчак вынужден с ними судиться как частное лицо.

Не обязательно дожидаться поражения на выборах, прежде чем обращаться в суд. Власть исполнительная и власть судебная способны составить весьма действенный тандем против четвертой власти. Приморский губернатор Наздратенко — возможно, ведущий российский специалист по борьбе со СМИ — добился успеха и на этом поприще. У частного краевого еженедельника «Арсеньевские вести» (издание называется так, потому что из всех приморских населенных пунктов зарегистрировать либеральную частную газету удалось только в городе Арсеньеве) только судебных долгов краевой администрации набежало на 34 миллиона. За публикацию справки движения «Демократический выбор России» о положении с правами человека в Приморье еженедельнику приказано заплатить администрации 20 миллионов рублей. Суд выслушал иск и принял решение в отсутствие представителей «Арсеньевских вестей».

Губернатор Наздратенко подал в суд на «Арсеньевские вести» тоже, судя по всему, только потому, что не нашел другого способа бороться с изданием. А вот краевую газету «Утро России» просто заставили покинуть занимаемое помещение. Это еще один способ, чрезвычайно в регионах популярный. Когда издание становится неугодным, власти часто вспоминают, что помещение, в котором оно располагается, принадлежит, например, администрации области или города. Да и не только помещение. В подмосковном городе Долгопрудном, например, власти считают, что им принадлежит все. Поэтому требуют от местного телевидения плату за работу съемочных групп на улицах города.

Еще властям могут принадлежать типографии. А там, где есть частные типографии, администрация может заставить их отказаться печатать некоторые издания. Оппозиционные издания Калмыкии, например, вынуждены печататься за пределами республики. Некоторые санкт-петербургские издатели давно пришли к выводу, что им дешевле и спокойнее печататься в Финляндии. В том же Приморье как государственная, так и частные типографии отказывались печатать старейшую газету края «Красное знамя», газету «Утро России» и еженедельник «Арсеньевские вести». Газета «Утро России» была вынуждена прекратить публикацию на два месяца. «Арсеньевские вести» нашли типографию в Хабаровском крае. «Красное знамя» перешла на еженедельный двухполосный режим. «Но, черт возьми, печатались, — восклицает главный редактор газеты Владимир Шкрабов, — говорили о действительном положении вещей, прямо указывали, кто в чем повинен!» Более того, сотрудникам «Красного знамени» удалось создать собственное полиграфическое предприятие, закупить новейшее типографское

оборудование, на котором с июня прошлого года печатаются десять газет, включая «Красное знамя» и «Арсеньевские вести».

Выходит, что излишнее давление на прессу может вылиться в излишнюю ее самостоятельность. Мудрый губернатор выбирает тактику не кнута, но пряника. Ведь если СМИ нельзя задавить, их чаще всего можно приручить.

Псковский пряник

Когда в ноябре прошлого года к власти в Псковской области пришел губернатор от ЛДПР, он не стал торопиться менять состав администрации. Подавляющее большинство соратников прежнего губернатора остались на своих местах. Единственное, чем новая администрация во главе с Евгением Михайловым сразу энергично занялась, это работой со СМИ. Вместо прежнего управления по печати и массовой информации, ведавшего в основном за-

купкой бумаги для районных газет, появились две новые структуры: пресс-центр администрации и комитет по средствам массовой информации и связям с общественностью. Обе возглавили энергичные молодые люди из Москвы, которых можно застать на рабочем месте до позднего вечера семь дней в неделю.

Между собой местные журналисты сразу прозвали новый комитет «министерством пропаганды». Согласно положению об этом комитете, его основной задачей является «развитие средств массовой информации Псковской области», а первым пунктом в разделе «Функции» числится «организация систематического анализа и контроля деятельности средств массовой информации области».

Областное СМИ здесь одно: «Псковская правда», ежедневная газета, которая к моменту прихода новых властей пребывала в плачевном состоянии. Тираж этой газеты, рассчитанной на миллионную область, упал до 10 тысяч. Зарплата корреспондента равнялась примерно 700 тысячам, руководителя — полутора миллионам. Рекламы в «Правде» в отличие от городской газеты «Новости Пскова» практически не было. Вдобавок ко всему к концу прошлого года газете удалось окончательно испортить отношения с областной Думой.

Один из депутатов Думы выдвинул предложение лишить аккредитации думского корреспондента «Псковской правды». Однако задача оказалась трудновыполнимой, так как псковская Дума в отличие от большинства региональных органов власти не имеет положения об аккредитации, да и вообще доступ в здание Думы свободен. Но в ходе обсуждения проблемы «Псковской правды» выяснились некоторые небезынтересные обстоятельства. Устав газеты гласил, что редакция является предприятием, однако предприятие «Псковская правда» никогда и никем не было зарегистрировано. Учитывая, что редакция располагается в здании, принадлежащем области, и что областная Дума и администрация области являются соучредителями газеты, Дума приняла логичное решение: зарегистрировать «Псковскую правду» как «государственное унитарное (безраздельно принадлежащее властям) предприятие».

«Мы могли их сделать не предприятием, а учреждением, то есть вообще их на бюджет посадить, — говорит Зинаида Кравченко, председатель комитета по законодательству, подготовившего законопроект о «Псковской правде». — Но газете нужна самостоятельность. Ведь газета была доведена до ужасного состояния. Теперь ее подпиской, качеством печати будут заниматься комитет по имуществу и комитет по средствам массовой информации».

А содержанием будет заниматься «министерство пропаганды». Возглавить это ведомство в Псков приехал Евгений Елфимов, давний помощник Михайлова, человек, получивший высшее образование за границей, в разговорах о прессе ссылающийся на редакционную политику газеты «Нью-Йорк таймс» и не расстающийся с компьютером «ноутбук». «Псковская правда» для него — увлекательнейший эксперимент, опыт перевоспитания 80 провинциалов, которых он уже успел посадить за компьютеры.

В газету Елфимов, по его собственному утверждению, заезжает каждый день «после работы», читает материалы, просматривает макеты, беседует с журналистами. «Я их подстрекаю, чтобы задавали более дерзкие вопросы», — говорит Елфимов. А то на пресс-конференциях Михайлова скучновато.

Что касается идеологического контроля, то, как утверждает Елфимов, «никакой политической ориентации не произошло. Другое дело, что государственная газета должна отстаивать государственную точку зрения. Например, материал об избрании Масхадова президентом Чечни, напечатанный там, с нашей точки зрения, выглядел крайне отрицательно». Автор статьи весьма лестно высказался о Масхадове как о военачальнике. «Можно называть Масхадова прекрасным генералом, — говорит Елфимов, — но так же можно называть генералов вермахта. А с государственной точки зрения надо говорить о Жукове и Василевском». По словам Елфимова, он провел беседу с редактором, ответственным за тот выпуск газеты, «и он согласился, что это должна быть российская газета в первую очередь».

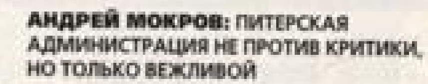
Но если материал о Масхадове увидел свет прежде, чем администрация на него отреагировала, то другие материалы, касающиеся чеченской темы, снимаются до выхода номера. Так, накануне моего приезда в Псков в конце февраля «Псковская правда» по указанию администрации сняла уже сверстанный материал о попытках санкт-петербургских солдатских матерей найти способы обмена российских пленных на чеченцев, находящихся в питерских тюрьмах.

Однако сотрудники газеты на идеологический гнет не жалуются. Заместитель прокурора области Петр Коштырев с видимым сожалением сообщает, что жалоб не поступало, хотя «прокуратура вопросом «Псковской правды» заинтересовалась сразу». Но Коштырев считает, что действия властей законны, так как все вновь национализированное имущество и без того принадлежало области, а предприятия «Псковская правда» юридически вовсе не существовало. «Так что у них, в общем, и нет возможности отстаивать свои права».

Да они и не рвутся. «Собрал я тут народишко, — говорит главный редактор Юрий Кустов, — и говорю: «Ну что, народишко, пойдем на свои харчи? Или к власти пойдем пастись?» А народишко-то и говорит: «Нет, на свои харчи страшно. Пойдем лучше к власти». А власть

ЕВГЕНИЙ ЕЛФИМОВ ПРИБЫЛ ИЗ МОСКВЫ РУКОВОДИТЬ ПСКОВСКИМ «МИНИСТЕРСТВОМ ПРОПАГАНДЫ»

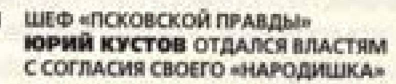
АНДРЕЙ МОКРОВ: ПИТЕРСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ НЕ ПРОТИВ КРИТИКИ, НО ТОЛЬКО ВЕЖЛИВОЙ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР НЕКОГДА НЕЗАВИСИМОЙ «СМЕНЫ» **СЕРГЕЙ БАЛУЕВ** ОПЕКОЙ НЕ ТЯГОТИТСЯ

ШЕФ «ПСКОВСКОЙ ПРАВДЫ» **ЮРИЙ КУСТОВ** ОТДАЛСЯ ВЛАСТЯМ С СОГЛАСИЯ СВОЕГО «НАРОДИШКА»

нам теперь активно помогает. Мы компьютеризовались, сейчас к Интернету подключаемся. А какие конфликты были раньше, так это все рабочие конфликты. Ну, рыли мы там что-то на Областное собрание и озлобили их». Тот корреспондент, который так раздражал областную Думу, теперь пишет на другие темы.

Петербург. Смена вех

Прошло семь лет с тех пор, как вступил в силу союзный Закон о печати, впервые позволявший средствам массовой информации существовать независимо от органов партии и власти. Одной из первых газет, решивших отстоять свое право на независимость, стала петербургская «Смена», с 1919 года служившая органом комсомола. Суд с обкомом комсомола, сопровождавшийся демонстрациями и огромным количеством статей, длился полтора года. «Смена» выиграла.

На первых порах хватало всего: рекламы, подписчиков (их было 300 тысяч), свободы. Но к 1994 году тираж, как и у большинства российских изданий, упал катастрофически, а доход от рекламы безнадежно отстал от реальных затрат. Редакция решила образовать акционерное общество и привлечь инвесторов. Главным спонсором издания стал банк, в скором времени прогоревший. Весной прошлого года, когда тираж упал до 40 тысяч, а задолженность типографии — не говоря уж о зарплатах — сделала дальнейший выход газеты практически невозможным, «Смена» пришла в Законодательное собрание Санкт-Петербурга и попросилась назад под крыло власти. Так Законодательное собрание стало соучредителем некогда гордой и независимой газеты.

Согласно Закону о средствах массовой информации, права учредителя печатного органа невелики. В частности, если учредитель — орган власти, это обязывает газету оперативно печатать законодательные акты. Главный редактор «Смены» Сергей Балуев настаивает, что новая обязанность газете не в тягость. Однако так как закон вступает в силу только с момента опубликования, это означает, что при желании Законодательное собрание может использовать «Смену» в собственных политических целях. Что оно и делает.

С конца прошлого года развивается конфликт между Законодательным собранием Санкт-Петербурга и группой бывших депутатов Ленсовета. Суть конфликта заключается в том, что Санкт-Петербург как субъект Федерации обязан выполнить федеральный закон, гласящий, что во всех субъектах Федерации должны быть созданы органы местного самоуправления. Бывшие депутаты бывшего Ленсовета обратились в суд с требованием назначить выборы в органы самоуправления города Санкт-Петербурга. В ответ в январе Законодательное собрание Санкт-Петербурга (не города, а субъекта Федерации) приняло закон, гласящий, что город и субъект суть одно и то же. Чтобы выиграть суд, надо было срочно опубликовать закон. «Смена» была рада помочь. «Тот случай, когда это политически выгодно всем», — говорит Сергей Балуев.

На вопрос, получила ли «Смена» реальные деньги в результате «удочерения» ее Законодательным собранием, Сергей Балуев отвечает «да». Сколько? «Не скажу», — отвечает Балуев. Разве это секретная информация, коль скоро деньги казенные? «Законодательное собрание имеет некоторые фонды для публикации материалов, — отвечает Балуев. — Вот они и расходуются».

Независимый журналист мог бы, наверное, нарыть интересный материал о фондах Законодательного собрания и о том, как они расходуются. Но с независимыми журналистами в Петербурге туго. По мнению депутата Законодательного собрания Валерия Островского, изданий, не получающих никаких бюджетных вливаний, в городе два: рекламная газета «Петербургская недвижимость» и газета «Деловой Петербург», основанная шведской издательской фирмой.Самое плачевное в этом положении дел, на взгляд Островского, это отношение журналистов вообще к властям, и не только тем, кто непосредственно их кормит. «Иначе как холуйскими, я их назвать не могу, — восклицает Островский. — Многие издания, например, поддерживали на выборах Собчака. Избирается Яковлев. Проходит сто дней. Со времени семидесятилетия товарища Сталина ничего более панегирического в городе не было».

Судя по всему, власть в Петербурге действительно избалована деликатностью прессы. Свидетельством тому реакция властей на статью в жанре хулиганистой светской хроники, опубликованную в газете «Деловой Петербург» 7 февраля. Статья под названием «Администрация Петербурга закатила отчетный концерт» уподобляла встречу губернатора с общественностью театральному представлению, а самого губернатора — герою рекламного ролика «Херши-колы», этакому троечнику, который становится большим человеком.

«Мы ведь не отказываемся от того, чтобы нас критиковали, — уверяет меня директор центра общественных связей и СМИ при Яковлеве Андрей Мокров. — Понятно, что пресса критикует власть в силу своей позиции, власть высказывает недовольство прессой, и за счет этого осуществляется рост. Но когда губернатор сравнивается с героем рекламного ролика, по-моему, это некорректно».

«Они восприняли это как плевок в их душу», — говорит автор статьи в «Деловом Петербурге» Александр Григорьев. В редакцию поступили десятки звонков от «возмущенной общественности».

«Они действуют очень интересно, — рассказывает первый заместитель главного редактора «Делового Петербурга» Равиль Загретдинов. — По телефону, через друзей, друзей их друзей. Никаких телег не приходило. Да с нами-то и сделать ничего нельзя. У нас типография в Финляндии, оборудование свое. Остается только обижаться».

В разговоре со мной через две недели после выхода злосчастной статьи Андрей Мокров сообщил, что на следующий день собирается отужинать с главным редактором «Делового Петербурга» и попытаться уладить конфликт. ■

В статье использованы материалы экспертной группы по Приморью Фонда защиты гласности

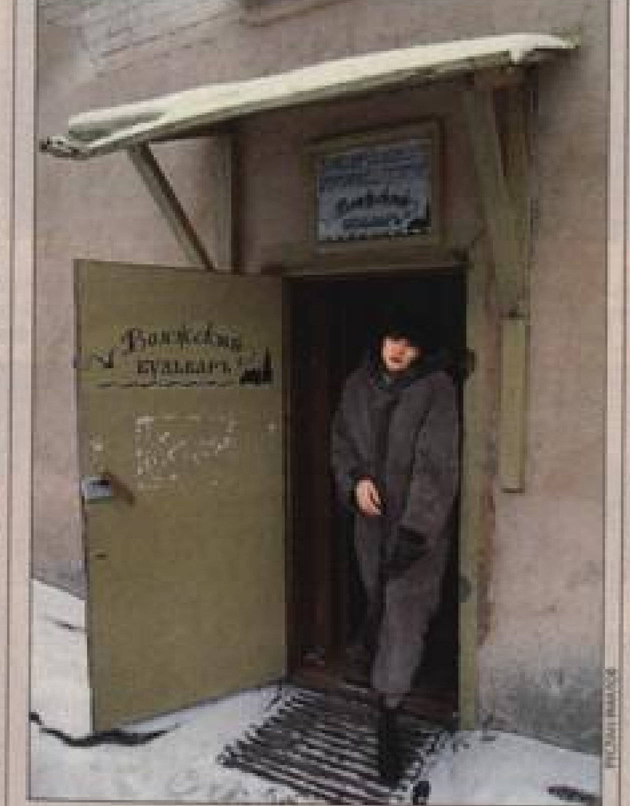
Газета для своих

Общепринятое представление о бедственном положении региональной прессы успешно опровергает частная кинешемская газета «Волжский бульвар»

Газета началась три года назад с двух человек. Один стал главным редактором, а другой его замом. Денег не было у обоих. Регистрацию и первые два номера согласилось субсидировать отделение крупной московской фирмы. (Правда, очень скоро фирмачи от газеты отказались.) Но первоначального толчка двум энтузиастам хватило.

Сегодня восьмиполосная еженедельная газета выпускается тиражом 50 тысяч экземпляров и распространяется на территории трех областей: Ивановской, Костромской и Владимирской. (Причем силами самой редакции: арендованные машины развозят газету по семидесяти точкам.) Расходится в среднем 90 процентов тиража по цене 700 рублей за экземпляр. Распространители газеты не покупают, а берут на реализацию — им верят. Получают они по 200 рублей за каждый проданный экземпляр и вполне довольны жизнью. За два последних года ни один из них не уволился.

С подпиской дело обстоит хуже. Но эта ситуация характерна для всей нашей прессы в целом: людям сложно расставаться с крупными суммами. Однако, как утверждают в газете, денег, еженедельно получаемых от розницы, с лихвой хватает на следующий тираж. Таким образом, поступления от опубликованной рекламы оборачиваются чистой прибылью. А расценки на размещение рекламы в «Волжском бульваре»

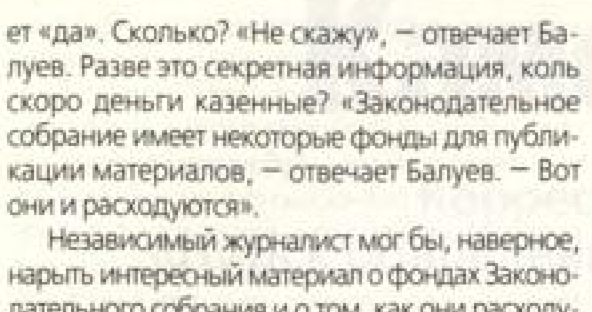
выше, чем в любой газете Ивановской области (10 тысяч рублей за один квадратный сантиметр — для коммерческих объявлений, 3 тысячи рублей за слово — для частных). И от клиентов отбою нет — в присутствии корреспондентов журнала «Итоги» местный бизнесмен слезно просил поставить его объявление не через три номера, а хотя бы через два. Причем популярность газеты постоянно растет. Еще год назад была возможность публиковать рекламу сразу.

Сегодня в штате редакции работают 15 человек. Средняя зарплата колеблется от 3 до 4 миллионов, что самым тщательным образом скрывается от жителей Кинешмы, которые в массе своей вынуждены довольствоваться нечастым и существенно меньшим заработком.

Главный редактор «Волжского бульвара» Игорь Мясников финансовое процветание своего издания объясняет просто: « В какой-то момент мы поняли — наших людей все меньше и меньше интересуют глобальные проблемы или происходящее вдали от их собственного дома. Я вас уверяю, что очень мало кого сегодня волнуют вопросы, обсуждаемые в Госдуме, или противостояние Родионова и Батурина... Это вовсе не значит, что наша газета аполитична. Просто стараемся акцентировать внимание читателей на местных проблемах. Мы критикуем главу администрации области, комментируем указы городской Думы, подчас нелицеприятно высказываемся о деяниях нашего мэра. Например, в 11-м номере газета выступила против постановления нашего градоначальника «Об организации маршрутных таксомоторных перевозок в Кинешме», которым по сути прикрываются частные такси».

Непросто складываются взаимоотношения «Волжского бульвара» с местной властью, которая гораздо больше благоволит любимой «Волжской правде», чей тираж, к слову сказать, две тысячи экземпляров. Это понятно: любая власть не любит, когда газета не слизывает у нее с ладони, а имеет свое мнение и доносит его до читателя.

Александр Рыклин

Борьба с сионизмом и как с ней бороться

В столицах фашиствующая пресса — это экзотика, но в некоторых регионах она и есть масс-медиа

Маша Гессен

ИДЕОЛОГИ

«КАК ИСКОННО РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК, Я НЕ гарантирую вашей безопасности, — мило улыбаясь, говорит мне Сергей Биговчий, пресс-секретарь псковского губернатора Михайлова от ЛДПР, услышав, что я отправляюсь брать интервью у местного фашиствующего издателя Дмитрия Беляева. — Приготовьтесь к самообороне». Такие в Пскове шуточки. Впрочем, доля шутки в этой шутке невелика. В Пскове с фашистской прессой считаются.

Двадцатичетырехлетний Дмитрий Беляев, до недавних пор музыкант военного оркестра, возглавляет две газеты: «Псковский рубеж», рупор, как выражается Беляев, «русской идеи, пропагандируемой в самих жестких, сталинистских формах», и «Псковский курьер», газету местного отделения Народно-патриотического союза. Первая газета выпускается почти год на деньги спонсоров, вторая основана в начале этого года, когда Беляев оставил военную службу по окончании контракта, а местные коммунисты, как он рассказывает, решили помочь ему с работой. Не они одни: по словам Беляева, представители администрации губернатора тоже пытались его трудоустроить, предложив работу корреспондента в официальной «Псковской правде».

«Ведь согласитесь, когда все сотрудники администрации Туманова (бывшего губернатора области. — **«Итоги»**) читают Димину критическую статью о губернаторе в ксероксе, когда она ходит по рукам, — это нечто, — говорит Сергей Биговчий. — Это очень сильный, интересный журналист». Публикации Беляева сыграли не последнюю роль в поражении Туманова на осенних выборах, и нынешняя администрация об этом явно не забывает. «Перед вторым туром «Псковский курьер» высказался за Михайлова, — говорит директор департамента печати при Михайлове Евгений Елфимов. — Что ж, мы сказали им спасибо за это».

Поблагодарили, надо понимать, не словом, а делом: уголовное дело, заведенное против «Псковского курьера» по факту разжигания национальной розни, было прекращено. «В прокуратуре, видимо, считают, что мы на хорошем счету у новых властей, — объясняет Дмитрий Беляев. — Действительно, так оно и есть». Заместитель прокурора области Петр Коштырев подтверждает, что материалы перемещались из одной прокуратуры в другую, пока дело не было прекращено потому, что «оно очень непростое». Сам Беляев между тем согласен, что «формально, по закону, газета занимается разжиганием межнациональной розни, но на самом деле мы просто боремся с расовой дис-

криминацией в отношении русского народа».

Дмитрий Беляев был вхож во властные структуры и до прихода жириновцев. На выборах в феврале 1996 года глава местного отделения Русской партии — партии-вдохновителя «Псковского курьера» — Вадим Гузинин прошел в городскую Думу. В Думе, состоящей всего из 17 человек, Гузинин стал одним из немногих депутатов, освобожденных от иной трудовой деятельности, и занял пост заместителя председателя комитета по бюджету и налогам. Соратник Гузинина по партии, Геннадий Семенков, стал управляющим делами Думы. По свидетельству петербургской газеты «Невское время», «после рабочего дня Дума превращается в штаб-квартиру местных националистов, которые получили возможность использовать для своих партийных целей не только помещения, но и множительную технику, компьютеры и т.д.»

Имя Дмитрия Беляева впервые прозвучало в Пскове именно благодаря стараниям Семенкова. В июне 1996 года «Псковская правда» по ходатайству Семенкова опубликовала письмо Беляева в городскую Думу, посвященное врагу № 1 псковских «патриотов», председателю местного отделения движения «Яблоко» Льву Шлосбергу. «Мне тоже не хочется, чтобы в нашей стране (...) проживал бы подобный космополит, преисполненный ненависти к русскому народу, русской истории, русскому государству», — писал Беляев.

Реально письмо Беляева было очередным ходом в многомесячной борьбе демократов и национал-патриотов за местные СМИ. Схематически этот запутанный процесс выглядел примерно так:

• перед выборами в Думу в Пскове распространяется список кандидатов, «прошедших проверку на нравственность»;

• в городской газете «Новости Пскова» выступает главный редактор независимого «Норд-вест радио» Андрей Щеркин, обнаруживший себя в списке вместе с Вадимом Гузининым: «Если официальная идеология гитлеровской Германии, адаптированная Русской партией к России, нравственна, то прошу считать меня не прошедшим проверку на нравственность»;

• Гузинин подает в суд на неблагодарного Щеркина за подобную характеристику Русской партии;

• Щеркин рассказывает о грядущем процессе в телевизионной программе Льва Шлосберга «Перспектива», после чего руководство местного телевидения передачу закрывает;

• текст сценария следующей несостоявшейся передачи печатается в газете «Новости Пскова»;

• ответом служит вышеупомянутое письмо Дмитрия Беляева в «Псковской правде», после чего разражается скандал, и «Псковская правда» отказывается печатать дальнейшие опусы Беляева;

• возмущенная национал-патриотическая общественность финансирует первый выпуск газеты «Псковский курьер»;

• Вадиму Гузинину отказано в иске против Щеркина, хотя в прямом эфире местного государственного телевидения Гузинин утверждает прямо противоположное. Сухой остаток: одной либеральной телепередачей меньше, одной фашиствующей газетой больше, и общественность убеждена в том, что национал-патриоты одержали очередную победу.

А судьи чьи?

Заключение Судебной палаты по информационным спорам при президенте РФ, датированное 10 октября прошлого года, гласит, что «анализ публикаций «Псковского курьера» позволяет сделать вывод, что большая часть их имеет противоправный характер». Заявления подобного рода, когда за ними следует фактический отказ местных прокуроров принимать какие бы то ни было меры, — подарок для провинциальных национал-патриотов, лишнее доказательство того, что федеральные власти местным авторитетам не указ.

Каждый регион строит новое правовое общество согласно собственным о нем представлениям. «Они же имеют право публиковать, что хотят», — вполне обоснованно говорит о «Псковском курьере» Евгений Елфимов. А вот, например, в Краснодаре редактор областной газеты считает, что другие издания права на существование не имеют. Петр Придиус, бывший работник крайкома партии, ныне главный редактор газеты «Кубанские новости», учрежденной и полностью финансируемой администрацией области, подал иск в суд на газету «Кубанский край», либеральную и ныне закрывшуюся. Предмет иска: статья местного демократа доцента Краснодарского университета Всеволода Тихомирова, в которой тот утверждает, в частности, что областная газета «пропагандирует русский фашизм». Придиус требует от суда признать, что это заявление «и т.д.» не соответствуют действительности.

Насчет соответствия действительности не все так просто. Осенью 1994 года, накануне выборов в Законодательное собрание края, «Кубанские новости» опубликовала серию материалов о кандидатах от Русского национального единства под общим названием «Бог, нация, труд», тиражируя такие воззвания как: «Гарантом безопасности Русского Народа является Русская национальная Армия. Она должна быть очищена от лиц с демократическими и интернациональными взглядами».

В январе 1997 года восхвалением РНЕ на страницах «Кубанских новостей» уже занимались депутаты Законодательного собрания. «Конечно, нельзя приветствовать то, что РНЕ использует в своей деятельности символику и методы, которые принято считать фашистскими, — написали шестеро из них в коллективном письме. — Однако надо понимать, что эти крайности происходят оттого, что сегодняшнее состояние народа и страны — критическое. (...) Все, кому дорога Россия, встают на защиту ее истории, культуры, духовности, объединившись, борются за ее право встать на самостоятельный путь развития, пробуждают нашу национальную гордость. В этом ряду и те молодые люди, которых наемные авторы (столичных изданий. — **«Итоги»**) мажут коричневой грязью. А на чью мельницу льют воду такие публикации — известно».

Слушания по иску Петра Придиуса начались 30 января, но до сих пор процесс не сдвинулся с мертвой точки. Причиной тому, по мнению московского адвоката ответчика Андрея Рахмиловича, сам Придиус. Рахмилович уверен, что появление адвоката, который немедленно начал заявлять ходатайства и требовать соблюдения процессуальных норм, подорвало расчет «Кубанских новостей» на легкую и быструю победу. Кроме того, не исключено, что теперь Петру Придиусу придется действительно доказывать, что его газета не занимается пропагандой фашизма, — а это задача трудновыполнимая. Возможно, поэтому Придиус хронически не является в суд и не исполняет требований суда, добиваясь очередных отсрочек дела и рассчитывая, видимо, взять столичного адвоката измором. «Они явно были уверены, что дело пройдет быстро и безболезненно, — предполагает Рахмилович. — И у них действительно все проходит». Что неудивительно: эта фашиствующая газета — газета власти. ■

ИЗДАТЕЛЬ «ПСКОВСКОГО КУРЬЕРА» ДМИТРИЙ БЕЛЯЕВ ВЗАИМООТНОШЕНИЯМИ С ВЛАСТЯМИ ДОВОЛЕН

Псковский
Курьер

Камерный листок

Корреспонденты и подписчики газеты «Путь к обновлению» находятся в местах лишения свободы

Борис Старцев

ЗОНА

Многотиражные газеты, издаваемые управлениями исполнения наказаний, появились еще при Сталине. С тех пор их то отменяли, то восстанавливали. Последний раз восстановили в конце 70-х — начале 80-х годов. На сегодняшний день руководители ГУИН МВД уверены: лагерная пресса — необходимый инструмент для перевоспитания осужденных.

Газета «учреждения ЖХ-385», расположенного в Республике Мордовия, называется «Путь к обновлению» и выходит с 1980 года. Тираж — 3500 экземпляров, периодичность — 50 раз в год. Печатается на одном листе А3 проверенным дедовским способом — высокой печатью. Два линотипа и три печатные машины стоят в типографии с 50-х годов и сейчас еле дышат. Техники для изготовления клише нет, поэтому готовые формы редакция закупала в ИТАР-ТАСС. Поскольку клише спросом не пользуются, в этом году их производство прекратилось. И газета будет выходить без иллюстраций.

Редактор газеты Александр Прохоров скорее напоминает университетского профессора психологии или права. О его реальном статусе напоминают майорские погоны и привычное военное «вас понял».

«Путь к обновлению» — любимое детище Прохорова, и о своей газете майор может рассказывать бесконечно: «Центральная пресса с воли приходит редко. Для осужденных наш листок — хоть какая-то отдушина. В колониях работают секции общественных корреспондентов, пишущих нам постоянно. Как правило, в секции набирается 5—10 человек».

Раньше «Путь к обновлению» был закрытым изданием — с пометкой «за пределы подразделения не выносить». Сегодня от старых запретов остались только два: нельзя критиковать администрацию и раскрывать секретные оперативные методы работы (например, как предупреждают преступления в зонах).

Осужденные пишут в газету о режиме, о работе на производстве, о себе («как до такой жизни дошли», комментирует редактор). Попадаются стихи. «За колючей проволокой душа просит лирики, — объясняет Прохоров. — Конечно, пишут коряво, но встречаются и вполне пристойные вещи». Помимо собственной информации, газета перепечатывает материалы из центральных и специализированных юридических изданий: например, в начале этого года печатался цикл статей о новом Уголовном кодексе.

Первый январский номер газеты был посвящен Новому году. Христианская община «Благая весть» из «учреждения, где начальником П.Е.Балашов» (колонии называют не по номерам, а по фамилиям начальников), прислала коллективную заметку о старом и новом стилях летосчисления. Н.Чеченова из «учреждения, где начальником И.В.Видашев», в статье «Я выдержу» (рубрика «Откровенный разговор») вспоминает, как встречали Новый год на свободе. «А здесь, в колонии, Новый год для меня — какая-то кара. Трудно, очень трудно без детей, без мужа... Поздравления родных, пришедшие ко мне в письмах, были для меня и радостью, и мучением одновременно. Проплакала всю ночь». Рядом поставлена статья «Новый год встретили дома» об освобожденных условно-досрочно, а также заметка «О людях хороших», в которой корреспондент рассказывает о прапорщике своего «учреждения» Лилии Анатольевне Лысовой и поздравляет ее с Новым годом.

Во второй номер заключенный С.Коршаков прислал стихотворение без названия: «Новый год — он, как и прежде, /Хоть на воле, хоть в тюрьме, /Дарит людям всем надежду /К улучшению в судьбе».

Лирикой отдают публикации о людях зоны. В.Струков в четвертом номере рассказывает в статье об исповеди своего товарища по прозвищу Бешеный, который, стоя на крыльце барака, «с грустью смотрит на падающий снег»: «Знаешь, Витя, не с моим сроком удариться в воспоминания о прошлом, но этот падающий снег, будь он неладен, не дает забыть о том, что было свято... Была у меня женщина, которую я любил, да и она меня любила. Жили мы неплохо, а с ее сыном Димой у меня сложились такие отношения, которые редко бывают между отчимом и неродным сыном. Не знаю, сколько бы просуществовала наша семья, но разлука всегда приходит тогда, когда ее не ждешь».

Теперь же судьба подготовила для Бешеного еще один удар: «Сегодня в нашу зону пришел этап и среди прочих я увидел Диму — мальчугана, который был для меня сыном. Чуть позже, когда шок прошел, я встретился с Димой, и то, что он мне сообщил, было еще ужаснее. Та женщина, которая была мне женой, а Диме матерью, — умерла...» Финальный аккорд — о скупой мужской слезе, «слезе мужчины, который потерял себя».

Для особенно активных корреспондентов газеты предусмотрены поощрения — ежеквартальные денежные премии. Последний раз платили по 50 тысяч рублей. «Деньги небольшие даже по лагерным меркам, — объясняет Прохоров, — но любое поощрение учитывается при смягчении наказания. То, что осужденный у нас сотрудничает, характеризует его с лучшей стороны. Конечно, это не основание для досрочного освобождения или помилования, но были случаи, когда работу в газете судьи принимали во внимание».

Вероятно, людей побуждают браться за перо не только льготы. «Согласитесь, любому, даже самому маститому журналисту приятно видеть свою статью опубликованной, — считает Прохоров. — А что говорить о людях, в жизни которых остались только колючая проволока, охранники да собратья по несчастью?» Одна активная сотрудница газеты, сидящая за кражу, жалеет, что не писала раньше, на воле.

«Работать сложно, — жалуется редактор. — Настоящие-то журналисты у нас не сидят. Пишут люди без высшего, а иногда и без среднего образования». Так что на выездных занятиях Прохоров вместе со своим инструктором обучают корреспондентов журналистскому мастерству. Сам он по образованию юрист (заканчивал Московскую высшую школу МВД) и журналистикой стал заниматься по долгу службы.

Один номер «Пути к обновлению» стоит 200 рублей. Практически весь тираж распространяется среди осужденных. Зеки, имеющие деньги на расчетном счету, за 10 тысяч рублей могут оформить годовую подписку. В этом году на «Путь к обновлению» подписались почти две тысячи осужденных. На вопрос анкеты «Нужна ли вам газета?» положительно ответили 85 процентов. ■

Путь к ОБНОВЛЕНИЮ

О пользе отказа

Скромность украшает человека. Но, как показал опыт губернатора Самарской области Константина Титова, качество это кроме чисто эстетических дает и практические преимущества.

Когда формировался новый состав правительства, Константину Алексеевичу предложили занять пост вице-премьера по социальным вопросам, то есть курировать народное образование, здравоохранение, культуру, спорт, заниматься вопросами социальной защиты, коммунального хозяйства и трудовых отношений. Прекрасно понимая, что на каждом из этих направлений в отдельности легко свернуть себе шею, а уж взвалить на себя весь этот комплекс может только политический самоубийца, г-н Титов скромно отказался. А чтобы облегчить премьеру поиски, предложил вместо себя подходящую кандидатуру — мэра Самары Олега Сысуева.

Олег Николаевич сумел так наладить дело, что про задержки зарплат и пенсий в Самаре знают лишь понаслышке, а местные учителя, кроме всего прочего, получают 30% надбавки из городского бюджета. В сентябре прошлого года довольные самарцы дружно переизбрали своего мэра на второй срок (Сысуев получил 73 процента голосов).

Кандидатура Сысуева неожиданно устроила всех. Президента, пообещавшего, что в правительство придет «свежий человек не из московской политической тусовки», премьера, которому Сысуев активно помогал в создании движения «Наш дом — Россия», нового первого вице-премьера Бориса Немцова, с которым у самарского мэра «по-человечески одинаковое понимание жизни и схожие политические взгляды». Да и сам Олег Николаевич не прочь переехать в Москву.

Так что Константин Титов не только спас собственную шею от петли, избавился от потенциального соперника, но и приобрел своего человека в правительстве.

Дмитрий Хитаров

Лебедь без рака и щуки

«Третья сила», разговоры вокруг которой уже больше года то стихают, то возникают снова, впряглась наконец в политический воз.

Заявление о создании союза «Третья сила» было подписано его учредителями 15 марта на I съезде лебедевской Российской народно-республиканской партии (РНРП). В тот же день была принята и программа партии, главный тезис которой состоит в том, что для выхода из кризиса, куда страну завела «бывшая партноменклатура, перестройщики и послеперестроечная псевдодемократическая администрация», Россия должна пойти по «третьему пути развития, отличному от тоталитарно-социалистического и от криминально-капиталистического». В «заявлении о намерениях» союза тому же пассажу была придана более эмоциональная форма: «Соединение дикого капитализма и корыстного администрирования породило, с одной стороны, партию власти, выражающую интересы антинародной элиты, а с другой — псевдооппозицию с ущербными идеалами, давно отвергнутыми нацией».

Устав от капризов и непомерной амбициозности «именитых» политиков, Александр Лебедь отказался от поиска союзников из их числа. И союз, и РНРП созданы под одного человека. Это не только не скрывается, на этом строится вся концепция организации. По замыслу ее лидера, усилия, которые раньше растрачивались на междоусобицы, теперь можно будет направить на собственно политическую борьбу.

При том, что в союз вошли около 30 общественных организаций и партий, громкое «имя», кроме самого вождя, имеет лишь чемпион мира по шахматам Гарри Каспаров.

На съезде свое решение войти в РНРП Гарри Кимович объяснил тем, что «кредит народного доверия главе государства оказался похоронен под обломками финансовых пирамид и руинами чеченской войны». За Лебедем же, по Каспарову, стоит «неиссякаемая вера россиян в будущее нашей великой страны с ее безграничным потенциалом, который сможет проявиться только при воцарении стабильности и порядка».

Александру Ивановичу приход Каспарова под знамена «Третьей силы» выгоден во всех отношениях. Он примирит с Лебедем определенную часть демократического лагеря, снимет с РНРП подозрения в национализме. Ну и, конечно, деньги. Хотя Гарри Кимович утверждает, что его поддержка не касается материальной стороны дела, имя чемпиона часто фигурирует в списке возможных лебедевских «инвесторов».

Взамен же — и чемпион это не раз доказывал — Каспаров ничего не просит. А что касается других членов союза, то, по словам Лебедя, это все «неизвестные, могучие, умные россияне». Ключевым здесь, видимо, является слово «неизвестные».

Дмитрий Князь

Когда святые выбирают

Когда мать Тереза благословила свою преемницу на посту главы Ордена милосердия 63-летнюю сестру Нирмалу, духовник Ордена отец Буш заметил, что в истории этой организации начинается новый, сложный период. 86-летняя мать Тереза объявила о своей отставке в связи с ухудшившимся здоровьем, но найти достойную замену монахине, которую во всем мире многие почитают святой, оказалось очень непросто.

«Новой главе придется думать не о расширении деятельности Ордена, а о сохранении его единства. Орден трудно себе представить без руководства матери Терезы, основавшей его в 1948 году», — сказала одна из монахинь накануне выборов нового главы. Ее озабоченность разделяют 4,5 тысячи монахинь и несколько сот добровольных помощников. Сегодня Орден содержит 568 сиротских приютов, больниц, домов престарелых и лепрозориев в 111 странах.

Избрание сестры Нирмалы, гражданки Индии непальского происхождения, для многих оказалось неожиданным. Ей удалось обойти несколько влиятельных членов Ордена, в том числе сестру Фредерик, которая руководила монахинями в дни болезни матери Терезы. Возможно, на выборщиков повлияло и то, что штаб-квартира Ордена находится в Калькутте.

Сестра Нирмала родилась в семье высококастовых индуистов. Однако ее родители не стали возражать, когда 24-летняя Нирмала решила уйти в католический орден. Идея самоотречения оказалась ей близка, как и аскеза — монахини могут иметь лишь три сари, ложку и пластиковую миску, а спать должны на полу.

В 1965 году сестра Нирмала открыла и возглавила первую миссию Ордена милосердия в Новом Свете — в Венесуэле. Нирмалу считают доброй, но очень твердой женщиной, умеющей руководить и знающей особенности работы в разных частях мира.

Однако, по мнению отца Буша, пока не ясно, как отнесутся к новой главе в миссиях этого католического ордена в западных странах. Одна из причин в том, что во время частых поездок в столицу Непала Катманду сестра Нирмала регулярно посещала индуистский храм, вход в который представителям других религий запрещен. Внутри Ордена она возглавила крыло, члены которого практиковали самосозерцание и медитацию.

«Сестра Нирмала обладает высокой духовностью, и, надеюсь, ей удастся сплотить Орден», — сказал отец Буш. Если выйдет из тени своей предшественницы, добавляют многие.

Евгений Пахомов

Мастер кульминации

Мстислав Ростропович — почти диссидент и почти конформист

Юлия Бедерова

«Я восхищаюсь твоим музыкальным гением, солнечностью твоей натуры, искренностью твоего мышления. Но одновременно я и тревожусь. Тревожусь — каким ты останешься в русской истории и в памяти потомков. Искусство для искусства вообще существовать может, да только не в русской это традиции. На Руси такое искусство не оставляет благодарной памяти. Уж так у нас повелось, что мы от своих гениев требуем участия в народном горе», — писал Ростроповичу Солженицын. Оказалось, совершенно зря тревожился.

Сегодня ясно, что Мстислав Ростропович — социокультурный феномен. Искусство для искусства вообще существовать может, да только это не в традициях Ростроповича. Ни к какой беде не равнодушный, он за долгую историю своей деятельности успел защитить Солженицына, демократию, индийских слонов и прибалтийских ветеранов, проводить в небытие Советский Союз и Берлинскую стену.

Если возвращение Солженицына не вызволило писателя из прошлого, лишь зафиксировав его статус одного из столпов советской мифологии, то возвращение Ростроповича (возвращение скорее метафизическое: он все-таки не переехал жить в Россию) не лишило его животрепещущего мифологического обаяния. Только добавило актуальности. Он во многом прекрасен как музыкант, но большинство его наград — за свободу, за защиту или иные движения общегуманитарного назначения. Его феномен не в умении вести одновременно две деятельности: общественную и музыкальную. Главный фокус в том, что творчество у него всегда было пропитано социально-идейным пафосом, без этой пропитки оно бы не состоялось, не было бы собой. С другой стороны, красота общественно значимых жестикуляций Ростроповича — в их безусловной и трогательной художественности. И не найти на него Станиславского, который бы сказал: «Не верю».

Жесты человека, тайком сбегающего из Парижа на путч в Москву или в молодые годы высаживающегося в Арктике поиграть на виолончели в поддержку полярников, — это жесты музыканта, который привык интуитивно чувствовать кульминацию и нырять в нее с головой. С Ростроповичем история общественной деятельности обогатилась красивой трепетностью. А история музыки, в свою очередь, стала историей жестов в защиту и в поддержку. Такова общая культурная ситуация. Ростропович ее только немного усугубил.

Музыка

Мстислав Ростропович начинал с музыки. Он музыкант по генетическому коду. Семья музицировала в нескольких поколениях. Отец учил его не столько технике, сколько содержанию. Учил играть на виолончели, а показывал на фортепиано. В 43-м году Ростропович из Воронежа приехал в Москву: наставник лучших виолончелистов Семен Козолупов устроил вызов в Московскую консерваторию. Ростропович учился еще у Шебалина композиции и у Шостаковича оркестровке. Сразу по окончании консерватории получил класс и преподавал. Уже тогда его привлекали большие задачи: он поставил себе целью объединить виолончелистов всей страны. Один день играл в квартете, что позднее станет Государственным квартетом имени Бородина и будет занесен в Книгу рекордов Гиннесса за долголетие. Это был бы только случайный факт, если бы не ощущение, что Ростропович отметился в российской музыкальной истории везде, где хоть какая-то присутствует значимость. Он дружил с Прокофьевым. Потом — с Шостаковичем. Для последнего стал чуть ли не душеприказчиком. По крайней мере, сегодня Ростропович предстает главным носителем духовного и творческого наследия главного советского композитора.

В 24 года — Сталинская премия. Гастроли, работа в Большом театре над обновлением «Онегина». Тогда-то музыкальная деятельность Ростроповича впервые оказалась освящена общественно значимой нравственной идеей: критики отмечают, что в 68-м году драматизированный «Онегин» говорил публике о верности долгу, о власти над чувством во имя человечности и сострадания. Ростропович парил вдохновенной Брунгильдой на передовой борьбы общественных идей. А потом он стал диссидентом. В сущности он им не был в строгом смысле слова. Диссидентство Ростроповича скорее из области мифологии. Поводом стало укрывательство Солженицына. Писатель заговорил о народном горе, а музыкант — о горе писателя. Тогда Солженицын и родина сработали заодно, словом и делом. Они выдавили Ростроповича, как пасту из тюбика, навстречу широчайшим возможностям, славе и деятельности.

Ростропович периода лишения советского гражданства двойственен. В Советском Союзе его фигура воплощала романтический миф об изгнаннике. На Западе он оказался как раз в пору ситуации активного придания искусству общественной значимости. Ростропович стал дирижером, и так случилось, что не какого-нибудь, а именно Национального оркестра США. Он научился с чувством исполнять «Звездно-полосатый флаг» и «Боже, храни Америку». Здесь тоже не нашлось Станиславского. Ростроповичу верили. Один из концертов на Капитолийском холме собрал около 350 тысяч зрителей. Ростропович считает, что быть «национальным» — значит служить музыкальному просвещению своей страны. И просвещает. В программах оркестра рядом с песнями Гершвина, симфониями Бетховена, Айвзом и Моцартом стоят Шостакович, Глазунов, Шнитке, Вячеслав Артемов. Идейное содержание деятельности Ростроповича снова трепетно: «Я просто хотел выразить Америке благодарность своей работой». Проработав тринадцать лет, он говорил: «Я нахожу, что в моем вашингтонском оркестре русские музыкальные традиции присутствуют в большей мере, чем в каком-либо из советских оркестров». Просвещая, он доигрался до того, что наследнику Ростроповича на посту руководителя Национального оркестра США Леонарду Слаткину пришлось специально оговорить новое направление оркестра — американское. «Направление Ростроповича было русско-славянским».

Ангажемент

Солженицын был не совсем прав, рассуждая об искусстве. Сюжет о социальной ангажированности — не российский, но межнациональный. Это история о расширении границ искусства до степени безграничности массовых коммуникаций. И американский опыт для музыканта и просветителя, человека и гражданина оказался крайне полезен. Ростропович научился быть почти футбольным тенором. Но с традиционно русским эмоциональным объемом, с искренностью, отменяющей возможные упреки в социокультурном конформизме. Ростропович вернулся тогда, когда страна испытывала острую тягу к новой символике, новой геральдике. Музыкант и стал таким символом, чуть ли не гербом на новом знамени. Звучание его виолончели оказалось звучанием мифа. Ростропович стал одним из главных строителей государственной идеологии. Российское присутствие Ростроповича последних лет примечательно не столько эстетическими достижениями маэстро, сколько идеологическими перформансами, одновременно высокостильными, духоподъемными и наивными до нелепости. Его действа оказываются то откровенным кичем, то уникальным хэппенингом. А высокие жесты кажутся коленцами. Это ощущение возникло не сразу. Организация фестиваля памяти Сахарова, участие в Совете по подготовке всенародного референдума, разочаровывающие премьеры поздних сочинений Шнитке и набеги в Москву проголосовать или поддержать областную больницу — действия одного, мифологического, порядка. Но все еще было трогательно и хорошо. Перебор возник следом.

Сперва он заморозил Национальный оркестр США на Красной площади за идею. Под бой курантов и строгий голос диктора американские музыканты, не привыкшие к боевым условиям, играли патриотическую, самим автором не любимую увертюру Чайковского «1812 год». Культур-политическая акция была так откровенна и прямолинейна, что шокировала всерьез. «Я дирижирую не инструментами, а людьми», — эта фраза Ростроповича навевала мрачные мысли об идеологических манипуляциях. Ростроповича и Ростроповичем. Когда венцом того вдохновенного периода стала акция в недостроенном храме Христа Спасителя «Не мне, не мне, а имени Твоему», Ростропович вряд ли понимал, что именно делает. Происходило официальное единение православия и народности как минимум. Ростропович одухотворял куличи новодела под тяжелый шум наступления новой аляповатой идеологии. Облачившись в строительную каску и фартук, аки в ризы, вставил четыре кирпича в тело храма. В тело фиктивной «новодельной» государственности. Слов было много, последствий будет еще больше, но для Ростроповича — это самая адекватная форма именно артистического самовыражения. На самом деле он, человек, которого называют великим общественным деятелем, — только артист. Более уникального шоу, наверное, уже не увидеть. Слайд-проекция культовой архаики на дикие очертания стройки, дух высокого музицирования, сочетание камня и человечности — это редкий по степени парадоксальности хэппенинг. Редкой силы освоение пространства, актуальных идей, исторического контекста.

Артистизмом проникнута и благотворительная деятельность Ростроповича. Самым художественным жестом из этой серии был предложенный им законопроект о том, что каждый всемирно известный русский деятель культуры, постоянно проживающий за рубежом, должен платить пятипроцентный налог в российский бюджет. Дума идеей не прониклась. Госналогслужба ответствовала: «Ростропович хочет — пусть платит в какой-нибудь фонд». Он и платит, считая благотворительность налогом Богу.

Потом была «Хованщина» в Большом театре. Ростропович выступил в качестве инициатора, борца за права Шостаковича, который сотворил гениальную редакцию оперы Мусоргского, а в Большом ее не ставили. Вышло пятичасовое действо с блистательной музыкой и немеряным количеством крестов и куполов на сцене, рассветом после всеобщего самосожжения. «Нас всех тоже ждет новый рассвет», — провозгласил политически корректный маэстро. И подумалось, что ждет не дождется. Памятник трех эпох — старообрядчества, Мусоргского и Шостаковича — был призван стать памятником эпохи Нового Возрождения. Но с уверенностью можно сказать лишь то, что без Ростроповича, который провел всего несколько спектаклей, без солистов, приглашенных на премьерное время из других театров, спектакль опал как плохое тесто. И не стал даже памятником возрождения театра. От новой идеи Ростроповича — реанимации первой редакции оперы Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» — театр отказался.

Ростропович реанимировал шедевр в концертном исполнении. И снова оказался на передовой. Теперь уже не политической, а сексуальной революции. В качестве ее знамени маэстро восстановил «сексуальный» антракт (симфоническую картину в сцене обольщения Катерины), ругательства и недвусмысленные реплики, поражающие воображение количеством и качеством. В многочисленных интервью он говорил о Шостаковиче не как о мыслителе, а как о чувственном, любвеобильном человеке. Это было новаторство.

Интересно, что какую бы ни провозглашал Ростропович идею, на каком бы общественно значимом броненосце ни восседал, главное в нем — теплота, даже горячечность чувства. Не сентиментальность и не невроз. Именно чувство — объемное, плотное, такое огромное, что, кажется, хватит на всех. Ростропович — это наши чувства. Наша любовь. Имя Мстислав воспринимается как творческий псевдоним. По-настоящему его зовут Слава. «Салют, Слава!», «С днем рождения, Слава!» — это названия разнообразных программ в его честь. «Слава, молодец, молодец, Слава!» — восклицает филармоническая старушка вместо привычного «браво». Потому что Слава — свой. И в то же время, конечно, общественный. Низкий и высокий, далекий и близкий. Потому и притягательный. История его деятельности — история высоких поступков и публично обсуждаемых закладываний за воротник. Что тоже является гранью артистизма. «Слава» — имидж и внутреннее содержание. В наших художественной и социальной системах Слава занимает стабильно эксцентрическое положение.

1927 — РОДИЛСЯ В БАКУ.
1943—1948 — УЧИЛСЯ В МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ У С.М. КОЗОЛУПОВА (ВИОЛОНЧЕЛЬ) И У Д.Д. ШОСТАКОВИЧА.
1948—1974 — ПРЕПОДАВАЛ В МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ.
1951 — ГОСУДАРСТВЕННАЯ (СТАЛИНСКАЯ) ПРЕМИЯ СССР.
1960 — ПРОФЕССОР МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ.
1964 — ЛЕНИНСКАЯ ПРЕМИЯ.
С 1966 — НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР.
1974 — ОТЪЕЗД ИЗ СТРАНЫ.
1977—1994 — ВОЗГЛАВЛЯЕТ НАЦИОНАЛЬНЫЙ СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР В ВАШИНГТОНЕ.
АВГУСТ 1991 — УЧАСТВУЕТ В ЗАЩИТЕ БЕЛОГО ДОМА В МОСКВЕ.
1995 — СТАВИТ ОПЕРУ МУСОРГСКОГО «ХОВАНЩИНА» В РЕДАКЦИИ ШОСТАКОВИЧА НА СЦЕНЕ БОЛЬШОГО ТЕАТРА.
1997 — ПРОВОДИТ В ПЕТЕРБУРГЕ ФЕСТИВАЛЬ, ПОСВЯЩЕННЫЙ 90-ЛЕТИЮ ШОСТАКОВИЧА.

...И лишь оракул может объяснить

Борис Цейтлин: «Главное — спровоцировать фантазию зрителей»

Марина Давыдова

ДОРОГОЙ ГОСТЬ

— Если девушка выиграет конкурс красоты, у нее будет много контрактов, если фильм получает престижную премию, это способствует его прокату, а вот ты получил «Золотую маску» — и что?

— Ничего, разумеется. И дело здесь не в законе компенсации или какой-то моей личной особенности (хотя я давно заметил, что все мои успехи оборачиваются потом страшными неприятностями и проблемами), но и в том, что сама по себе премия в области театра не может иметь никакого практического значения. Театр — странная вещь. Замкнутая в себе. «Бурю» сыграли за последний год около ста раз в разных городах России и за рубежом. Это немало. Но каждое представление могут посмотреть не более 50 человек, значит, увидели спектакль не более 5000. Кино имеет другую аудиторию. Там премия двигает прокат. Конечно, у «Бури» есть приглашения на фестивали, но ведь она сама висит в воздухе. Театр в Казани сгорел. Организовать нечто независимое не получилось. Актеры разбрелись по разным городам. Правда, время от времени мы все же собираемся вместе — театральный организм каким-то чудом еще сохранился.

— То есть ты издаешь свист, и актеры прискакивают, как Конек-Горбунок, из разных городов и весей?

— Примерно так. Сейчас вот репетирую с ними «Неточку Незванову» в Театре имени Моссовета. Параллельно ставлю что-то еще, чтобы заработать деньги. За репетиции Достоевского никто, как ты понимаешь, не платит.

— Существует много разновидностей ангажированности. Можно делать спектакли, желая угодить властям, «своим», детям, можно ставить ради денег... Ты проводишь границу между «ангажированным» творчеством и тем, что для души?

— Все зависит от конкретной ситуации. Когда работаешь в стационарном театре с большой труппой, таком, например, как Казанский ТЮЗ, «ангажированность» заключается в том, что неизбежно приходится проводить репертуарную политику и ставить самые разные спектакли. Но это вовсе не означает, что один спектакль оказывается хуже другого.

Андрей Лобанов (известный режиссер-педагог 50-х, главный режиссер Театра имени Ермоловой. — **«Итоги»**) говорил, что режиссер обычно стремится выложиться на всю катушку. Но это не всегда правильно. Ведь если человек ест, то не обязательно обедает. Иногда он просто пьет чай с пирожным. Так вот, есть пьесы, которые на обед не тянут. Но чай должен быть хорошо заварен, и пирожные должны быть свежие. На практике для меня это означает, что в любом спектакле должно быть высокое качество актерской игры. Возможны колоссальная экономия постановочных средств, отсутствие грандиозной режиссерской концепции, но только не халтура в игре. Если все, что задумано мной, сыграно хорошо — спектакль получается. Если неважно — выходит ужасающее зрелище. Вообще я уверен, что театр это то, что между людьми. Между актерами на сцене, между режиссером и актерами, между ними и зрителями. Поэтому я предпочитаю работать со своими. Мне нужна такая компания, в которой не нужно ничего преодолевать. Нужен родственный способ жизни. В такой ситуации я могу предоставлять актерам полную свободу. И они не ждут подсказок, начинают придумывать. И то, что актер нашел на уровне подсознания, импровизации, потом довольно просто оправдать логически. С чужими актерами этого добиться не удается. Они говорят: «Что вы все время повторяете «Можно так, а можно и так?» Вы лучше скажите, как нужно, каков ваш замысел, и мы сыграем, как следует». А я отвечаю: «Неужели вы думаете, что у меня замысел такой мелкий, что если вы не так сыграете — он развалится. Играйте то, что вас лично трогает».

— Помнишь, в «Репетиции оркестра» Феллини пока дирижер — диктатор, все получается, а как только власть достается «коллективу» — все начинает разваливаться. Тебя это не наводит на размышления?

— Я бы сказал, что мои спектакли — это такая «антирепетиция оркестра». И «Буря», и «Неточка Незванова» — системы последовательных этюдов. Причем этюды здесь — не стадия репетиционного процесса, которая бывает почти у всех. Этюдный метод становится самодовлеющим и эстетически самоценным.

ДОСЬЕ

Борис Цейтлин

1945 — родился в Петербурге.
1973 — закончил режиссерский факультет Ленинградского института театра, музыки и кинематографии.
В 70—80-х поставил около 40 спектаклей преимущественно по пьесам Шекспира и Брехта в Красноярске, Самаре, Орле, Вологде и других провинциальных городах.
1987—1995 — главный режиссер Казанского молодежного театра.
1992 — получил госпремию за спектакль «Погром» по роману Бориса Васильева «И был вечер, и было утро...».
1996 — премия «Золотая маска» за спектакль «Буря» Казанского молодежного театра.

Мы повторяем, как заклинание, слова Станиславского о «жизни человеческого духа» и добиваемся в лучшем случае жизни человеческого тела, то есть актерской органики. Я попытался вникнуть в смысл этих слов и понял, что актер не должен играть человека, потому что автор создает не человека, а фантом. Вот этот-то фантом актер и должен максимально естественно изобразить. То есть дух должен жить. Это и есть «жизнь человеческого духа». И тогда система органики становится не органикой актера и не органикой какого-то другого человека, а органикой придуманного персонажа. Поэтому мои актеры стали говорить от себя, сочинять текст. Вот, например, сцена Фердинанда и Миранды из «Бури». Текст ее поэтичен и патетичен одновременно. Нормальный человек не может так говорить — так говорить может только Шекспир. Я решил, что актеры сначала сыграют большую импровизационную сцену, в которой попытаются выразить чувства героев своими словами. А потом, взяв книгу, они с удивлением обнаружили: все, что у них в душе, давно написано.

СЦЕНЫ ИЗ СПЕКТАКЛЯ «БУРЯ»

— Твоя задача, таким образом, заключается только в том, чтобы спровоцировать актерскую импровизацию?

— Ну, провоцирует ее увлеченность смыслом постановки. Вообще театр начинается тогда, когда кто-то, взволнованный прочитанным или пережитым, хочет рассказать об этом окружающим. Главное, что наш способ игры должен спровоцировать фантазию зрителей. Раньше я рассуждал так: у режиссера в голове возник некий образ, и с помощью художника и актеров он транслирует его зрителю. У зрителя может быть на это четыре реакции: понял — не понял, понравилось — не понравилось. А если у зрителя пробуждается собственная фантазия, тогда ему обязательно нравится, потому что возникает впечатление, что он сам многое придумал.

— Ты как-то странно пытаешься примирить собственную театральную концепцию с системой Станиславского. Они не противоречат друг другу?

— В конечном итоге нет. В конечном итоге мы говорим об одном и том же, но несколько поразному. Станиславский утверждает что театр — храм, и Богом в этом храме у него оказывается автор. Он как бы выносит его за пределы театра-храма, оставляя внутри режиссера и актеров. Но ведь и я стараюсь ставить только то, что написано, и в этом смысле никогда не подменяю автора собой. В студенческие годы меня поразила цитата из Гегеля: «Истинная оригинальность состоит в том, чтобы быть проникнуту и воодушевленну чужой идеей, основание которой составляет сюжет... И в этом смысле Шекспир, Гомер, Мольер были истинно оригинальными художниками». Я думаю, что под этими словами подписался бы и Станиславский. Удачная концепция может родиться лишь из внимательного чтения текста. На первой репетиции «Бури» я задал себе и актерам вопрос: почему Просперо не сделал бурю сам, хотя он маг, а послал Ариеля? Почему он спрашивает Ариеля, как прошла буря? Если ему это так важно, вышел бы на берег и посмотрел. У меня на это один ответ: потому что взаимоотношения Просперо и Ариеля — взаимоотношения режиссера и актера. Просперо может придумать бурю, но не может сыграть. Более того, Ариель произносит фразу ну просто из системы Станиславского: «Я был огонь, а пламя было мной», то есть говорит о том, как он замечательно перевоплотился в огонь. А у Просперо режиссерские претензии: это он своим искусством «сделал» Ариеля, кем он был до него? Так придумали мы с актерами, и все это вытекает из Шекспира. Один мой знакомый сказал, что, когда он смотрел спектакль, у него было ощущение, что в нем много отсебятины. Но, придя домой, он с удивлением обнаружил: все, что ему казалось придуманным, действительно есть у Шекпира, а все, что казалось шекспировским, — придумано. Этого я, собственно, и добиваюсь.

— А ты по молодости не был одержим идеей что-то ниспровергнуть, придумать нечто совершенно новое? Ты вступал в какие-то активные взаимоотношения с традицией?

— Я-то нет, зато она со мной вступала. Я всегда считал себя очень мирным человеком. Но окружающие с этим почему-то не соглашались. Мой педагог даже как-то раз сказала мне: «Вы, Боря, такой же плохой режиссер, как Мейерхольд».

— И тем не менее ты ощущаешь себя частью какого-либо поколения, вошедшего в театральную жизнь с системой своих идей?

— Для художника большая удача, если пик его человеческих возможностей совпадает с пиком времени. Я родился в 1945-м, и мой пик попал на конец 60-х — начало 70-х. Ну, время, известно, какое. Мне всегда казалось, что я попал в черную дыру между поколениями. К шестидесятникам не принадлежу, поскольку лет на 7—10 их моложе. А для поколения их детей — слишком стар. Когда я поступил в театральный институт (это произошло довольно поздно, мне было около 30 лет), то в Ленинграде вовсю ставил Товстоногов, в Москве были Эфрос, Таганка, «Современник». И всякий раз, идя в институт, я думал, что меня выгонят, потому что вокруг режиссеры, а я-то кто? А потом они постепенно все умерли. Так что вроде и я оказался режиссером.

— В финале твоего спектакля Просперо-режиссер дает Ариелю свободу и, следовательно, остается одинок. Ты примерял такую ситуацию на себя?

— Когда я делал финал «Бури», то искренне думал, что больше ничего никогда не поставлю. Просперо говорит: я поеду в Милан и буду на досуге размышлять о смерти. Вот и я думал, что брошу все и буду размышлять о том же самом. Но жизнь продолжается, и с людьми невозможно расстаться. Мой художник посмотрел недавно этюды по Достоевскому и говорит: ничего менять нельзя — они же живые, родные. Нельзя же бросить родных.

— Мелодраматический, банальный вопрос. Что тебе надо, чтобы почувствовать себя счастливым?

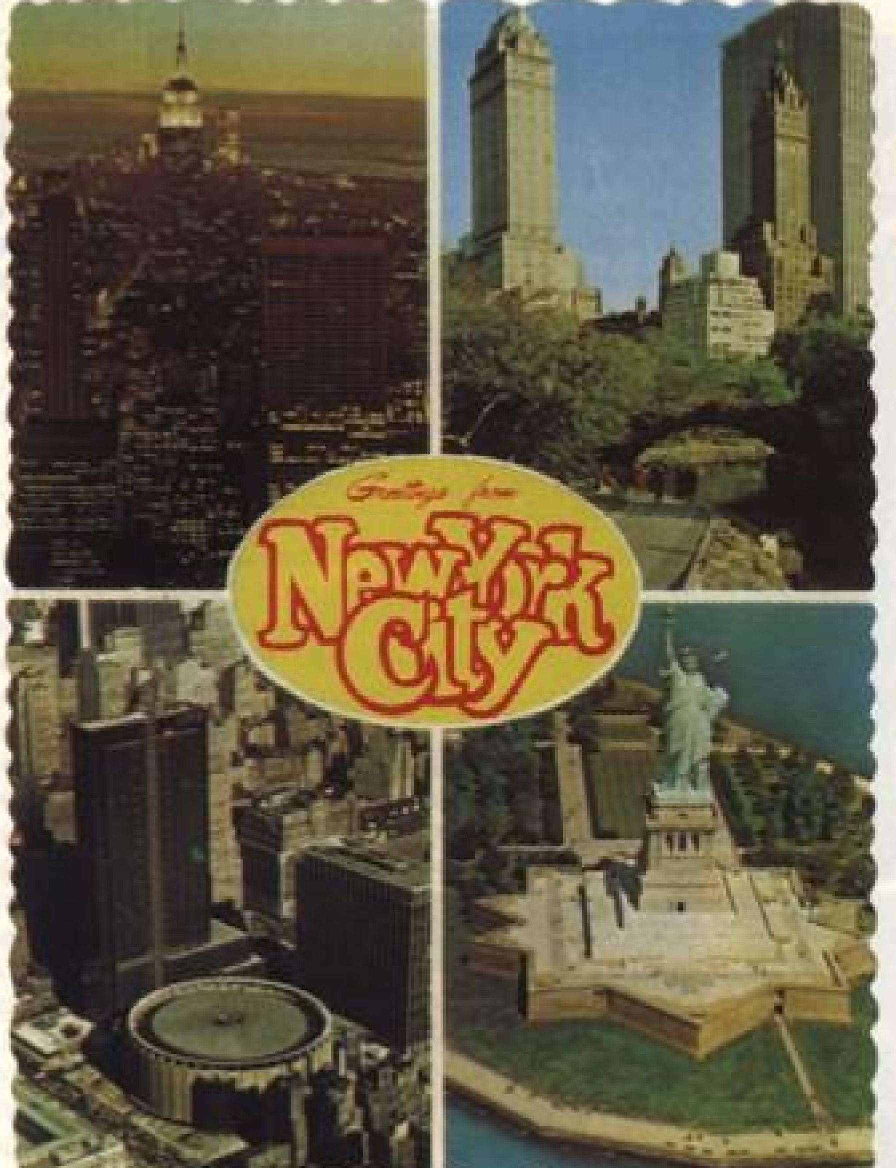
— Всегда, когда речь заходит о счастье, мысли уходят в прошлое. Просто потому, что впереди — неизвестность. Сейчас мне кажется, что самым хорошим временем было начало репетиций «Бури». Попытка вернуть прошлое и тем самым вернуть счастье есть, кстати, и в спектакле, в самом его финале. Еще никто никого не убил, еще все молодые и елка горит. «Как дети бродим в чудном лабиринте, и лишь оракул может объяснить». ■

Uncle Dick, или Образ Дяди в отечественной словесности

В журнале «Знамя» вышла повесть Семена Файбисовича

Лев Рубинштейн

БИБЛИОТЕКА

Образ самого главного русского дяди, заманчиво анонсированный в самом начале самого главного русского Романа, но оставшийся недоразвитым, в виде многочисленных инкарнаций пошел гулять по родной литературе. Образ аутентичного — онегинского дяди довел до логического предела Дмитрий Александрович Пригов. «А мой дядя самых честных правил», — сообщил поэт в первой фразе одной из своих лучших азбук. «Я — дядя самых честных правил», — закрыв тему, объявил он в конце той же азбуки.

Виктор Шкловский утверждал, что при смене литературных стилей наследство передается не от отца к сыну, а от дяди к племяннику. Дядя Адик — главный герой нового сочинения Семена Файбисовича, давший свое имя и всей книге, — это не тот дядя, чей капитал наследует и либо преумножает, либо проматывает благодарный племянник. Дядя Адик Семена Файбисовича — это квинтэссенция всего того, от чего со всем возможным темпераментом отталкивается второй главный герой книги — автор. Бродячий литературный Дядя обернулся Антидядей, что особенно интересно, если учитывать, что дядя Адик, судя по всему, лицо как раз не литературное, а реальное. Похоже на то, что письма дяди Адика из Америки, которые и составляют основной фактурный массив текста, подлинные, а не сочиненные автором. Я пишу «судя по всему» и «похоже на то» вовсе не потому, что сам не знаю о том, настоящий ли дядя с его письмами. Я-то, будучи с автором близко знаком, как раз знаю. Но не скажу. Мне кажется существенным этот мерцательный эффект: то ли автор столь умело пользуется техникой реди-мейд, то ли он такой тонкий стилизатор.

По жанру «Дядя Адик» ближе всего к модному сегодня нон-фикшн. «Реальные» письма чередуются с авторскими комментариями, воспоминаниями, эссеобразными фрагментами о языке, об архитектуре, о художественной жизни Нью-Йорка — о чем угодно. Эти фрагменты всегда занимательны, не всегда беспристрастны, всегда искренни, не всегда убедительны. Всегда интересны.

Существенно важным для понимания мне представляется то, что проза Файбисовича — это не проза прозаика. Файбисович — художник. Причудливые изгибы и перепады его художнической судьбы нашли в тексте свое достойное место. Его занятия прозой и публицистикой могут быть восприняты наиболее адекватно в контексте его же художественной практики. Как, впрочем, и наоборот, ибо в своих прозаических занятиях он в той же мере художник, как и прозаик в изобразительном искусстве.

Язык авторских комментариев, разных попутных историй и «рассуждизмов» — это как бы «никакой» язык. Это тот язык, на котором рассказывают или рассуждают за столом или по телефону. Автор явно и успешно избегает «образности», а там, где не избегает, там и теряет в убедительности.

Язык и стиль Адиковых писем никакому описанию не поддается вообще. Это надо читать. В середине чтения рукописи я написал автору короткое письмо. Начиналось оно так (орфография и пунктуация мои): «Дорогой Сема! Мне так понравились твои Uncle Dick's Letters, что я громко хохотал в вагоне метро в которым я ехал на мою работу, находящиюся на станции метро «Войковская», где я работаю возле метро. Когда я читал эти писма я громко смеялся, так как они очень смешные и другие пасажиры метро на меня СМОТРЕЛИ». Невероятно соблазнителен для подражания стиль этих дивных писем то ли реального, то ли придуманного Адика, уехавшего в Америку еще где-то в 70-е годы. Писем, описывающих то политические события, то новости культурной жизни и постоянно — неправдоподобно ослепительную карьеру по-детски самовлюбленного корреспондента — с их волшебными синтаксисом, орфографией, пунктуацией и другими «высокими художественными особенностями».

Композиция текста может показаться несколько аморфной. Однако при чтении быстро смиряешься с неритмичностью переключения тематических или стилевых регистров. Понимаешь: не в этом дело. Текстообразующим началом выступает не структура, а скорее фактура. Чтение вообще несколько напоминает финскую баню, где сухой пар авторского текста сменяется бассейном, заполненным письмами североамериканского дяди.

Трудно прогнозировать судьбу этой вещи. Критик, мыслящий категориями столбовых дорог, ее скорее всего не заметит. А заметит — так обругает. Это и хорошо. Это хоть и не самый надежный, но все же признак жизнеспособности. Любителю психоаналитических ребусов, боюсь, тут тоже нечего делать. Все взаимоотношения с близкими даже не то что никак не закамуфлированы, но, напротив, артикулированы с предельной, отчасти шокирующей беспощадностью, которую не искупает, а лишь странным образом усиливает мощная кода последних страниц — мотив смерти, мотив примирения.

Невозможно хоть как-то оценить новую вещь, не поместив ее в культурный контекст, не выстроив для нее ряда, в котором она занимала бы свое место.

Если говорить о рядах «подобия», то мне кажется наиболее продуктивным рассматривать прозу Файбисовича в ряду тех художественных явлений, над которыми постоянно витает жирный вопросительный знак: проза ли это? поэзия ли это? искусство ли это? Ибо, как я убежден, пускаться сегодня в художественную практику уместно лишь, всякий раз заново ставя и решая вопрос: что такое проза? что такое поэзия? что такое искусство?

Что касается критериев... Я, например, читая рукопись в метро (см. выше), два раза проехал свою остановку. Это ли не критерий?

Итак, «Дядя Адик/Uncle Dick» — новый Дядя российской словесности. ■

Бергмана так и не покажут в Лужниках

Ретроспектива фильмов шведского режиссера в Музее кино

Андрей Плахов

КУЛЬТУРНЫЙ ГЕРОЙ

ПЕРЕСТАВ К СЕРЕДИНЕ 80-Х СНИМАТЬ ФИЛЬМЫ, **ИНГМАР БЕРГМАН** ПРОДОЛЖАЕТ СТАВИТЬ СПЕКТАКЛИ. В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ОН НАМЕРЕН ОКОНЧАТЕЛЬНО УДАЛИТЬСЯ ОТ РЕЖИССЕРСКИХ ДЕЛ

Бергмановский сезон начался в России еще летом прошлого года: тогда в Петербурге устроили мини-ретроспективу его самых знаменитых картин (озаглавив ее «Женщины, демоны, скоморохи»), вышел большой «бергмановский» номер журнала «Сеанс», а несколько фильмов Бергмана показали по разным телеканалам. И вот кульминация: в марте впервые в России проходит большая киноретроспектива мастера. Ее можно было бы назвать полной, если бы несколько фильмов не выпало по чисто техническим причинам, а сам Бергман не запретил показывать где бы то ни было снятый в 1950 году «антисоветский» триллер «Такого здесь не бывает».

Смысл акции, устроенной Музеем кино, вовсе не в запоздалом жесте признания мирового классика. Судьба Бергмана в России настолько исключительна и многострадальна, что банального хеппи-энда быть попросту не может. Такой хеппи-энд организовали в Америке, где Великого Шведа сначала не замечали, зато потом враз сделали полпредом интеллектуальной Европы, забросали «Оскарами» и упреками феминисток. Недавно по всем Штатам прошел фестиваль бергмановских спектаклей и фильмов. Прошел с триумфом и на самом высоком уровне, не только художественном, но и организационном: чуть ли не под патронажем американского президента и шведского короля.

У нас Бергман был фигурой даже не символической, а мифологической. Таким в конце концов он стал и в Швеции (но лишь после того, как снял «Фанни и Александр»). Там о Бергмане можно говорить не только с его ближайшим окружением или со специалистами-киноведами, но и с самыми обыкновенными людьми. Для всех них, пусть и в разной мере, он — великолепный монстр, священное чудовище, живущее на своем острове, чуть ли не в пещере, и почти не выходящее к людям. (Остров называется Форё и находится в военной зоне. Ходят легенды, что туда не пустили желавших выразить Бергману свое восхищение Анджея Вайду, Вуди Алена и Тарковского.) Чудовище это не всегда понятное и приятное, но власть культурного патриарха нации ощущает каждый. Когда заговариваешь о возможности личного контакта с Бергманом, любой собеседник начинает испуганно озираться, как будто его уличили в преступном сговоре.

С уходом Бергмана из кинематографа ощущение его вездесущности лишь усилилось. Не снимая больше сам, он дал импульс к созданию целой обоймы фильмов в Швеции и сопредельных странах. Это экранизации мемуаров о бергмановских родителях, сделанные датчанином Билле Аугустом, норвежкой Лив Ульман (звездой и большой любовью Бергмана), а также его сыном Даниэлем. Это документальные фильмы о Бергмане (один из них, снятый его учеником финном Йорном Доннером, был показан на открытии московской ретроспективы). Это режиссерские работы главных соратников Бергмана: оператора Свена Нюквиста, актеров Эрланда Йозефсона и Макса фон Зюдова. Все это фирменные продукты бергмановской «семьи и школы». Не зря самих режиссеров окрестили «бергманоидами».

Суровая нордическая земля Бергмана (витающая в экзистенциальном Космосе планета) окружена сателлитами из его жен, любовниц, детей — настоящих и метафорических, из призраков его родителей. Фильмы-«бергманоиды» более приземленны, не столь мифологичны, не затронуты холодком запредельности. Но вот в Музее кино показали две бергмановских короткометражки: «Даниэль» — лирическую хронику жизни сына Бергмана в возрасте от года до двух и «Лицо Карин» — лирическую хронику жизни матери Бергмана на протяжении нескольких десятилетий. Как будто бы непритязательные зарисовки из домашнего альбома стали шоком для понимающей публики. Фактура человеческого лица — будь то младенец или старуха — и впрямь подобна пейзажу целой планеты: таинственна, божественна и неповторима. А возникающие рифмы, повторы имеют не бытовой — мистический смысл. Те же судьбы, те же сюжеты, возвращаясь к Бергману, опять обретают величие мифа, а простые шведы становятся обобщенными культурными героями широко понятой современности.

Зато именно благодаря постбергмановской серии окончательно оформилось открытое Бергманом единое природное и культурное пространство. В него входят и Швеция, и Норвегия, и Дания, и Финляндия, и даже отчасти бывшая советская Прибалтика. Но одна ветвь «древа Бергмана» отклонилась далеко на восток от Балтийского моря.

Сюжет «Бергман и Россия» неизбежно переходит в другой — «Бергман и Советский Союз». Именно в этой стране чудес единственным фильмом Бергмана, официально выпущенным в прокат, на протяжении двух десятков лет оставалась «Земляничная поляна». План по Бергману считался выполненным, в любом отчете можно было сказать: лучшее уже куплено.

«ШЕПОТЫ И КРИК»

Возвращаясь с Каннского фестиваля, советские кинокритики поливали грязью чистейший бергмановский «Источник», а по поводу «Молчания» писали: «Какую же мерзкую химеру молчания прилепил сейчас Бергман к возводимому коллективно зданию искусства? Или это не химера, а гнилая балка, грозящая обвалом всему своду?» Журнал «Огонек» так описывал знаменитую Неделю шведского кино, ставшую главным интеллектуальным событием 1965 года: «Обняв девушку за хрупкие плечи, из кинотеатра выходит парень.

— Тоска-то на душе какая! — говорит она.

— Да уж, — соглашается он, — глаза бы не глядели!.. Выпить, что ли...

Они... смотрели «Лицо» Бергмана на Неделе шведских фильмов...»

Но именно у нас существовал тогда немыслимый больше нигде культ Бергмана, порой напоминавший паранойю или извращение. В 70-е годы уже не обязательно было ездить в Варшаву, чтобы посмотреть некоторые ключевые фильмы режиссера: «Персону», «Шепоты и крик». Они показывались на закрытых просмотрах, слывших едва ли не главными развлечениями тогдашней московской жизни. Однако некоторые фильмы — к ним относилось «Молчание» — не попадали и на такие просмотры, хотя ни для кого не было секретом, что они имелись в Комитете по кинематографии. Имелись, но числились принадлежностью особого «морального спецхрана» — как и «Дневная красавица» Бунюэля и еще немало кинолент крупнейших мастеров. Эти фильмы скрывали за семью печатями даже от глаз специалистов-киноведов. Зато, как гласили московские легенды, фильмы того же Бергмана или Пазолини крутились для курировавших учреждения культуры сотрудников КГБ или для рабочих, которые отделывали начальственные кабинеты. Крутились в качестве порнографии.

Знай об этом Бергман, он был бы сильно озадачен. Но еще более странно, что ему — уже в весьма почтенном возрасте — пришлось выступить на российской сцене в роли «ветра перемен». Рухнула советская идеология — и вдруг вспыхнули интеллигентские иллюзии, будто освобожденная от цензуры публика жаждет исключительно Бергмана. А если и не жаждет, то ей все равно следует предложить его вместо Бондарчука.

В начале перестройки ко мне подошел боявшийся отстать от паровоза, но не желавший и обогнать его главный цензор кинопроката. Он хотел посоветоваться: как выпускать на экраны фильм «Фанни и Александр». «Я понимаю, — говорил он, — Бергман — великий художник, и его нельзя редактировать. Но вы помните, какие там постельные сцены? Ну одну еще можно пропустить, где нормально, ну другую, с грехом пополам, тоже можно. Но вот там, где он ее сзади...» На лице цензора было написано искреннее страдание. Этим крупным планом я бы завершил многосерийный фильм «Бергман и советская цензура».

Но параллельно ему развивался другой сериал: «Бергман — культурный герой русского мифа». Не раз в России ожидали самого Бергмана, а когда он в очередной раз не приезжал, ссылались то на влияние его жены-эстонки, то на какие-то другие причины. В итоге Бергман превратился в полуреального, почти литературного персонажа, соединившего в себе Ибсена, Стриндберга и Чехова. Трудно назвать крупного российского режиссера, который избежал бы влияния Бергмана. И чем режиссер крупнее, тем влияние очевиднее. Отдельный увлекательный сюжет — Бергман и Тарковский, их отношения между собой и с Богом, перекличка «Иванова детства» с «Земляничной поляной», следы «Седьмой печати» в «Рублеве» и отражение «Персоны» в «Зеркале». Но не менее интересны «бергманизмы» в творчестве Глеба Панфилова или такого, казалось бы, далекого от Бергмана автора, как Вадим Абдрашитов. Или лидеров «ленинградской школы» — от Козинцева и Хейфица до Германа и Сокурова. И самого «бергмановского» из всех — Ильи Авербаха.

Прошли годы, и Бергман с его экзистенциальными вопросами начал выходить из моды. Панфилов вспоминает, как на просмотре «Сцен из семейной жизни» он спорил с Александром Миттой — одним из первых идеологов «зрелищного постмодернизма». «Какая скукота!» — говорил Митта. «Что ты! — возражал Панфилов. — Это так захватывающе!» Но теперь признается: «Этот просмотр словно сглазил моего Бергмана».

Интерес к Бергману не исчез, но изменил свою природу. Ушло ощущение 60-х, когда в цене было все духовное и серьезное. Со временем Бергман стал казаться чересчур суровым и мрачным, черной дырой, которая поглощает энергию. Даже не верящая в прогресс Кира Муратова — и та признается, что разлюбила Бергмана так же, как вообще разлюбила Большое Кино, где есть глобальные конструкции, которые в финале приводят к просветлению (или наоборот). Теперь ей не хватает в Бергмане варварства.

И вот нет ни Большого Кино, ни элитарного, зато варварства навалом. А нынешняя бергмановская ретроспектива — не хеппи-энд и не катарсис. Она — закономерный финал краха двух мифов: о культуре как достоянии народа и культуре как прерогативе интеллектуалов. Казалось, стоит упразднить ЦК КПСС, и Бергмана можно будет с аншлагом крутить хоть во Дворце съездов. Или в Лужниках.

Сегодня его показывают в двух небольших залах Музея кино, и заполняющие это пространство триста человек, в основном молодежь, и есть вся «интеллектуальная Москва», в которой можно даже узнать несколько знакомых лиц. ■

Про Бергмана и Линдгрен

Еще одна реплика на тему «Бергман в России»

Юрий Гладильщиков

СООБРАЖЕНИЯ

«ФАННИ И АЛЕКСАНДР»

Заглатывая Ингмара Бергмана (его фильмы в Музее кино, его мемуары под названием «Картины», напечатанные в 1993 году «Искусством кино», etc), начинаешь думать о странно-уникальном значении Швеции для мировой культуры. Конечно, писатель и режиссер Ингмар Бергман мог появиться только там. Астрид Линдгрен со всеми своими Карлсонами и Эмилями из Лённеберги — исключительно тамошняя тоже.

Швеция (наряду со Швейцарией) — самая добропорядочная и мирная страна Европы. Не воевала почти два столетия. Не переживала революций, голода, серьезных катаклизмов. Швеция (к тому же) — страна провинциальная, окраинная, замкнутая на себе. Новые шведы, помешанные на деньгах и Америке, зародились лишь в 60–70-е. Большинство населения сидит по хуторам и маленьким городкам и никогда не бывало в Стокгольме: известно, что родители теннисиста-миллионера Стефана Эдберга недавно посетили Стокгольм первый раз в жизни.

Поэтому шведы, как никакие другие европейцы, болезненно замкнуты на понятиях «дом», «семья», «мать», «отец», «брат», «сестра», «Бог», «брак», «любовь», «смерть». Весь смысл жизни — через Бога и семью. Все трагедии — во взаимоотношениях с Богом и семьей. Беспредельность мира, космизм — в семье. Семья как планета. Семья как черная дыра. Где еще создавались произведения, посвященные, к примеру, нервным страшным взаимоотношениям сестер: их похожести, взаимоотражению, их ненависти друг к другу — короче, посвященные диалектике тесного сестринства? Кого еще постоянно мучили сцены из супружеской жизни? Бергмана, кого же еще.

У Астрид Линдгрен тоже все через семью. Романтика у Линдгрен — в освобождении мальчика (девочки) от семьи, в том, что рядом есть некто (странный, сказочный: Пеппи, Карлсон), благодаря кому стены ломаются, двери отворяются, заборы опрокидываются, а родительский авторитет несет убыток.

Занятно, что провинциальная Россия была примерно такой же. Не случись пришедшей из столиц русской революции, две окраины Европы (Швеция и Россия) оказались бы в XX веке во многом схожи. Не где-нибудь, а именно в русской литературе XIX века можно найти аналогии творениям Бергмана — в той литературе, которая живописала (и обличала) провинцию, драмы за высокими заборами, трагедии в скрытых от чужого взора гостиных. Принято считать, что Бергман — родственник Чехова. Но ближе всего Бергману Островский. Причем в «Грозе». Островский — это Бергман вчера. Разница объясняется лишь тем, что Бергман жил в том веке, который читал Фрейда, философов-экзистенциалистов и имел иные представления о табу. ■

Когда фотография была медленнее пули

«Крымская война: 1853—1856. Героическая оборона Севастополя. Первые фоторепортажи» в Малом Манеже

Екатерина Деготь

ИСТОРИЯ

На выставке, подготовленной новым столичным музеем — Московским домом фотографии, представлены уникальные снимки из собрания парижского Музея армии и частного собрания Гарри Ланна (Нью-Йорк). Куратор Ольга Свиблова добавила к ним фотографии из Исторического музея, Российской государственной библиотеки и Национальной российской библиотеки в Санкт-Петербурге, а также из отечественных частных собраний. Несмотря на некоторые заявления патрона выставки — столичного мэра, выставка эта не политическая. Теперешний рядовой зритель не сразу вспомнит, кто тогда с кем воевал (вначале Россия с Турцией, а затем к последней присоединились союзники — Англия, Франция и Сардинское королевство). Более того, даже исторической ее назвать трудно. Захватывает она тем, что представляет скорее историю написания истории — одно из главных приключений XIX столетия.

Крымская война, как ее называют в России, или Восточная, как ее помнят в Европе, радикально не перекроила политическую карту мира. Она совершила нечто другое и, в исторической перспективе, большее — изменила само представление о карте, документе, свидетельстве. Это была первая в мире война, запечатленная при помощи фотографии. С этого момента — и навсегда — последствия далеких войн стали являться европейскому наблюдателю не только в изменениях условных границ на карте, но и в образах разрушений и убийств, картинах ужасающе и по-новому реальных. К началу кампании фототехнике исполнилось всего пятнадцать лет, и она еще казалась чудом. Снимки мертвых тел в эти годы крайне редки (на московской выставке их вовсе нет) именно потому, что они были слишком сильным свидетельством. А война эта стала едва ли не самой кровавой в XIX веке в силу того, что она была первой войной по-настоящему технологической.

В эти годы феномен рассказа о войне постепенно уступает место феномену ее показа — фоторепортажу. Но уже по той исключительной роли, которую сыграли в русской культуре «Севастопольские рассказы» Толстого, видно, что и в этот момент рассказ в России своих позиций не сдал. Проявляется ли в этом повествовательность русской культуры, слабость фототехники или предчувствие своего поражения, но больших фоторепортажей о Крымской войне в России не было. Русская часть выставки представляет в основном портреты офицеров — участников кампании, сделанные уже позднее в модном ателье Левицкого в Петербурге: частные документы, а не плоды государственного заказа, как это имело место в английском и французском случае, когда предпринимались специальные фотоэкспедиции. Крымскую войну документировали почти исключительно будущие победители, и этого нельзя не учитывать, глядя на величественные панорамы Севастополя и Балаклавской бухты, снятые с подчеркнуто высокой точки. Уже при своем рождении фотография была (и, конечно, остается и сейчас) отнюдь не нейтральным свидетельством, но взглядом, осуществляющим власть и контроль, поэтому сплетение судеб фотографий с войнами является чем-то большим, нежели историческое совпадение.

МОСКОВСКИЙ ДОМ ФОТОГРАФИИ

СЕВАСТОПОЛЬ: ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ. ФОТОГРАФИЯ ЛЕОНА-ЭЖЕНА МЕХЕДЕНА (1829—1905; СПЕЦИАЛИЗИРОВАЛСЯ НА СОЗДАНИИ ГИГАНТСКИХ ПАНОРАМ ЭКЗОТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ КОЛОНИЗОВАННЫХ СТРАН). МУЗЕЙ АРМИИ (ПАРИЖ)

Крымская война породила первые в истории человечества снимки, на которые была возложена политическая ответственность, и возложена не потомками (так археолог наделяет исторической ролью и целью случайный черепок), а современниками. Первые в мире фоторепортеры — знаменитый впоследствии Роджер Фентон (1819—1869), основатель Лондонского фотографического клуба и Королевского фотографического общества, и Джеймс Робертсон (1813—1881) — были посланы на фронт английской королевой Викторией с целью противопоставить газетному мнению о кровавой жестокости войны документальное свидетельство ее цивилизованного характера, то есть с целью исключительно пропагандистской. За ними последовали фотографы французские, многие из которых были одновременно батальными живописцами — Жан-Шарлю Ланглуа (1789—1870), Анри Дюран-Браже (1814—1879).

Репортажными эти снимки можно назвать лишь с определенными оговорками. Сегодняшняя техника практически полностью освободила фотографа и позволила ему сосредоточиться на оптике своего взгляда, но в XIX веке для фотографии была важна не оптика, а химия — проблемой была фиксация изображения. И какие бы химико-технологические новинки ни применялись, любая из них ставила фотографа перед необходимостью ждать. Негативы из вощеного ватмана требовали очень долгой, иногда четырехчасовой выдержки, стеклянные пластины, покрытые раствором мокрого коллодия, позволяли сократить экспозицию до нескольких секунд, но раствор быстро высыхал, его надо было готовить заново, пластины царапались, а обоз фотографа становился столь громоздким и заметным, что о мобильности (и приближении к линии фронта) не могло быть и речи. Поэтому фотографии времен Крымской войны никогда не делались во время события — всегда лишь по его следам, что и придает им весомость вывода. Мы не видим трупов, но руины Севастополя и опустевшие батареи достаточно красноречивы сами по себе.

Сегодня мы склонны воспринимать любые старые снимки, особенно с изображениями руин, в сентиментальном ключе — как знаки утрат. Требуется некоторое усилие, чтобы увидеть в крымских репортажах англичан и французов тот сугубо победительный смысл, который в них вкладывался и который стал причиной их большого коммерческого успеха (снимки предназначались для альбомов, распространявшихся по подписке).

Впрочем, вопреки воле авторов и заказчиков фотография была способна порождать совсем иное, неблагоприятное общественное мнение. С самого рождения ею пользовались как инструментом манипуляции, но это же делало ее открытой для интерпретаций. Именно эта «природная» готовность стать предметом дискуссии и делает любую фотографию XIX века значительно более актуальной, чем современная ей живопись, даже на те же сюжеты. Вряд ли акварельные виды Севастополя смогли бы спровоцировать сегодняшних политиков на рискованные суждения. ■

ДЖУЛИЯ МАРГАРЕТ КАМЕРОН. ДЕВУШКИ СРЕДИ БУТОНОВ РОЗ. 1868

Алиса как нищенка, Россетти как Аведон

Библиотека иностранной литературы и Британский совет представляют выставку «Прерафаэлизм в искусстве фотографии и в поэзии»

Никита Шустов

ЖЕНЩИНЫ

Выставка, организованная ВГБИЛ совместно с Британским советом, — первое в России явление прерафаэлитов. Картин здесь, правда, нет, но зато есть 76 фотографий, весьма близких им по духу. Это десять портретов Джейн Моррис, героини знаменитых картин Данте Габриэля Россетти; снимки, сделанные Льюисом Кэрроллом (в том числе «Алиса Лидделл как нищенка» — та самая Алиса, которой посвящена сказка); работы одного из самых известных английских фотографов Роджера Фентона, а также изысканные «постановки» Джулии Маргарет Камерон...

Выставка, о которой так долго мечтает Волхонка, все откладывается, книг по-прежнему нет (хотя диссертации и дипломы на эту тему активно пишутся), единственная монография — «Романтизм в английском искусстве» Екатерины Некрасовой — давно стала библиографической редкостью. Правда, в издательстве «Слика» вышел недавно альбом «Прерафаэлиты», но там всего семь картин Россетти, не самый удачный Миллес, отсутствуют «Beata Beatrix» и «Любовь Данте»...

Но главное, чего там не хватает, — это, конечно, женщин. А ведь ни в чем другом прерафаэлиты не были так настойчивы, как в утверждении собственного женского идеала. Они и в истории остались (что бы там ни говорили искусствоведы) прежде всего благодаря своим женщинам.

Мальчишки, карбонарии, конспираторы — они любили их так яростно, что не могли писать ничего другого. «Женщины, женщины и женщины, — гневался наш Стасов на Берн-Джонса, — мужчины у него являются лишь редко, по внешнему виду не имеют ничего характерного, ни жизненного, ни интеллектуального, а существуют, явным образом, только для того, чтоб обниматься, целоваться и быть влюбленными...»

Похоронив Элизабет Сиддаль, вождь прерафаэлитов страдал семь лет. Пока не влюбился в жену своего друга Уильяма Морриса. Джейн так напоминала Лиз, что даже Стасов не разобрался в «подмене» и был убежден, что до конца жизни Россетти писал все ту же тяжеловекую девушку. Красоту новой музы оценил Генри Джеймс: «Трудно сказать, является ли она великим синтезом всех когда-либо написанных прерафаэлитских картин — или они лишь «яркий анализ» ее, является ли она оригиналом или копией. Во всяком случае, она чудо».

Он попал в точку. Россетти не отображал мир; он ткал свой собственный — с уверенностью Карла Лагерфельда. Подобно модельеру, создавал образ, в который одевал возлюбленную. Череда красавиц — как будто на подиуме. Но Джирландата на одно лицо с Вероникой, а леди Лилит — с донной делла Фьямма. Обобщая, вытачивая женский образ по своему лекалу, Россетти открывал путь модерну. Мифологизируя сюжет, засыпая картину розами, голубками и ангелами — символизму («Россетти был первый символист, он же и мистик», — сформулировал Игорь Грабарь).

Но прерафаэлиты оказались провозвестниками и другого: художественной фотографии. Казалось бы, в «типовом проекте» Россетти фотографии уготовано соответствующее место, но в представленных на выставке снимках из коллекции Британского совета нет умаления «ауры», о чем так беспокоился Вальтер Беньямин, когда писал о судьбе искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Наоборот, в этих туманных, элегических снимках фотография еще мало отличается от живописи: классическая композиция, вполне рембрандтовская светопись, мастерски созданное настроение.

Достаточно сравнить фотографии Эмили Флеге, музы Густава Климта, с ее знаменитыми портретами, чтобы увидеть, как художник волею творца удлиняет фигуру, вытягивает пальцы, шею, покой раскрашивает нервозностью, улыбку кривит сомненьем...

Вообще, женщина модерна — мистификация, плод воображения художников. И только прерафаэлиты оказываются честны перед судом истории: их женщины действительно были такими, какими остались в искусстве. ■

Фото предоставлено Британским советом

История Генриха Шлимана, пересказанная для детей во всех подробностях, увлекательна и поучительна. Перебрав множество занятий и разбогатев, Шлиман уже в солидном возрасте почувствовал себя кладоискателем и решил найти Трою. О чем мечтал с детства, читая Гомера и Вергилия. Цитаты из Гомера и Вергилия прилагаются, как и фрагменты дневников Шлимана и авторский пересказ событий Троянской войны. По тексту и оформлению книга ориентирована на очень широкую детскую аудиторию — начиная с младших школьников, которым интереснее всего будут мифы и цветные рисунки Пьера Серджо Аллеви, и заканчивая юными археологами, любителями древней истории, для которых любопытнее окажутся старые фотографии и золотые находки Шлимана из «Клада Приама». Красочный комикс и почти серьезный каталог. Две книги в одной. Очень практично для семей с двумя разновозрастными детьми.

Ирина Захарова
«Я хочу найти Трою»
Генрих Шлиман
М.:ГМИИ имени А.С. Пушкина, Леонардо Арте, 1996

Книжка и сделана по детской логике. Как дети, не слушая, перебивают друг друга, стремясь рассказать о чем-то своем, так и авторское повествование о Шлимане перемежается сценами троянских баталий, рассказом о суде Париса и словами самого Шлимана. Логика подбора иллюстраций тоже не всегда очевидна. Средь греческих ваз и современных рисунков помещается вдруг миниатюра XV века с изображением Гамбурга — города, где Шлиман действительно жил, но четыре века спустя.

Впрочем, книжка-картинка об античной археологии весьма уместна и полезна. Пока взрослые пленяются золотом в витринах на выставке Шлимана в Пушкинском музее в Москве, дети учатся мечтать.

Николай Молок

Девочка путешествует по Эрмитажу в компании ожившего сфинкса — того самого изваяния, которое стоит у Академии художеств. Взрослые наивно считают, что он каменный, а дети-то знают, что он просто замер, потому что у него такая работа. Но даже не все дети догадываются, что сфинкс очень много знает об искусстве, причем не только древнеегипетском.

Е.А. Валова-Шамшурина
Прогулки со сфинксом. Эрмитаж
Санкт-Петербург: Лимбус Пресс, 1996

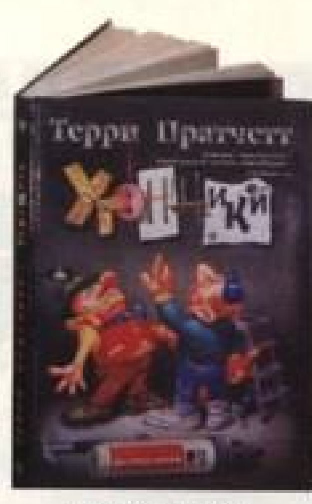
Сфинкс удивительно изменчив, многолик и изобретателен: он то шутит, то хмурится, то заключает пари, то гадает на тысячелистнике. Лишь под самый конец становится ясно, что мудрый сфинкс — не что иное, как собирательный образ музейных хранителей. Именно поэтому так много и знает.

Детский иллюстрированный путеводитель по музею тщательно и умело замаскирован под сказку, написанную как подражание «Алисе в стране чудес», с массой увлекательных историй о картинах, занятных ситуаций, в которые девочка попадает вместе со сфинксом, разнообразных превращений (в английском зале сфинкс, естественно, становится Чеширским Котом) и диалогов.

Книга незаметно и ненавязчиво, в форме игры, сообщает массу полезных сведений. Хотя она и предназначена «для младшего и среднего школьного возраста», но лучше всего подойдет для семейного чтения. Только прежде, чем читать ее своему чаду, загляните в словари терминов и имен в конце книги, чтобы, путешествуя по страницам вместе с ребенком, суметь убедительно сыграть роль всезнайки-сфинкса.

Н.М.

Эти три книги в том числе и для детей. Но не для самых маленьких и не для таких, какими были мы. А для нынешних. Тех, которые хорошо знакомы с английской детской литературой и способны распознать многочисленные скрытые и явные цитаты, аллюзии, отсылки. (А заодно и понять, что переводчик, как ни старался, оказался бессилен в таком, например, эпизоде: «Здесь почему-то все едут нам навстречу! Очевидно, *правильная* сторона — левая...») Это во-первых. Во-вторых, они прекрасно знают, что такое эпос, поскольку скрупулезнейшим образом проштудировали Толкиена. И в-третьих, став постарше, эти детишки утратили простодушное доверие к сказке, но тем не менее сохранили способность азартно «вживаться» в любую искусственную «реальность», поскольку не один месяц в общей сложности провели за компьютером, за Warcraft или Goblins. Эти три условия, разумеется, не обязательны, но желательны: читать будет интереснее и смешнее.

Терри Пратчетт
Угонщики. Землекопы. Крылья
Фантастические повести. Трилогия. М.: Центрполиграф, 1996

Трилогия повествует еще об одном «малом народце» — о номах. Ростом они дюйма четыре, а десять лет для них очень почтенный возраст. О своей истории, о прошлой жизни на иной планете им известно весьма смутно, а на нынешний момент они обосновались в Универсальном Магазине Арнольда. Но конец света — закрытие Магазина — неминуем. Спасителем является к номам их сородич Масклин. Под его предводительством номы всем скопом захватывают грузовик, угоняют его, управляя с помощью веревок, и оказываются Снаружи как раз в тот момент, когда в магазине вспыхивает пожар. Это сюжет книги «Угонщики», первой книги трилогии.

Во второй книге — «Землекопы» — номы добираются до заброшенной каменоломни и обживают ее, но люди возвращаются, и номам приходится вести с ними невидимую войну. А в «Крыльях» три нома, добравшись до Флориды, умудряются вызвать с орбиты прежний свой космический корабль. И номы отправляются на нем на историческую родину. Но не все — на земле их по-прежнему немало. Не замечаем мы их потому, что, как водится, слепы и глухи.

В последней книге трилогии появляются среди действующих лиц еще и лягушки. Они живут в Бразилии на деревьях — в цветах, где скапливается влага. И кроме этих цветов ничего не знают. По большому счету все земные существа заняты одним и тем же: познают мир, в котором, сами знаете, много миров: «Лягушка... смутно сознавала необходимость нового восприятия мира.

В мире, где она жила, была лужица в окружении лепестков. Это был один мир.

Но за веткой лежал еще один мир. Он мучительно походил на покинутый ею цветок. Еще один мир.

Лягушка присела на мшистой кочке и развела глаза в разные стороны так, чтобы видеть одновременно оба мира.

Один и один.

Лягушка сморщила лоб в напряженном размышлении...»

Такие вот россказни. А за ними угадываются Священное Писание, вся великая английская литература, эпическая традиция, фантастические повествования о пришельцах и о путешествиях в другие миры, жанр катастроф, сборники афоризмов, наконец. Но хотя смешиваются самые разные краски, серого цвета, как при пластилиновых работах, не получается: выручают чисто английские юмор и стиль.

Не могу сказать, что у меня нет претензий к издателям этих книг: не унифицированы реалии, переведенные разными переводчиками, у всех трех книг одна и та же обложка, формат такой, что не помещается ни в одну полку... Но победителей не судят: нас познакомили с не известным нам прежде достойным автором и доставили «час радости» многим читателям.

Ольга Солнцева

ЛЮБИМОЕ ЗАНЯТИЕ ПЕРСОНАЖЕЙ, НЕ ЗАМЕШАННЫХ В ИНЦЕСТЕ, — НЕСТРОЙНОЕ ПЕНИЕ ХОРОМ

ТЕАТР

Театр Луны

Москва
Фрэнсис Скотт Фицджеральд
«Ночь нежна»
Режиссер Сергей Проханов

Странно, но идея сделать из романа «Ночь нежна» романтический водевиль по новорусским мотивам до Сергея Проханова не приходила в голову никому. Хотя, казалось бы, лежала на самой поверхности: во-первых, французская Ривьера; во-вторых, юная кинозвезда в компании молодых людей; в-третьих, в той же компании — аристократка и богачка в руках выходившего ее психиатра. Последнее обстоятельство, видимо, и замутило чистоту замысла, и в конечном итоге получился спектакль не просто о «новых русских», а о «новых русских», открывающих для себя Фрейда.

На программке — подобие словаря: «Амбивалентность (чувств), инцест, либидо, сон». Все эти понятия расшифровываются. Ключевым, конечно, оказывается инцест.

Как, должно быть, помнят читатели, главная героиня Николь — душевно больна, потому что в детстве стала любовницей своего отца. История ее недуга и взаимоотношений с отцом хитро вплетена Фицджеральдом в узор других сюжетных линий. Упорные поиски намеков на причину несчастья заставляют вспомнить охоту пионеров за шпионами.

Фильм, благодаря которому прославилась другая героиня, юная Розмари, назывался «Папина дочка». Похоже, что словосочетание это, как молния, пронзило создателей спектакля, оно то и дело подчеркивается всеми, так что даже слыхом не слыхавшим о венской школе психоанализа станет понятно: вот они — амбивалентность, инцест и либидо.

Все прочие слова и персонажи концепции только мешают. Режиссер то надолго отсылает «массовку» за кулисы, то возвращает ее оттуда, заставляя разыгрывать на вилле Дайверов (стоявших, по выражению Фицджеральда, «на самой вершине внешней эволюции целого класса») сценки из серии «наши на Кипре».

Особенно преуспел в типажности Дмитрий Певцов (он играет вояку Томми Барбана): пальцы веером, грудь вперед и ни малейшей амбивалентности (чувств). В отличие от остальных Сергей Виноградов (Дик Дайвер) помнит, что речь все-таки идет об интеллектуалах, но интеллект, как это часто бывает, становится у него синонимом многозначительности: и на лице, и в диалогах. («Вы потеряли королеву». — «Нет, это вы ее у меня украли», — из диалога Николь с отцом за игрой в шахматы.) Многозначительность, в свою очередь, становится подтверждением наличия либидо.

Обеим дамам остается лишь оттенять достоинства кавалеров. И глупенькая кинозвездочка Розмари (Елена Захарова), и шизофреническая вамп Николь (Марина Блэйк) явно не понимают, для чего их вывели на сцену, где и без них мужчинам так хорошо.

Не знаю, какой диагноз поставил бы происходящему сам доктор Дайвер, но, возможно, он, как и те зрители, кто не уверовал до конца в тотальное могущество психоанализа, счел бы, что «дедушка Фрейд» на излете века, осененного его именем, заслужил именно такую нежную «лунную» ночь.

Виктор Рыжов

Театр на Литейном

Санкт-Петербург
«Триумфальная арка»
по Эриху Марии Ремарку
Режиссер Георгий Цхвирава

Для дебюта на петербургской сцене режиссер, уже прославившийся постановками в Екатеринбурге, выбрал не самый удачный материал. Или не самую удачную площадку. Театр на Литейном любую новую премьеру стремится подавать как сенсацию и, как правило, в этом преуспевает. Каждое новое название в его афише непременно должно чем-нибудь поражать. Между тем роман Ремарка — «один из многих», на его месте мог быть любой другой из тех, какими зачитывались в 70-е. История, рассказанная в нем, достаточно обыкновенна. Во всяком случае, спокойствие героев Ремарка, воспринимающих грядущую войну как нечто неизбежное и чуть ли не само собой разумеющееся, придает сюжету трагизм.

Спектакль Цхвиравы не настаивает на своей исключительности. Размеренное повествование, «сцены из романа» — в духе уже несколько старомодной манеры театра 70—80-х настраивают на неторопливость, на сопереживание персонажам. Тем более что в судьбе главного героя — хирурга Равика, беглеца из Германии, звучат вполне мелодраматические мотивы. Несчастная любовь. Преследование врага — гитлеровца, уничтожившего в застенках гестапо близких Равика. Бескорыстная дружба. Наконец, ожидание войны, которая принесет оккупацию Парижа немцами, концлагерь и гибель.

ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ ИГРАЮТ АЛЕКСАНДР МЕЗЕНЦЕВ И ИРИНА КУШНИР

На главную роль в своем питерском дебюте режиссер пригласил Александра Мезенцева, лауреата российских и международных театральных премий, переехавшего в Петербург из Челябинска. Возможно, именно Мезенцев с его амплуа «неврастеника» и вносит долю так необходимой театру необычности, приподнимая историю над мелодрамой. Его Равик давно принял грядущую гибель — свою и мира, он живет, будто по инерции, не заботится о собственном быте, не жалеет тех, кто лежит на операционном столе, не хочет любви. Один раз потеряв все, он боится обрасти привязанностями, чтобы не испытать утраты вторично. Отстраняясь от мира, который сам повинен в своей участи, Равик смотрит на него глазами шекспировского Шута. Когда Мезенцев носится из угла в угол сцены (у одного портала — убогая гостиничная койка, у другого — столик кафе, в глубине — операционная), кажется, будто герою хочется сжать пространство, а заодно и время. Равик обрел экзистенциальную свободу, и его ничто не держит в летящем к своей гибели Париже. Он скончался еще в берлинском гестапо, его время истекло.

Леонид Попов

Шостакович «из первых рук»

Главный герой монодрамы оказался един во многих лицах

Кира Верникова,
Анна Петрова

МУЗЫКА

Нынешний петербургский филармонический сезон проходит «под знаком» Мстислава Ростроповича: в сентябре — концертное исполнение «Леди Макбет Мценского уезда», затем масштабный (12 концертов) зимний фестиваль музыки Шостаковича, а под занавес музыкант собирается устроить Международный конгресс виолончелистов. Тема варьируется, главный герой — тот же.

За полгода юбилейных проектов нечаянная рифма «Шостакович — Ростропович» прочно закрепилась в сознании петербуржцев. Ростропович, поначалу ученик Шостаковича, вскоре перешел в ранг близкого друга, несмотря на 20-летнюю разницу в возрасте. Никто другой не развивал такую кипучую, иногда небезопасную деятельность во имя музыки Шостаковича. Именно Ростроповичу принадлежит идея музыкальных фестивалей в России, он до сих пор одержим фестивальным азартом — и большая часть его проектов связана с Шостаковичем. По инициативе Ростроповича в 1964 году в Горьком прошел первый в России фестиваль музыки композитора. Грандиозная программа горьковского фестиваля (около 50 произведений) была составлена Ростроповичем, программа же последнего фестиваля — «Петербург-1997» — Шостаковичем. Этот неожиданный ход имеет такую предысторию. «Как-то сидя с Дмитрием Дмитриевичем, — вспоминает Ростропович, — я поделился с ним мечтой провести в России фестиваль его музыки. «А сколько концертов вы думаете сделать?» — спросил Шостакович. Цифры, как говорится, я взял с неба: «Шесть симфонических и пять камерных. Я был бы очень благодарен вам, если бы вы сами наметили программы фестиваля». Пару лет назад, роясь в своем архиве, я нашел эти пять листков».

В программу, составленную Шостаковичем, помимо ключевых произведений — симфоний (от Первой, 1925 год, и до Тринадцатой, 1962 год) и квартетов, вошли сочинения, к судьбе которых так или иначе причастны Ростропович и Вишневская. Это виолончельные концерты и «Сатиры» на стихи Саши Черного, антракты из «Леди Макбет» и арии Катерины... Даже произведения Шумана и Мусоргского попали на фестиваль-монографию, поскольку оркестрованы «Для Гали и Славы» (подобный оборот увековечен также и посвящениями Бриттена).

Как представляется, идея фестиваля оказалась в конце 90-х актуальна в первую очередь потому, что его программа посвящена инициатору. Фестиваль не только монографичен — он наделен чертами монодрамы. Ростропович, ее центральный герой, совмещает амплуа солиста, участника камерных ансамблей и главного дирижера. Сосредоточенность на его фигуре придает фестивалю дополнительный смысл: звучит Шостакович Ростроповича, Шостакович «из первых рук».

Двенадцать концертов для слушателей оказались и праздником, и испытанием. Их атмосфера определялась характером интерпретации Ростроповича — изматывающим эмоциональным накалом, исповедальной откровенностью.

Четыре выступления маэстро в качестве виолончелиста внимательному слушателю явили «феномен позднего стиля»: бездны смысла за каждой нотой упраздняют вопрос о качестве и особенностях техники, композиция целого складывается из гениальных фрагментов-откровений. За дирижерским пультом Ростропович часто шел наперекор традициям: так, от темпов, выбранных для хрестоматийной Пятой симфонии, дух захватывало и у слушателей, и у оркестрантов. Одна из «симфонических» вершин фестиваля — фрагменты из «Леди Макбет». Калейдоскопичность антрактов, где на протяжении десятка тактов могут соседствовать фарс и трагедия, где ноктюрн неожиданно перебивается лихим галопом, а его, в свою очередь, сменяют цитаты из классиков, подана Ростроповичем вызывающе рельефно. «Падчерица» репертуара симфония «1917 год» была исполнена с максимальной заботой о логике формы и осмысленности интонации.

Кульминацией камерной программы стало выступление ансамбля, объединившего Гидона Кремера, Татьяну Гринденко, Юрия Башмета и Мстислава Ростроповича. Были сыграны Второй и Восьмой квартеты Шостаковича. Вокальные сочинения исполнили Нина Павловская (арии Катерины), Валерия Стенькина («Сатиры»), терцет солистов Мариинки: Татьяна Кравцова, Ольга Маркова-Михайленко, Сергей Киселев («Из еврейской народной поэзии»). «Песни и пляски смерти» достались приме Мариинской оперы Ольге Бородиной. Ее героиня всевластна, убеждать кого-либо в этом нет необходимости, и Бородина пела вкрадчиво, цинично-спокойно, избежав плакатной вокальной аффектации, форсированного звука.

В фестивале-монографии нет «последней главы» и «эпилога» — поздних сочинений Шостаковича, написанных после полемической Тринадцатой симфонии. Отсутствие в программе важных для композитора Четвертой и Восьмой симфоний объяснимо: фестиваль изначально был рассчитан на провинцию (провести его в столицах при жизни композитора было невозможно), и уровень местных оркестров мог оказаться недостаточным для сложнейших партитур.

Вероятно, идеализм как способ мировосприятия присущ Мстиславу Ростроповичу. Стремление реализовать Идею фестиваля-завещания оказалось для него важнее сотворения музыкальной Материи. Власть Идеи распространяется и на проект создания памятника Шостаковичу. Передавая весь исполнительский гонорар на будущий монумент, Ростропович говорит не о том, каким он видит памятник, не о его предполагаемых авторах или месте в Петербурге, где его можно установить, но о том, что памятник Шостаковичу должен быть. ■

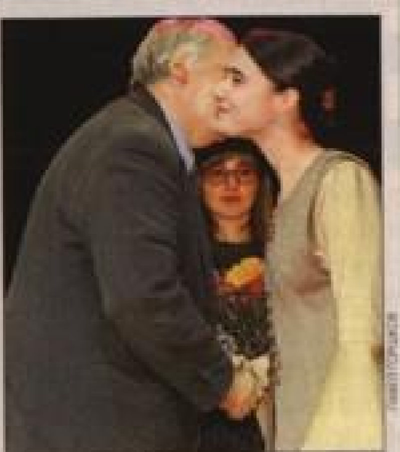

Оркестр **шумовых** инструментов

Вот такой оркестр, включающий рояль, пишущую машинку, стиральную доску, счеты и ведро, исполнял фрагменты из классических балетов на открытии «офф-programm'ы» театрального фестиваля «Золотая маска». Входящие в его состав актеры Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко выступили с почином организовать новую премию для артистов балета — «Золотой валенок». Как стало ясно потом, это было одно из самых невинных выступлений в серии вечеров под названием «Обратно театр». ■

Е. Г.

Анны на шеях

Завершился IV конкурс студенческих фильмов на соискание премии «Св. Анна». За «Анн» боролись сто картин и десять киношкол стран СНГ и Балтии. Жюри наградило чуть ли не каждый третий фильм. Перечислим лишь обладателей основных премий.

По разделу **анимационного кино**: третья премия — Кирилл Федулов («Бородатый анекдот»), вторая — Андрей Золотухин («Бабушка») и Валентин Ольшванг («Розовая кукла»), первая — Мария Степанова, на фото справа, («Два маньяка, старик и собака»).

По разделу **документального кино**: третья — Евгений Соломин («2 1/2 недели в раю»), вторая — Игорь Борисенко («Все будет хорошо») и первая — Алексей Янковский («Ночь. Весна»).

По разделу **игрового кино**: третья — Александра Хребтова («Дом на слом»), вторая — Иван Попов («Котенок») и первая — Евгений Звездаков и Максим Попов («Close up»). ■

Ю. Г.

АВТОР И ИСПОЛНИТЕЛЬ ПЕСНИ «СЧАСТЬЕ» **АНДРЕЙ ЯКУШИН** И РЕЖИССЕР КЛИПА-ПОБЕДИТЕЛЯ **АЛЕКСЕЙ КОЛМОГОРОВ**

Пятое поколение **видеоклипов**

В ночь с 12 на 13 марта в кинотеатре «Кодак-Киномир» были торжественно объявлены победители фестиваля видеоклипов «Поколение-96», который вот уже пятый год проводит компания Art Pictures Group. За два дня до церемонии зрители канала НТВ имели возможность посмотреть практически все представленные на конкурс видеоклипы и проголосовать. Приз симпатий телезрителей достался «Зайке» Филиппа Киркорова. «Большое жюри», куда вошли все аккредитованные на фестиваль профессионалы шоу-бизнеса, методом анкетирования определило победителей в малых номинациях, а также «клип года», — «Танго» Кристины Орбакайте (режиссер Армен Петросян).

Судьбу Гран-при определило основное жюри фестиваля, которое возглавлял Константин Эрнст. Жюри потратило 16 часов на отсмотр более 160 роликов (в прошлом году в конкурсе участвовали 94 клипа) и вынесло более чем неожиданное решение: главный приз — «Золотое яблоко» в номинации «лучшая работа режиссера» разделили Григорий Константинопольский за клип «Вовочка» группы «Леп-See» и практически не известный широкой публике Алексей Колмогоров за ролик столь же малоизвестных Андрея Якушина и группы «Прощай молодость» под названием «Счастье».

Если Константинопольский, дебютировавший в шоу-бизнесе в 90-м «Звездой микрорайона» группы «Бригада С», может считаться одним из ведущих российских клипмейкеров, то Колмогоров снял всего четыре ролика, два из которых никогда не были в эфире. Оба обладателя Гран-при признались, что решение жюри было для них совершенно неожиданным.

В 1992 году, на первом фестивале «Поколение» лучшим был признан клип «Посмотри в глаза» Натальи Ветлицкой. Для Гран-при оказалось достаточно эффектно снятой кисточки, которой наносят золотую пудру на бедро высокой блондинки. Цель же фестиваля состояла в пропаганде и утверждении музыкального клипмейкерства как принципиально нового вида искусства в новой России. С тех пор ситуация изменилась кардинально: популярная музыка стала основным направлением отечественной культуры, профессионально сделанный видеоклип стал нормой, а телевидение стало брать деньги за показ музыкальных роликов. (Бесплатный для участников конкурса ночной видеомарафон на канале НТВ дал зрителям уникальную возможность увидеть клипы, которые иначе никто бы никогда увидеть не смог.)

Решения жюри этого года продемонстрировали, что в новой ситуации «Поколение» видит свои функции по-иному. Эрнст со товарищи явно пытается поддержать как независимых клипмейкеров, так и музыкантов («Золотое яблоко» клипу «Вовочка» стоит рассматривать скорее как продвижение талантливых девушек из группы «Леп-See», нежели приз режиссеру хоть и неплохо сделанного, но бессюжетного и несколько однообразного видеоклипа). Все четче проступают различия между малыми и тремя основными номинациями — «художник», «оператор», «режиссер». На этот раз «Золотое яблоко» художнику вручено не было, что автоматически добавило престижа оператору и режиссеру. ■

Михаил Фишман

Обезьяну — в хорошие руки

SCRABBLE

КАЖДЫЙ ИГРОК ИМЕЕТ СВОЕ представление о красоте и, руководствуясь эстетическими соображениями, готов подчас выставить редкое словцо, даже если это — не самый лучший (по количеству очков) вариант хода. Особенно бывает обидно, когда такое слово целиком вытаскиваешь из «базара», но приходится от него отказываться, поскольку его не к чему приставить на доске. Кому случалось развешивать объявления «Отдам щенка в хорошие руки», оценит сложность сегодняшней задачи. Она состоит в том, чтобы пристроить на доске «гориллу». Счастье еще, что этого зверя можно «расчленить» на составляющие. У меня обезьяньи «составные части» потянули на 155 очков. ■

Задача №9
Попробуйте использовать все имеющиеся у вас буквы.

Г3 О1 Р2 И1
Л2 Л2 А1

Решение задачи №9

а12↓ КЛИНОК
(9+6 за слово из 6 букв = 15 очков).
а15↓ ПОПАСТЬ
(15 + 7
за слово из 7 букв)*3 = 66 очков).
b9→ МУЛЛА
(10 очков).
с8↓ ПОРТЬЕРА
(16 + 8 за слово из 8 букв = 24 очка).
h7→ ДЕНЬГИ
(14+6 за слово из 6 букв =
20 очков).
Премия за использование всех букв 20 очков.
Итого: 155 очков.

Экзотическое блюдо

ПРЕФЕРАНС

ИГРА БЕЗ КОЗЫРЯ ВСТРЕЧАЕТСЯ в преферансе довольно редко. Для гарантированного выигрыша бескозырки играющий должен иметь очень сильную карту. Используя возможность назначать козыря по своему усмотрению, вы увеличиваете количество своих взяток, и нужны веские причины, чтобы не воспользоваться этим правом. Поэтому бескозырка является весьма «экзотическим блюдом» за преферансным столом и всегда вызывает оживление.

Иногда бескозырку заказывают при очень сильной карте, чтобы «напугать» соперников и не отдавать висты (на девятерной вкладелец козырного виста ничего не боится, а так ему придется хорошенько подумать, прежде чем сказать «вист»). Но чаще бескозырка заказывается при самой что ни на есть козырной карте. Например, когда у играющего пять старших в козырях и туз в другой масти, то при своем ходе он обычно продолжает торговлю до шести без козыря в надежде отнять игру у противника. Шансов прикупить к длинной козырной масти (чтобы заказать семерную) мало, но при своем ходе играющий, если все-таки выиграет торговлю, даже ничего не прикупив, всегда отберет нужные ему шесть взяток.

При бескозырной игре обычная тактика вистующих — попасть в козыря — не годится по причине отсутствия козырей, и вистующие практически всегда открываются, чтобы найти верный ход. Правда, в большинстве случаев на бескозырной игре «нечего ловить», и после открытия карт оживление сменяется разочарованием, но иногда все-таки предстоит увлекательный розыгрыш. Как правило, это происходит, когда играющий «заторговался», то есть перешел свою масть и, выиграв торговлю, должен играть семерную, а взяток для этого явно не хватает. Тут играющий вовремя припоминает, что подсад без двух на простой игре стоит дешевле, чем без одной на семерной, и заказывает «шесть без козыря». Вообще это весьма рискованное решение. Если за прикуп торгуются несколько игроков, следует ожидать неравномерного расклада карт по мастям, и в этом случае играющий «без козыря» может рассчитывать только на те взятки, которые отбирает подряд при своем заходе.

Но случается, что бескозырка — самый надежный способ игры, например при карте ♠Т, К, В, 7, ♣Т, К, В, ♦Т, Д, ♥К, 9, 8 играющий (на третьей руке) после опрометчивой торговли до треф резонно решил, что при висте «в темную» у него мало шансов на выигрыш 7♠, да и 6♣ сомнительны. А вот отправив в снос ♠7, ♥8 и заказав игру «без козыря», он при любом раскладе и при любом ходе гарантированно берет свои шесть взяток.

Другой любопытный розыгрыш лег в основу сегодняшней задачи: Вист 1, приложив туза червей к бубне, начал торговлю, игрок на третьей руке, рассчитывая на прикуп, сказал «трефа» и после того, как Вист 1 обнаружил свою оплошность и спасовал, оказался вынужден назначить игру с картой, показанной на рисунке. После некоторых раздумий он заказал «шесть без козыря» и сумел-таки сыграть свою игру (заметим, что «семь пик» при данном раскладе он проигрывал). ■

Страница Дмитрия Генина

Решение задачи №10

1) ♠К, 7, Т; 2) ♠7(!), 10, Д; 3) ♦8, Т, 7;
4) ♣Т, ♥7, ♣8; 5) ♠К, ♣Д, ♣9;
6) ♣8, ♦9, ♣9; 7) ♦Д, К, ♣10;
8) ♦10, ♣В, ♦8; 9) ♥Т, 8, 8;
10) ♥10, Д, К — единственный
способ сыграть «свою игру».